SOCIETY FOR CENTRAL ASIAN STUDIES
Reprint series №4

Г. САФАРОВ

КОЛОНИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

G. SAFAROV

THE COLONIAL REVOLUTION

Oxford

SOCIETY FOR CENTRAL ASIAN STUDIES
Reprint series N°4

G. SAFAROV

THE COLONIAL REVOLUTION

(THE CASE OF TURKESTAN)

Oxford

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. САФАРОВ

КОЛОНИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(Опыт Туркестана)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

© The Society for Central Asian Studies
P.O. Box 131, Oxford OX1 2NJ, England
1985

GRIGORII SAFAROV

Grigorii Safarov was born in Russia in 1891. In 1908, while a seventeen year-old student at the University of St. Petersburg, he joined the Russian Social-Democrat Workers Party and soon became a militant member of its Bolshevik faction. Arrested for the first time in 1910, he was soon released and went abroad, first to Germany, thence to Switzerland. He returned to Russia in 1912 and became a member of the St. Petersburg Bolshevik Committee; at the end of the year, he was again jailed. Released again after a few months, Safarov made for Switzerland and later for France, where he worked for a short time as a manual labourer in the St. Nazaire shipyards. In 1914, he left France for Switzerland yet again, thence to Germany, and in March 1917, Safarov arrived in Russia with Lenin.

In Petrograd, Safarov joined the Bolsheviks. He took an active part in the preparation and execution of the Bolshevik takeover of Petrograd. After this victory, he assumed various responsable positions in the Bolshevik Party and in the Soviet administration during the first two years of the new regime. In July 1920, Safarov attended the Second Congress of the Communist International as a member of the Russian Bolshevik delegation. At this Congress, he was named a member of the Komintern's Far Eastern Bureau, located in Tashkent. At the same time, he was named by Lenin a member of the special com-

mission of the Central Committee of the Russian Communist Party (bolshevik) to investigate the troubled situation in Central Asia. It was during his stay in Tashkent and as a result of his travels throughout Turkestan that Safarov developed the analysis and collected the materials which appear in his book on the colonial revolution reproduced here.

In March 1921, at the Tenth Congress of the RCP(b), Safarov was elected a candidate member of the Central Committee of the Party. From that time until late 1922, he enjoyed a brilliant double career in the Party and in the Komintern. In November 1921, he became chairman of the newly formed Komintern section for the Middle East. As such, Safarov played an active and responsible role at the highest levels of the Komintern – especially in its Executive Central Committee and Presidium – in the elaboration of its colonial strategy. Together with his friend Zinoviev, he was in January-February 1922 the main speaker for the Komintern at the important Congress of Revolutionary Peoples and Organisations of the Far East, which was held in Moscow and Petrograd, at which the Komintern's strategy for east Asia was first articulated. Safarov also played a preeminent role at the Fourth Congress of the Komintern in Moscow, and it was there that he was elected to be a member of the Komintern's Central Committee and of its Colonial Commission.

The year 1922 marked a watershed in Safarov's career, mainly as a result of his opposition to Stalin. From this point, his possibilities declined dramatically. In 1924, he relinquished his chairmanship of the Middle and Far Eastern Section of the Komintern and moved to Leningrad, where he became an influential member of the Zinoviev opposition and Chief Editor of *Leningradskaia Iskra*. Safarov was denounced at the 14th Congress of the RCP(b) in 1926 as a member of the anti-Stalin opposition, and he was dismissed from the Central Committee of the Party. However, after a short time – and having offered

a model of «self-criticism», or *samokritika* – he was readmitted to the Party.

In the period 1929-30, Safarov worked once more in the Far Eastern Section of the Komintern – but only as a minor executive – as an expert of Chinese affairs. In 1934, he was expelled from the Party as a Trotskiste. In 1938, he was arrested and deported to a camp (probably Solovki), where he died in 1942 (probably executed).

One of the few biographies of Grigorii Safarov is to be found in the *Biographical Dictionary of the Comintern* by Branko Lazitch and Milorad M. Drachkovitch (Stanford: Hoover Institution Press, 1973, p. 354).

* * *

Grigorii Safarov's work belongs to a small category of materials produced by high-ranking Bolsheviks who had been actors or eyewitnesses to the Revolution and who recorded their observations in a fairly objective way. Most of these works appeared during the very short period of 1921-1926 when a certain intellectual independence was still tolerated by Soviet rulers. Other works of this kind include:

– Turar Ryskulov, *Revoliutsiia i Korennoe Naselenie Turkestana*, Tashkent, 1925. See, The Society for Central Asian Studies, Reprint Series, No. 3 (Oxford, 1985).

– Mir Said Sultan-Galiev, «Tatary i Oktiabr'skaia Revoliutsiia», *Zhizn' Natsional'nostei*, No. 21 (122), 5 November 1921; and «Tatarskaia Avtonomnaia Respublika», *Zhizn' Natsional'nostei*, No. 7, January 1923. See The Society for Central Asian Studies, Reprint Series, No. 1 (Oxford, 1984).

– Najmuddin Samurskii (Efendiev), *Dagestan*, Moscow, 1925.

– A.A. Takho-Godi, *Revoliutsiia i Kontrrevoliutssia v Dagestane*, Moscow, 1927.

These works and a few others represent our best source for the history of the Bolshevik takeover and of the first years of Soviet rule in the Muslim regions of the former Tsarist empire. It would of course be an exaggeration to consider these testimonies as «objective» in any scholarly sense of the term. For example, there is no objectivity in their treatment of the new regime's «enemies». On the other hand, these authors do not attempt to hide the mistakes, blunders, and brutalities by Soviet officials and the Red Army, which were so much a part of the Bolshevik seizure of power and their subsequent re-consolidation of the Russian empire. All of these works were placed on the forbidden list in the USSR shortly after their appearance. Their authors, for the most part, were liquidated. Today they are forbidden to Soviet scholars, and non-Soviet scholars seldom find them in libraries or private collections.

Other eyewitness sources have survived, usually because the reporter was either a foreigner in Russia at the time of the Revolution and managed to leave or because he was a former citizen of the Empire who managed to emigrate. The best of these works include:

– Ahmet Zeki Velidi Togan, *Bugünkü Türkili (Türkistan) ve yakin Tarihi*, Istanbul, 1947; and *Hatiralar*, Istanbul, 1969.

– Joseph Castagné, *Le Turkestan depuis la Révolution Russe*, Paris, 1922, and *Les Basmatchis*, Paris, 1922.

– Mustafa Chokay oglu (Chokaev), *Turkestan pod vlast'iu Sovetov*, Paris, 1935.

– Mehmet Emin Rasul Zade, *L'Azerbaidjan en lutte pour l'indépendance*, Paris, 1930.

– Ayaz Iskhaki, *Idel-Ural*, Paris, 1933.

I

ВОСТОК И РЕВОЛЮЦИЯ.

Второй конгресс Коммунистического Интернационала признал, что "в отсталых странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания под руководством сознательного пролетариата передовых капиталистических стран". Это признание является принципиальным выводом из опыта национальных советских республик на пространстве бывшей Российской империи и из факта революционного пробуждения колониальных народов и угнетенных национальностей Востока: Индии, Китая, Персии, Турции и т. д. Европейский империализм отрезал эти народы от широкой дороги исторического развития. Они оказались в стороне от технической революции, революционной ломки общественных форм и культурного прогресса. Европейский капитализм в этих странах не произвел коренного переворота в способе производства. Он воздвиг над существовавшей там исторически сложившейся системой феодальных и феодально-патриархальных отношений только свою собственную *надстройку*, в виде империалистической бюрократии, коммерческой агентуры европейского капитала и "ввозной" европейской промышленности. Он усилил эксплоатацию земледельческого населения, произведя захват лучших земель и источников сырья и горючего,

но не уничтожил исторически-реакционной феодальной эксплоатации. Там, где мог, напр., в Индии, он разрушил местную кустарную промышленность, заменив на туземном рынке местные кустарные изделия европейскими фабрикатами. "Освободившиеся" от кустарного производства рабочие руки были вытолкнуты в земледелие. Установление промышленной гегемонии и военно-политической диктатуры европейского капитала в колониях повлекло за собой, так сказать, прикрепление к земле подавляющего большинства туземного населения и вместе с тем сделало неизбежными, во-первых, эмиграцию излишнего населения в промышленные районы (пример: отход персов на заработки в Баку) и, во-вторых, его периодическое вымирание во время неурожаев (Индия).

Таким образом, европейский капитализм затормозил культурное и хозяйственное развитие колониальных народов и искусственно задержал разрешение реакционных форм быта и идеологии. Конечно, поскольку в этой части земного шара капитализм не мог появиться никаким другим способом, он выполнил свою революционизирующую роль. Карл Маркс совершенно открыто признавал эту "цивилизаторскую миссию" даже за старой царской Россией. "Русское господство, – писал он в письме к Фр. Энгельсу от 23 мая 1851 года, – при всей его гнусности, при всей его славянской неопрятности имеет цивилизирующее значение для Черного и Каспийского морей, для Средней Азии, для башкир и татар". Но дело не в этом. Особенностью развития "ввозного" капитализма в колониях было то, что там его развитие шло не тем путем, каким оно шло в Европе и Америке. Здесь капитализм не вспахивал почвы для капиталистической фабрики. Здесь он придерживался "переложной системы": выжигал целину, давал расти на ней всем злакам, истощал ее до крайнего предела, а потом забрасывал. Здесь велось экстенсивное хищническое хозяйство. Разоренный кустарь не превращался в заводского пролета-

рия, но садился на землю в качестве полукрепостного полубатрака, становился почти буквально рабочим скотом у крупного землевладельца или у подрядчика на европейских промыслах. То же происходило и с кочевником, терявшим скот. Самостоятельный земледелец не уходил наемным сельскохозяйственным рабочим на капиталистическую ферму, но делался паупером, неоплатным должником местного ростовщика и европейского комиссионера. Разрушая туземную кустарную промышленность и разоряя туземное сельское хозяйство, европейский капитализм в то же время закреплял все командные должности и квалифицированные профессии за "носителями высшей культуры", европейцами. Европеец – инженер, мастер, комиссионер, администратор; туземец – чернорабочий, земледелец. Так же, как в капиталистическом обществе, все развитие производительных сил совершается в виде усиления господства капитала над трудом, в колониях это развитие только увеличивало *классовый* антагонизм, классовую противоположность между командующей нацией и нацией угнетенной. Европейский капитализм не слишком сильно потревожил имущие, эксплоататорские верхи угнетенных народов. Крупные землевладельцы, купцы, туземные ростовщики, духовные лица разных сортов и даже мелкие полицейские исполнители остались на своих местах, освященных привычкой, религией и историей. Над ними лишь выросли новые фигуры представителей европейской империалистической бюрократии, европейского капитала христианских миссионеров и торговых комиссионеров. К феодальной эксплоатации полукрепостного крестьянина крупным землевладельцем, ростовщиком и деспотическим государством присоединился еще чужеземный, капиталистический, национальный гнет. В силу этого обстоятельства европейское засилье не уничтожило отсталого гражданско-семейного быта и традиционной, воспринятой от предков идеологии, но, напротив того, усилило их господство, поскольку этот

быт и эта идеология стали дороги угнетенным массам, как формы сохранения национальной культуры, как средство их борьбы за свою национально-культурную самостоятельность против насильственной ассимиляции со стороны европейского капитала. Именно этим объясняется неослабевающая и до сих пор сила влияния панисламизма, панмонголизма, паназиатского движения ("Азия – для азиатов") и других подобных же течений, стремящихся укрепить позицию имущих классов угнетенных национальностей.

"Желание сохранить отсталые формы производства от вторжения капитализма – вот экономический базис, который мог легко солидаризировать многомиллионные массы, расселенные на материках Азии, Африки и Европы"*. Это одинаково относится как к панисламизму, так и к другим таким же движениям.

Европейский капитализм *еще не успел* переварить в фабричном котле население колоний и полузависимых стран Востока, как вспыхнула коммунистическая революция европейского пролетариата. Это было неизбежным следствием той *диспропорциональности,* неравномерности развития отдельных частей мирового хозяйства, которая составляет самую сущность капиталистического способа производства. Капитализм вырыл пропасть между развитой промышленностью и отсталым сельским хозяйством. Капитализм вызвал противоречие между производством средств потребления и производством средств производства. Капитализм же столкнул промышленный прогресс Европы с первобытной отсталостью колоний. Именно перерождение промышленного капитализма в империализм было причиной мировой войны. Во время империалистической войны многие народы из колониальных народов оказа-

* Эфендиев, Политические течения среди мусульман – "Жизнь национальностей", № 33, 41, 1919 г.

лись подневольными поставщиками колониальных войск и рабочих армий для войны в Европе. Империалистическая война поставила *национальный вопрос во всемирно-историческом масштабе,* в масштабе всего мирового хозяйства. Опираясь на Турцию, германский империализм попытался привлечь народы Востока в свой лагерь. Союзный империализм, в силу своего международного положения, естественно должен был больше спекулировать на латинское и славянское сродство в Европе.

Империалистическая война лишила колонии всех "выгод" от связи с европейским капиталом в виде притока европейских товаров, технических средств и капиталов, и в то же время увеличила дань с колоний пушечным мясом, сырьем и прочим. Также возрос и политический гнет. Итогом войны был версальский раздел – с одной стороны и пролетарская революция в России с революционным кризисом в Европе – с другой. Этим самым предопределился ход революции на Востоке. *Война сузила базис, основу капиталистического способа производства не только в рамках каждого отдельного национального хозяйства, но и на пространстве всего мирового хозяйства.* Точно так же как в Европе предприимчивого промышленного капиталиста мирных времен, всюду вербующего новые рабочие руки, вечно ищущего свободных капиталов и непрерывно выбрасывающего на рынок все новые и новые массы товаров, сменил спекулянт, открытый враг массового потребителя, сознательный проводник постоянного сокращения общественного производства, на Востоке европейского коммивояжера и "мирного завоевателя" сменил настоящий завоеватель и усмиритель во всеоружии европейской военной техники, в золотых погонах, с "мандатом" на неограниченное количество колониальных рабов и на неограниченные пространства. В Европе гражданская война сделала *экономической* необходимостью *военную* диктатуру капитала. Пробуждение угнетенных народов к борьбе за свое нацио-

нальное существование в Азии сделало такой же экономической необходимостью *усиление захватной политики* капитала на Востоке. И военная диктатура в Европе, и захватная политика в Азии оказались *единственными* средствами расширения базы капитализма в условиях мировой хозяйственной разрухи и всеобщего революционного кризиса. Грабить у одних, чтобы давать подачки другим, и подавать подачки другим, чтобы грабить третьих и так далее без конца, – такова реальная суть политики международного империализма, *маневрирующего* перед пролетарской революцией в Европе и колониальной революцией в Азии. Общий враг создает и общие интересы в борьбе, боевую солидарность его противников. *Союз с европейским коммунистическим пролетариатом* предстал перед народами Востока как железная историческая необходимость. На широкой дороге мировой истории с капитализмом столкнулись и прямые его наследники, революционные пролетарии, и самые последние его пасынки, угнетенные народы. Капитализм разбил человечество на командующие нации и нации порабощенные. Революция объединила трудящихся командующих наций с трудящимся большинством порабощенных наций. Началом мирового революционного кризиса была пролетарская революция в России. Победа пролетариата на территории бывшей "тюрьмы народов", царской империи, определила конкретно *классовое* содержание этого союза. Русский революционер А.И. Герцен когда-то писал: "европейцы считают, что Россия – это Азия; азиаты же считают, что Россия – это Европа". Таково было положение царской России. В Европе она исполняла роль международного жандарма, в Азии она вела великодержавную политику европейских разбойников. Как это ни странно, но старая формула, правда, в уже обратном смысле, осталась верной и для нового положения. Перед банкирско-помещичьей Европой Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика выступила, как

носительница страшной заразы "азиатского большевизма". На Востоке она оказалась в роли проводника идей европейской коммунистической революции. Тут обнаружилось революционное своеобразие нашего исторического положения между Востоком и Западом. Российскому пролетариату пришлось *первому* практически решать вопрос о привлечении масс *мелких* производителей на сторону коммунистической революции, *первому* ему пришлось решать практически и вопрос о превращении *национально-демократических* движений в движения *социально-революционные.*

Предыдущий ход исторического развития обусловил легкость его победы. Сосредоточенный в густых очагах крупной промышленности, имея за собой для маневрирования огромные пространства, пролетариат сразу же оказался в более выгодном стратегическом положении, чем его враги: контр-революции пришлось наступать с окраин, где она попыталась опереться *на имущие, эксплуататорские верхи* ранее угнетенных царизмом наций. Ведь вся предыдущая история России была "историей колонизации"*.

Одним из первых шагов пролетарского правительства была "декларация прав народов России" (от 2/15 ноября 1917 г.), признавшая за всеми народами бывшей царской империи право на национальное самоопределение, вплоть до отделения и создания своего собственного национального государства. Тем не менее, для того, чтобы воплотить право на национальное самоопределение *в советских формах*, нужно было прежде всего преодолеть историческое противоречие между русским городом и нерусской национально-бесправной деревни. Нужно было завоевать доверие трудящихся масс угнетенных национальностей, отшибив у отсталых слоев русской рабочей массы бессознательный национализм и показав угнетенным настоящую массовую, трудовую Советскую власть. По существу эта задача совпа-

* Выражение В.О. Ключевского.

дала с другой – с привлечением масс мелких производителей, – крестьян-середняков в центральной России, – к советскому строительству, и этим было облегчено ее решение. Контр-революция помогла разоблачению буржуазного демократизма в глазах середняка-крестьянина, увидевшего за фразистым "социалистом-революционером" фигуру помещика. *Контр-революция помогла разоблачению национально-буржуазного демократизма в глазах трудящихся угнетавшихся царизмом наций*, которые в ходе гражданской войны очень хорошо разглядели за воинственной националистической интеллигенцией фигуру старого российского жандарма, русского хлопчатобумажного патриота и европейского империалиста. Колчак, Деникин, Манергейм, Скоропадский, союзные и немецкие генералы выдали с головой буржуазных социалистов – меньшевиков и эсэров. Колчак, Деникин, Маннергейм, Скоропадский, союзные и немецкие генералы выдали с головой и киргизскую "Алаш-Орду" и украинских Петлюру и партизанов, и многих и многих других.

Можно без всякого преувеличения сказать, что классовое самоопределение всех угнетавшихся царизмом национальностей произошло *в ходе гражданской войны*. В непосредственной борьбе, в процессе физического столкновения классовых интересов массы приобрели революционный опыт и *на основании* его переходили к *новым* формам общественного строительства. В степном Киргизстане организовалась "Алаш-Орда", взявшая курс на Самарскую учредилку; учредилка привела к Колчаку; из-под пяты Колчака киргизские трудящиеся массы вполне сознательно перешли на сторону Советской власти. Тот же путь был проделан Башкирией. Украина проделала более длинный путь: сначала – борьба между Радой и Советской властью, опирающейся, главным образом, на пришлых рабочих, потом немецкий генерал Эйхгорн с гетманом Павло Скоропадским; за ними Петлюра и французские генералы; непродол-

жительное господство Советской власти, подрываемой кулацкой партизанщиной и петлюровщиной; затем представитель "единой и неделимой" – Деникин, и, наконец, неизбежная, как сама судьба, украинская Советская власть. Одно превращение Винниченко из главаря буржуазной Рады в заместителя председателя Совета Народных Коммисаров Украинской Социалистической Советской Республики говорит больше, чем десятки "общих" рассуждений.

В ходе гражданской войны – между пролетарской диктатурой и империализмом – *Советская власть стала формой национального и классового самоопределения трудящихся масс угнетавшихся царизмом национальностей.* На территории бывшей Российской империи союз угнетенных народов с революционным пролетариатом осуществился в *форме социалистической федерации национальных советских республик.* Советская революция среди народов Востока, ранее составлявших принадлежность "российской державы", перебросила мост между коммунистическим Западом и революционным Востоком. Российский пролетариат сумел воспользоваться *своеобразием* своего революционного положения для того, чтобы наряду с миллионами коммунистов-пролетариев Европы поднять против империализма стену мятежных трудящихся масс Востока. Тов. Ленин правильно отметил международное значение многих основных черт нашей революции в смысле "исторической *неизбежности повторения* в международном масштабе того, что было у нас"*. Советская власть, как форма государственной классовой организации трудящихся масс, была *проверена* на практике и в промышленном пролетарском Петрограде, и в вятской русской деревне, и среди татар-крестьян Поволжья, и в украинской деревне, и в условиях "сплошного" национального быта на Востоке, где еще

---

* В. Ленин, Детская болезнь "левизны" в коммунизме, 1920 г.

крепки патриархальные и патриархально-родовые связи, – в Киргизстане, Башкирии, Туркестане и Азербайджане. Всюду она показала свою пригодность. Эту особенность пролетарского правительства К. Маркс отметил еще в своей оценке Парижской Коммуны: "Различные толкования значения Коммуны, *разнообразные интересы*, которые она выражала, доказывают, что она была *весьма растяжимою государственною формою*, меж тем как все прежние формы правительства были по существу своему *формами угнетения*. Тайна ее заключается в том, что она, по существу своему, была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда"*. Революция в наивысшей мере ускоряет течение событий. Она сгущает классовые противоречия даже в самой отсталой среде до крайних пределов. Долголетняя выучка в школе истории заменяется сокращенным обучением по революционному методу. Народы и общественные классы переживают в месяцы то, на что потребовались бы десятки лет мирного развития.

Мировая революция против империализма заставляет всех – и угнетателей, и угнетенных – равняться в одну шеренгу.

Превращение буржуазно-национальных движений в движения социально-революционные происходит в силу обострения классовых противоречий внутри освобождающихся наций и под давлением международной обстановки. Изживание буржуазного господства в среде передовых наций влечет за собой и более отсталые на путь советской революции. Контр-революция выступает в качестве *нападающей* стороны.

Диктатура империализма разоблачает буржуазный на-

---

* К. Маркс, Гражданская война во Франции.

ционализм и на Западе и на Востоке. Имущие верхи угнетенных наций стараются сразу же захватить государственную машину, как свою *классовую* добычу. Для них национальная революция выражается в *расширении национального фундамента эксплоатации*. Это расширение заключается в том, что местный фабрикант, купец и крупный землевладелец вытесняют пришлых чужеземцев и создают свой собственный аппарат классового угнетения. С другой стороны, "вместе с дальнейшим развитием товарного производства у народа возникает потребность в классе интеллигенции, говорящей на его родном языке, в национальной интеллигенции, и эта потребность в языковой культуре выливается в потребность в национальной по форме культуре, хотя бы содержание ее было самым что ни на есть интернациональным. И если у нации возникает потребность в национальном классе интеллигенции, то у этого класса в свою очередь вырастает *потребность в великой образованной нации*" *. Националистической буржуазии и буржуазной интеллигенции нужны свой рынок, своя биржа, своя бюрократия, свой командный офицерский корпус, свои писатели и журналисты, свои министры, депутаты, профессора и музыканты. На первых порах они выражают национальную потребность в буржуазном развитии. Но эта потребность, в обстановке мировой хозяйственной разрухи и всемирного революционного кризиса, неизбежно *сталкивается с классовыми противоречиями внутри освобождающейся нации в международном масштабе.* Демократия на национальной основе превращается в национальную буржуазную диктатуру. Прекрасный пример — страна старых демократических традиций, Финляндия. "Нам казалось, — пишет тов. Куусинен о начале революции в Финляндии, — что парламентский демократизм открывает нашему рабочему движению неожиданно широкий и ровный путь к цели. Наша

* Каутский, Национальные проблемы, Птг, 1918 г., стр. 49.

буржуазия не имела в своем распоряжении ни армии, ни даже сколько-нибудь надежной полиции; мало того, у нее не было даже возможности добиться законным путем их организации, так как для этого потребовалось бы согласие социалистического большинства сейма*. И, несмотря на это, буржуазия сорганизовала свою белую гвардию и разгромила финский рабочий класс, призвав на помощь немецких империалистов.

Буржуазная демократия не может обеспечить и национального мира там, где в среде освобождающейся нации живут другие национальные меньшинства. Вот объективный вывод из опыта Украины: "Мелкобуржуазная демократия не может удержаться у власти на Украине, ибо она раздирается на части внутренней национальной борьбой"**.

Национальная интеллигенция и буржуазия освобождающихся наций исповедуют *агрессивный, наступательный буржуазный национализм,* и это их приводит к измене делу национального освобождения в *лагерь империалистов*, у которых они покупают свое буржуазное господство ценой национальной свободы. Мы имеем целую кучу примеров: Латвия, Украина, Финляндия, Польша, Эстония, Чехословакия, Грузия, муссаватское правительство Азербайджана, Греция, "еврейское палестинское государство", ложно-национальное правительство Персии, из страха перед советской революцией бросившиеся в объятия англичан и т. д. и т. п. Наступательный буржуазный и помещичий национализм в среде угнетенных наций ставит их в положение *буфера* империалистических держав против революции.Вследствие этого социальный конфликт, классовое противоречие первоначально вырастает в области *национальных* инте-

---

* Куусинен, Революция в Финляндии, 1919 г., стр. 5.

** М. Рафес, Два года революции на Украине, 1920 г., стр. 107.

ресов: трудящимся массам нужна национальная свобода, которая бы избавила их от социального гнета империалистов; эксплоататорским верхам нужны положение и привилегии господствующего класса. Поскольку чуженациональный гнет был до сих пор причиной сохранения наиболее реакционных форм классовой эксплуатации, – на Востоке, феодальных и феодально-патриархальных отношений, – революционное пробуждение трудящихся масс переносит революцию с национальной почвы на почву социальных отношений. *Национальный вопрос ставится, как вопрос о классовом неравенстве.* И понятно почему: если торговый капитал и национальная интеллигенция на первых порах все же выступают борцами за национальное освобождение, то крупное землевладение и туземная бюрократия являются безусловными проводниками европейской ассимиляции. Массовая национальная революция, направленная против иностранных захватчиков *и* туземного крупного землевладения, оттесняет уже и либеральное купечество в лагерь прислужников империализма. Таким образом общий вывод ясен: *все национально-буржуазные движения, руководимые эксплоататорскими, имущими верхами, имеют объективную тенденцию приспособиться к империализму, врасти в империалистическую систему "великих держав", "буферных государств" и колоний. Первоначально бессознательная, объективно-историческая тенденция всех национально-революционных движений трудящихся масс в колониях и полузависимых странах – это опереться на государственную и революционную классовую организацию пролетариата передовых стран, чтобы этим путем обеспечить себе свободу национального развития в строящейся системе мирового социалистического хозяйства.*

Возникновение органов массового революционного самоуправления – энджуменов в первую персидскую революцию, опыт восточных национальных советских республик, начало революционно-крестьянского и пролетарского

движений на Востоке, зарождение коммунистических течений в Персии, Турции, Китае и Индии, – все это служит доказательством того, что и трудящиеся массы Востока идут к международной федерации национальных советских республик.

Именно исходя из этого, 2-й конгресс Коммунистического Интернационала признал, что "Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, *задач борьбы с буржуазно-демократическим движениями внутри их нации;* Коммунистический Интернационал должен итти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной форме". На Востоке, как и на Западе, Советская власть подготовлена всем предыдущим ходом капиталистического развития. На Западе она подготовлена превращением "мирного" промышленного капитализма в империализм и буржуазной демократии в военную диктатуру; на Востоке она подготовлена тем, что капитализм утвердился здесь в качестве чуженациональной организации классового господства, в качестве надстройки, господствующей над туземным обществом. В Индии, отмечает индусский коммунист, тов. Рой, "мы встречаемся с первым примером в истории, когда подлинным экономическим эксплоататором всего народа является политическая правительственная власть"*. Но это характерно не для одной только Индии. Так было до революции в русском Туркестане. Таково же положение в Персии, в Китае, во всех ко-

* "Коммунистический Интернационал", № 12.

лониях. С другой стороны, правительственная организация туземных эксплоататорских групп на Востоке сравнительно слаба, поскольку она носит чисто феодальный характер.

О Персии В.Берар выражался так: "Персия – не государство и не нация. Это странное соединение феодальной анархии и централизованной фискальной системы, неустойчивая смесь кочевых племен и едва прикрепленных к земле хлебопашцев, монархическая федерация или, выражаясь точнее, шахское стадо народностей" *!. Классовый, угнетательский и эксплоататорский характер государственной власти здесь ничем не затемнен. Основа всей общественной жизни – мелкий земледелец, жестоко эксплоатирующийся феодальным государством, крупными землевладельцами и торгово-ростовщическим капиталом.

Тот факт, что на Востоке государственная власть, – как туземная, феодальная власть, так и "пришлая" власть европейских империалистов, – выступает непосредственно, как экономический эксплоататор, имеет огромное политическое значение: никакая политическая революция здесь невозможна без революции экономической. Это подтверждает и опыт. "Подобно западным государствам, богатые эксплоататорские слои населения в ближневосточных странах пытались придать своей власти вид народовластия. Парламентаризация Турции и Персии, преобразование в демократические республики – Грузии – под руководством меньшевиков, Армении – под руководством дашнаков и Азербайджана – под руководством муссаватистов, происходили под лозунгами "свободы и равенства". Все эти политики, однако, не оказались пригодными даже к тому, чтобы создать видимость народовластия. Остается неслыханная нищета народных масс рядом с благоденствием

* В. Берар, Персия и персидская смута, 1912, стр. 10, русск. пер.

агентов чужеземного империализма; остается земля во власти прежних владельцев, сохраняется старая податная система к неизмеримому вреду для трудящихся; государственная власть не только терпит, но и поддерживает ростовщичество".* "Буржуазно-демократическая" революция на Востоке неизбежно принимает форму дворцового переворота, – расширяет круг привилегий эксплоататорских групп, но ни в какой мере не сокращает тяжесть эксплоатации для угнетенных. Туземный феодализм только прикрывается одеждами "европейской демократии".

Восток, – это живая история. Здесь еще живы кое-где остатки родового коммунизма и патриархально-родового быта. Здесь еще сохранили свою силу патриархально-феодальные и феодальные отношения. Религия Востока есть социальная и политическая религия. Она освящает гражданский и семейный уклад. На нее непосредственно опирается общественное неравенство. Здесь она играет, примерно, ту же роль, какую играл католицизм в Средние века. "С ортодоксальной мусульманской точки зрения, мусульманское теократическое государство есть *община* верующих, гражданский представитель которой "султан" (властитель, правитель) есть не более, как "шахвильдор", доверенный приказчик божий, который обязан пещись, на почве строгого исполнения требований шариата (религиозного закона) о гражданских и религиозных делах доверенной ему богом общины, получая за это, наравне с "амилями", сборщиками ритуального налога "зяката", и другими слугами общины, очень скромное денежное вознаграждение, около 40 коп. в день на наши деньги (довоенного времени)... "Зякат", который должен расходоваться на помощь бедным сиротам и калекам, на ведение войны с неверными и вообще на удовлетворение общественных и государственных нужд, в ру-

* Тезисы о советской власти на Востоке т. Бела-Куна, принятые съездом народов Востока (сентябрь 1920 г.).

ках позднейших мусульманских правителей превратился в их личный доход, которым они распоряжались произвольно, бесконтрольно и безусловно незаконно; войска и даже народные ополчения, на обязанности которых лежали война с неверными, распространение Ислама силой оружия и охрана общины от внешних врагов, в их руках постепенно превратились в опричников, давивших народ и служивших лишь личным или династическим целям этих правителей". Мусульманская община превратилась в "райят", в стадо послушных и безответственных рабов*.

Прямой захват в течение многих веков всего прибавочного продукта общественного труда должен был служить препятствием всякому расширению общественного производства, всякому техническому и хозяйственному. Первобытная мотыга – "кетмень" и первобытный плуг – "омач" еще до сих пор исчерпывают почти весь технический инвентарь сельскохозяйственного производителя в Средней Азии. Накопление капитала здесь, естественно, остановилось на ступени торгового и ростовщического капитала, "промышляющего" по преимуществу вездесущим базаром.

Религиозный закон "шариат" так определяет право собственности: "Все, чем человек владеет, будь то сама вещь или ее плоды, есть собственность ("мюльк"). Это определение – точный сколок с отношений периода простого товарного производства: религия признает за собственником право продажи принадлежащих ему вещей и их "плодов", право отчуждения излишнего продукта натурального хозяйства.

Целый ряд народностей Востока еще не совершил своего окончательного перехода к земледелию (киргизы, туркмены, арабы, племена северной Индии, курды и т. д.). Тем не менее в среде всех их остатки родового коммунизма давным давно уже стали источником эксплоатации со

* В. Наливкин, Туземцы раньше и теперь, 1913 г., стр. 15 – 16 – 17.

стороны богатых родоначальников неимущего большинства. Для примера укажем на степных киргиз. "Ведя обширное хозяйство, киргиз-богач уже совершенно отказался от физического труда, – он только верховный руководитель и распорядитель, работу же выполняют батраки. В среднем на хозяйство их приходится 7 – 9 человек, но есть хозяйства, эксплоатирующие труд 20 и более рабочих. В хозяйстве киргиза-богача любопытно *сочетание вполне современных капиталистических черт с первобытными кочевыми.* Родовая группа, несмотря на явный процесс разложения родового строя, все еще в правосознании киргиз является владетельницей данной более или менее обширной территории. Киргиз-богач не только подчиняется этой неопределенности границ землепользования, но и извлекает из нее большие выгоды: он беспрепятственно пасет свои многочисленные стада по всей территории своих сородичей. Таким образом у него пока отсутствует побудительный стимул к земельному обособлению от массы киргизского народа*.

После сказанного должно стать понятным, почему съезд революционных народов в Баку (сентябрь 1920 г.) признал, что " советская система является единственной подходящей системой для того, чтобы трудящиеся массы, исключив из власти привилегированные и, следовательно, враждебные им элементы (помещиков, спекулянтов, высшее чиновничество, офицерство), сами могли устраивать свою судьбу. Только Советская власть создает возможность для того, чтобы власть, необходимая для удержания отнятой у помещиков земли, находилась в руках трудящейся бедноты. Объединение советов в большие федерации и их самоуправление в рамках этих федераций является единственным способом к тому, чтобы трудящиеся разных народов, которые до сих пор резали друг друга на Востоке,

* "Вопросы колонизации" №5, 1909 г. Социальное строение киргизского народа. Н.П. Румянцева.

отныне жили в мире между собой, общими силами уничтожая власть чужеземных и туземных угнетателей и отражая их попытки вернуть старое положение".

На место принудительной, эксплоататорской организации мелкого производства сверху революция выдвигает *революционную самоорганизацию мелких производителей-полупролетариев в форме советов трудящихся.* Задача ясная: "сбросить являющуюся первоисточником всякого угнетения и всякой эксплоатации власть иностранных завоевателей-капиталистов и своих собственных деспотов-тиранов: султанов, шахов, ханов и беков со всей их паразитической сворой бюрократов и прихлебателей, и взять власть со всеми ее административными, хозяйственными и финансовыми функциями в свои руки; отказаться от исполнения каких бы то ни было обязанностей по отношению к помещикам-феодалам, сбросить их власть, уничтожить всякую личную и экономическую зависимость от них, уничтожить крупное землевладение, под какими бы юридическими формами оно ни пряталось, отобрать земли у помещиков без всякого выкупа и вознаграждения и разделить эти земли между обрабатывающими их крестьянами, арендаторами и батраками"*.

Союз крестьянских советских республик Востока с социалистическими советскими республиками Запада – таков путь коммунизма к овладению всем мировым хозяйством. Пролетариат Запада придет на помощь трудящимся Востока своими знаниями, техникой и организаторскими силами. Крестьянские советские республики обеспечат социалистическую промышленность Запада необходимым сырьем и горючим. Такое международное разделение труда между городом и деревней на основе товарищеского сотрудничества диктуется всей логикой борьбы с мировой

* Тезисы по аграрному вопросу, принятые съездом революционных народов Востока в Баку (сент. 1920 г.).

хозяйственной разрухой, являющейся внешним материальным выражением разложения капитализма. Только этим путем и возможно уничтожить колониальную зависимость народного хозяйства восточных народов от европейских и американских банков, трестов и синдикатов. Путь спасения развитой европейской промышленности от сырьевого и топливного голода есть вместе с тем и путь социалистической промышленной колонизации Востока.

Советская форма не является насилием над национально-бытовыми особенностями Востока. Она не втаскивает их насильственно в царство свободы. Напротив того, она заставляет их искать *своего собственного* пути к коммунизму – через кооперацию мелких производителей, организацию общественных работ (оросительная система) и устройство государственных предприятий.

II

ТУРКЕСТАН ДО ЗАВОЕВАНИЯ ЕГО РОССИЕЙ.

Географическое положение Туркестана и характер его поверхности составляют ключ к пониманию его *истории*. Сочетание определенных естественных условий необходимо должно было вызвать известный *подбор* исторических факторов. "Наиболее характерной особенностью физической природы Туркестана является совершенная *замкнутость его бассейнов*; все немногочисленные реки его впадают в озера или теряются в песках, и ни одна капля воды их не вливается в открытое море. Ввиду этого главным геологическим деятелем является *ветер*, а не проточная вода, как это мы видим в окраинных частях материков. Все продукты химического и механического разрушения слагающих поверхность земли пород в Туркестане остаются внутри его и только переносятся ветром с одного места на другое, заполняя углубления, нивелируя возвышенности и стремясь придать стране однообразный вид. Существенную роль в этом отношении играют также резкие колебания температуры и палящие лучи солнца, которое в течение долгого среднеазиатского лета способствует разрушению поверхности земли и подготовляет материал для деятельности ветра. Работа атмосферных агентов началась в Туркестане очень давно, в ту геологическую эпоху, когда стало усыхать море, некогда покрывавшее эту страну, и посте-

пенно усиливалась в зависимости от обнажения морского дна и формировавшегося климата. Следствием всех этих условий явилось *преобладание пустынь и степей* со сглаженным, однообразным рельефом, изборожденным здесь и там высохшими руслами бывших озер и рек, с почвой, состоящей из песка, десса и солонцев, с ничтожными атмосферными осадками и господством северо-восточных ветров, иссушающих страну. С течением времени владычество ветра и солнца окончательно водворилось в Туркестане, и деятельность этих факторов является ныне преобладающей в жизни этого края. Явления эти, в связи с установившимися климатическими условиями, не могли не отразиться самым ярким образом на растительности, весьма однообразной на больших расстояниях, но слагающейся из крайне интересных и своеобразных форм, на характере животного мира и, наконец, на жизни, быте и культуре человека, который ютится лишь в некоторых, особенно благоприятных местностях. Местности эти, представляя *хорошо орошенные оазисы у подошвы гор или по берегам рек,* с древнейших времен служили центрами оседлости и культуры, и в них, рядом со степями и пустынями, в которых находили себе приют грубые (!!) кочевники, издавна процветали государства, достигавшие временами значительного гражданского развития. Исключительными особенностями природы Туркестана, благодаря которым он представляет *как бы особый материк,* занимающий внутренние части Западной Азии, не исчерпывается, однако, интерес к этой стране. Через Туркестан издавна происходил обмен произведениями стран Европы и Азии и совершались великие переселения кочевников, направлявшихся с востока на запад через Джунгарский проход и Терек-Даванский перевал, — тех полчищ кочевников, которые на много лет перевернули вверх дном политический и общественный строй Восточной Европы. В различные эпохи Туркестан служил ареной деятельности величайших полководцев Азии, от Кира,

Ксеркса и Александра Македонского до Чингис-хана, Тимура и Надир-Шаха"*.

Характер местности должен был, естественно, вызывать постоянные столкновения между кочевниками и представителями оседлой культуры. С другой стороны, географическое положение Туркестана, как связующего звена между Малой Азией, Средней Азией и Сибирской равниной,неизбежно делало его ареной "распространения" народов, живших в соседстве с ним. "Согласно сказанию, изложенному в первой главе книги Вендидад, Ормузд, создав прежде всего "первую обитель благословения и изобилия, чистый Иран", сотворил затем и другие места благословения, в том числе: Согд (Согдиана – бассейн Зеравшана), Меру (Маршана – Мерв), Багди (Бактриана - ныне Балх), Гери (Арпана – Герат), Хинду (Индия) и друг. Первые две местности расположены в пределах русского (?!) Туркестана, а третья и четвертая лежат вблизи его южной окраины в северной части Афганистана (афганский Туркестан). Древнейшим очагом иранской культуры была Бактрия с городом Бактрой (нынешний Балх на Аму-Дарье), явившимся впоследствии центром торговли с Индией. Часть жителей Бактрианы занималась скотоводством, а часть – земледелием; в общем же, по словам Страбона, согдийцы и бактрианцы по своему образу жизни и нравам мало чем отличались от кочевников. Таким образом оседлое и кочевое население южного Туркестана, быть может, до самой Сыр-Дарьи, состояло в эти отдаленные времена, повидимому, из *арийцев*. Кочевые народы, примыкавшие к ним с севера и известные в древности под именем скифов, саков (народ "сэ" китайских летописей), массагетов, тохаров и др., были, по всей вероятности, также арийского происхождения. Впоследствии, сталкиваясь постоянно с кочевниками туранцами, арийс-

* "Россия", т. XIX. Под редакцией В.П. Семенова-Тянь-Шанского, Туркестанский край. Составил В.И. Масальский,1913 г., стр. 2 – 3.

кое население Средней Азии назвало занятые ими степи Туркестаном, то есть страной тюрок. Религия Зороастра, (маздеизм, парсизм), последователями которой были бактрийцы и согдийцы, проявлялась в богослужении, жертвоприношениях растительных продуктов, очищениях и обрядах, причем на первом месте стояло служение огню, как чистой стихии, представителю света на земле. Богослужение совершалось на особых воздвигаемых под открытым небом алтарях, на которых теплился вечный огонь. Каждый верующий маздеист должен был поддерживать постоянный огонь и у себя дома. "Авеста" не только предписывала соблюдение множества обрядностей, но и требовала добрых мыслей, добрых слов и добрых дел; согласно ее заветам, ложь, обман, зависть суть порождения злого духа и составляют величайшее зло, с которым нужно бороться, а душевная чистота является величайшим благом. Правила "Авесты" предписывали занятие *земледелием, проведение каналов для орошения почвы* и побуждали к борьбе с неблагоприятными условиями погоды.*.

Религия Зороастра – это уже религия земледельческого народа, который знает цену огню в хозяйстве, при приготовлении пищи; смотрит на занятие земледелием, как на высшую культуру, и понимает необходимость упорного труда для поддержания поливного хозяйства.

Из современных обитателей Туркестана прямыми потомками коренных арийцев являются только таджики. Они занимают теперь верхнюю долину реки Зеравшана в Самаркандской области, горные долины Туркестанского хребта (в Самаркандском и Ходжентском уездах), долины и предгорья в Кокандском, Наманганском, Маргеланском и отчасти Андижанском уездах Ферганы, а также Нуратинские горы в Джизакском и Катта-Курганском уездах**.

* Масальский, стр. 24.

** Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане (ревизии гр. Палена), часть 1, отдел 1, 1911 г.

Слово "таджик" ("тиао-чи" китайцы обозначали жителей Закаспия, Хивы, Ферганы, Согдианы, которые тогда говорили на одном языке) первоначально значило только – "сторонник Зороастра": "тадж" – корона, людьми с короной назывались маздеисты. "Перед арабским нашествием, Мавераннагр (южный Туркестан) состоял из множества малых государств. Высший класс в каждом из этих государств был представлен *"дехканами", наследственной аристократией, владевшей обширными земельными владениями.* Так же как рыцари средних веков, дехкане жили в укрепленных замках. От других классов дехкане отличались своим убранством: внешним знаком их достоинства были золотой пояс и кинжал.

Туземные короли и правительства, как, например, короли Самарканда и Ферганы, не рассматривались, как главные из дехкан, хотя многие из них и носили особое звание. Тотчас же вслед за наследственной аристократией шли *богатые купцы* Мавераннагра. Они также жили в замках, окружали себя многочисленной дворней и мало отличались от дехкан. Духовенство, представленное магами, имело несравненно меньшее значение, чем дехкане и богачи*. В VI веке начинается нашествие тюрков-арабов и их господство продолжается до X века. Самым важным следствием их господства в Азии служит утверждение Ислама. Образуется новая культура – ирано-мусульманская, причем быстрота слияния первоначальных культур прямо обусловливается общими патриархально-феодальными чертами.

"Во главе государства стоит самодержец, ответственный лишь перед богом. На взгляд иранцев он прежде всего должен быть хорошим администратором, следить за постройкой и поддержанием каналов и водохранилищ, воздвигать крепости и города, украшать древности, открывать по-

* П. Кузнецов, Борьба цивилизаций и языков в Средней Азии. По французски. 1912 г., стр. 25 – 27.

стоялые дворы ("рабат") на больших дорогах и т. д. Часть дворянства образует "даргох" (двор), другая – "диван" (чиновничество). Королевская гвардия состоит из рабов – тюрков и дехкан" *. Таким образом, государство служит для охраны торговых сношений и земледельческой культуры. Большая централизация власти объясняется сильным развитием торговли. Все продукты земледелия, виноделия и садоводства вывозятся в далекие страны. В Фергане добывается золото, серебро, ртуть, железо, свинец, медь и т.д. Вырабатываются дорогие ткани. Характерный показатель – число жителей в городах: в Самарканде – 50000, в Мерве – от 70000 до 1300000. Но этот рост торгового капитализма в рамках феодального общества затем быстро падает. Его останавливает новая волна тюркских народов. Власть на верхах постепенно все более закрепляется за завоевателями-тюрками. И вот результат: "Разделение страны на несколько уделов, фактически независимых один от другого, неизбежные при таком порядке смуты, грабежи и поборы способствовали совершенному обесценению земельной собственности и совершенному упадку сословия дехканов. В начале XI века дехканы Маверннагра еще составляли особый отряд в войске тюркских ханов, но после двух веков тюркского господства, во время монгольского нашествия, дехканы не играли уже никакой роли, и самое слово "дехкан" употребляется только в смысле "крестьянин"**. Феодальная анархия поглощает зачатки торгового капитализма. Затем, вслед за *арабами и тюрками-сельджуками* происходит еще более разрушительное монгольское нашествие Темучина или Чингис-Хана.

Из Самарканда им было уведено в рабство 30000 ремесленников и столько же на крепостные работы, остальные откупились 200000 динариев. Из Хорезмской столицы,

---

* Кузнецов, стр. 30.

** Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия.

ввиду ее упорной защиты, было уведено до 100 тысяч ремесленников, а прочие подверглись уничтожению.

Последними завоевателями были *узбеки.* Как и тюрки-сельджуки, они пришли с нижнего Сыра и завоевали царство Тимуридов около 1508 года.

"Военная аристократия у тюрков и монголов составлялась из "тарханов"; они были освобождены от налогов и имели свободный доступ к хану. У узбеков аристократы назывались "бий" или "бек", позже, в ханствах Средней Азии, особенно в Бухаре, среди них рекрутировались начальники городов, губернаторы провинций и даже вице-короли; иногда они представляли собой феодальное дворянство и их подчинение ханам было чисто номинальным. *На государство смотрели как на собственность всего ханского семейства.* Хан объявлялся аристократией. У тюрок, после смерти хана, власть переходила не сыну покойного, но старшему в королевском роде, т. е. старшему брату. Почести распределялись также по праву старшинства и перераспределялись при каждом новом хане. В общем это было правление древней Руси XI – XIV века" (Веселовский, История Хивинского ханства).

Кочевеики смотрели на завоеванные страны как на свою собственность. Военная аристократия получала земли, полностью или частично оплачивавшие ее содержание. Однако, эта система не привела, как в Европе, к крепостничеству. Монголы назначили в завоеванных странах "даруга", уполномоченных: 1) назначать чиновников, 2) рекрутировать туземные войска, 3) устанавливать почтовые сношения, 4) собирать налоги, 5) посылать дань ко двору. Узбеки также имели своих уполномоченных после занятия Хорезма Шейбани-хан, в 1505 г., назначил своих "даруга".*

Национальный состав Туркестана образовался путем ряда исторических отслоений, исторических отложений. На

---

* Кузнецов, там же, стр. 61 – 62.

один национальный пласт ложился другой и или ассимилировал, переваривал предыдущий национальный пласт, или размещался территориально по соседству с ним: так были ассимилированы тюрками-узбеками таджики, арабы, отчасти татары и евреи; так узбеки захватили пространство Кокандского и Бухарского ханств, так были захвачены тюрко-монголами, киргизами степные пространства Туркестана; так одновременно с узбеками в Фергане водворились туркмены в Закаспии.

Природные условия и историческая обстановка выработала определенный *тип хозяйства* в Туркестане. Немецкий исследователь Туркестана Рейнгард Юнге пишет: "Древнее хозяйство оседлого населения Туркестана представляло *смесь* двух хозяйственных форм: *производства на себя и товарного производства.* Эта исторически типичная картина смешанного хозяйства была вызвана следующими условиями развития:

"Во-первых, хозяйство велось по оазисам. Общественно организованное водоснабжение – с одной стороны, дробление хозяйственной территории на многочисленные, разделение между собой и поэтому замкнуто противостоящие друг другу части – с другой стороны, было следствием этого. В Туркестане мы имеем дело с оазисным хозяйством.

"Далее, хозяйство находилось под постоянным воздействием тюркско-кочевнических культурных и религиозных взглядов и тюркской политической организации. Дело идет о типично-тюркском хозяйстве в том смысле, что здесь влияние пришлого, сравнительно тонкого тюркского господствующего слоя накладывало на местное хозяйство свой типичный отпечаток, отнюдь не уничтожая отношений предыдущего периода.

"В-третьих, это хозяйство было территориально централизовано. Существовала особая местная хозяйственная и

водная политика, существовала замкнутая в известных пределах торговля".*

Юнге называет этот тип хозяйства "тюркским оазисно-территориальным хозяйством". Этот тип хозяйства мог развиваться только на значительных пространствах. Это было связано, с одной стороны, с тем, что для поддержания оросительной системы постоянно требовалось большое количество рабочей силы, с другой стороны, с необходимостью постоянной защиты от кочевников, пополнявших свой потребительный фонд грабежом оседлого населения. Это обусловливало и определенный *тип* политической организации, и определнную *роль* ее в общественной и хозяйственной жизни. "Все население было обязано нести натуральную повинность для поддержания оросительных сооружений, и хан каждую весну собственноручно руководил этим".** Таким образом, "сплошной" национальный быт на Востоке, полное поглощение личности гражданско-религиозной общиной и резкая обособленность этой общины от всех остальных, от соседей и врагов – прямое следствие экономических условий, – ведения, поливного хозяйства на оазисе, постоянно подвергающемся чужеземным набегам. Отсюда и утверждение политической власти и сословных разделений на религиозном авторитете, регламентация религией всех общественных отношений. Хан или султан – божий доверенный, он обязан, как добрый хозяин, заботиться обо всем: следить за исполнением религиозного закона, строить крепости и убежища для путешественников, поощрять торговлю, воевать с неверными. Он – живое воплощение единства общественного организма, разбитого на мелкие клетки частных, единоличных хозяйств, обменивающихся между собой только излишками продуктов. Существова-

* Reinhard Junge, Das Problem der Europäisierung orientalischer Wirtschaft. 1915, S. 136-137.

** Junge, Ibid., S. 174.

ние каждого отдельного частного хозяйства неразрывно связано тысячью уз с существованием и благополучием целого. Этим объясняется прямая личная зависимость всех и каждого от предписаний закона. Земельная и торговая аристократия, ремесленники и земледельцы составляют живую лестницу чинов, все связаны иерархическими разделением труда.

При самом возникновении Ислама догма его сложилась как результат двух требований. Во-первых, необходима была "выработка правовых воззрений на отношения победогосного Ислама к *подчиненным народностям,* с другой стороны, необходимо было упорядочить внутреннюю религиозную и правовую жизнь"* *Потребности расширения и укрепления* основы патриархально-феодальной системы, производственных отношений тюркских народов, бывших прежде всего завоевателями, определили внутреннее содержание Ислама. Более прочный переход к земледелию дал ему готовую, как бы отлитую форму. Именно в этом следует искать причину его распространения по всему пути "великого переселения народов". Религия Ислама – это религия кочевника-завоевателя, садящегося на землю в отрезанном со всех сторон пустыней оазисе.

"Шариат, обычное право и многочисленные документы, выдававшиеся ханами, все вместе взятое намечает довольно стройную картину, при помощи которой легко проследить, как *коммунальное право на землю*, существовавшее в глубокой древности и сохранившееся во многих пережитках, частью в общинном землевладении, *постепенно заменялось*, благодаря теократическому строю мусульманских государств, *государственной собственностью,* а последняя уступала место *частной собственности,* опиравшейся или на факт своего существования, признаваемый государственной властью, или возникавшей в форме пожалований со

* И. Гольдциер, Лекции об Исламе, 1912 г.

стороны ханов за те или другие услуги государству или личности хана. Помимо общих всем странам исторических законов, здесь развитию института частной собственности на землю много способствовало *искусственное орошение полей,* благодаря которому ведение интенсивного хозяйства являлось возможным только при индивидуальном владении и пользовании землей. Земли по праву пользования ими со стороны населения в ханские времена представляли следующие разновидности:

"1) Земли *государственные* (падшалык, мамляка, мамляка-падшалык), находившиеся в постоянном бессрочном пользовании населения, которое за право пользования и владения землей уплачивало в казну хана десятую часть действительно собранного урожая. Даяк, ушри херадж – таковы термины этого поземельного налога, также несколько отступившего от постановлений шариата и взимавшегося, как оброк, не только в размере десятины, но и в размере одной трети, одной пятой и пр. доли урожая.

"2) Земли *мильковые* (частная собственность), владельцы которых в своем праве опирались на ханские документы, признававшие за ними право собственности на землю. Это право местами создавало и изменение в податном обложении. С мильковых земель подати взимались или в размере десятины (мильки хераджи), или, что чаще, в определенном заранее размере (танапный сбор – в Кокандском и Бухарском ханствах, салгыт – в Хиве), причем принималось во внимание мера земли (танап – 0,167 – 0,375 десятины).

"3) Земли *вакуфные*, т. е. завещанные частными лицами или ханами в пользу духовно-религиозных или благотворительных учреждений. Частной формой вакфов является вакф-ауляд, т. е. наследственные вакфы, часть доходов с которых назначалось в пользу установлений духовных или благотворительных, а часть шла в пользу наследников вакфо-учредителей. Запрещение отчуждать вакфные иму-

щества делает вакфы-ауляд аналогичными заповедным имениям, с той только разницей, что вакфы-ауляд, как и все вообще вакфы, не подлежали податному обложению.

"4) Наконец, четвертый вид землевладения составляли земли государственные, никому, в частности, не принадлежащие, земли *мават* (мертвые), представлявшие тот фонд, на счет которого расширялась культурная площадь путем орошения таких мертвых земель. "Кто оживит землю с разрешения имама, тот владеет ею", говорится в шариате. Орошенные частными лицами, они пополняли собой число мильковых земель, а орошенные распоряжением ханов – число падшалычных земель.

"Что касается земель степной части, занятой кочевниками, то там пользование территорией пастбищ всеми кочевниками издавна превратилось в родовое пользование. Определенной территорией мог пользоваться только тот или иной род, или та или иная группа кочевников, обособившаяся в отдельную общину. Пользование призимовочными угодьями так же как и летовочными кочевьями обособилось по аульным общинам, составившимися из кочевников одного какого-либо рода или же из представителей разных родов. На той же территории обособившихся землепользований аульные общины, или в целом составе, или в лице отдельных хозяев, переходили к земледелию и, как следствие последнего, к оседлому быту. Однако, и киргизское землевладение не обошлось без выделения сословных групп (белой кости). Потомки киргизских ханов и султанов, представители родов, получавшие от кокандских ханов право управления народом, наконец, все те, которые умели создавать себе лучшее положение, приобрели права господства, а с ними вместе и права на более или менее значительные земельные владения. Среди же кара-киргиз центрального массива Тянь-Шаня сословная группировка вылилась в характерную форму *мелких манапств* (княжеств), где манап пользуется правом распоряжения иму-

ществом находящейся в зависимости от него положения *букары* (черни). В создании и развитии выделившейся из народа белой кости (манапы, султаны и проч.) не малую роль играло искусственное орошение. Представители белой кости, или вообще видные родовичи, приступая к проведению арыков, получали на то от ханов разрешение, а затем и право на владение орошенной землей. Однако, такое зачаточное право собственности на пожалованную землю не везде успело превратиться в действительное господство над землей и населением. Только у кара-киргиз, более чем киргиз-кайсаки, ограниченных территориально размерами своего землепользования, и в силу исторических условий (борьба между отдельными родами, борьба с кокандцами и киргиз-кайсаками), манапство вылилось в прочно установившуюся систему феодализма"*

Развитие народного хозяйства на больших, обособленных оазисах должно было вызвать соответствующее разделение труда между отдельными группами хозяйств и частями населения. Первоначальной формой торговли был военный грабеж. Однако, наряду с ним, с растущими успехами земледельческой культуры, начинает развиваться торговля между крупными "оазисными" государствами и общинами. Самаркандские дыни, особым способом сохраняемые, направляются караванами в Багдад; изысканные ткани, продукты добывающих промыслов Ферганы, богатые украшения из золота, серебра и драгоценных камней, сушеные фрукты становятся предметом обмена. Торговля, имеющая своим первоначальным источником разделение труда на почве разнообразия естественных условий, порождает специализацию земледельческих культур и ремесла – развитие садоводства, виноградарства, хлопководства, ткац-

---

* Материалы (ревизии сенатора гр. Палена) к характеристике народного хозяйства в Туркестане 1911 г., часть 1, отдел 1, стр. 89-90-91.

кого, сапожного, кузнечного и других ремесел. Базар, караван-сарай, так же как и в Европе Средних веков, становится здесь источником расцвета городской культуры. Как торговля, так и ремесло организуются в цеховой форме. "Хотя для открытия какой-либо мастерской, как и для открытия любой торговли, значительной суммы денег ввиду незатейливости инструментов и рабочего инвентаря не требовалось, но зато для того, чтобы сделаться хозяином ремесленного заведения, мастером (уста), надо было пройти продолжительную школу обучения мастерству, начав это с малых лет в качестве так называемого ученика (шагирда) у какого-нибудь "усты". Обыкновенно занятие тем или иным ремеслом было наследственным промыслом, передаваемым от отца к сыну; при этом в городах и больших селениях ремесленники того или иного цеха селились обычно в одном околотке, отчего получили свое название и некоторые кварталы нынешних туземных частей туркестанских городов (напр. "Зингаран" – "седельники", "Сузангаран" – "игольные мастера", "Кулялан" – "гончары" и т. п.)"*

Каждый цех имел свои предания и молитвы – "рисоля", которые мастера должны были хранить и читать при исполнении соответствующих операций. Вот, например, рисоля цирюльников; "Всевышний бог завещал ремесло цирюльников Адаму, мир ему; Адам, мир ему, завещал Сифу, пророку божию; затем святому Аврааму и, передавая (так), они сообщили Мухаммеду, любимцу бога; а "его святейшество", заповедав святому Салману, дал (ему) "такбир" и отпустил (его). От этих (же) перешло всем мастерам. (Всего) было 600000 учеников "муршидов". В ремесле цирюльников существует 12 обязательных постановлений. Да исполнят (их)! Первое – да совершат омовение и творят молитву с общиной; второе – да будут собеседни-

* Материалы (ревизии Палена), 1911 г., часть 1, отдел 1, стр. 318-319.

ками стремящихся к науке; четвертое (третье пропущено) – да содержат чисто лавку; пятое – пусть содержат чистыми инструменты; шестое – да будут любезны с посетителями". А затем далее: "Когда берут оселок, пусть читают следующий стих: "тот день, когда человек побежит от своего брата, своей матери"*. При точении бритвы пусть читают следующий стих: "...Слава (тому), который отправил в путь ночью" (из Корана). Конец гласит так: "Если каждый правоверный раб будет исполнять (предписания) этой рисоля, (то) настоящая жизнь и жизнь загробная будет (для него) благоустроенной. Если будет угодно всевышнему богу"**.

Религия освящает и патриархально-феодальный уклад в деревне и ремесленно-цеховой строй в городе. Образование прибавочного продукта в земледелии служит источником развития городской торговли и ремесла. Однако, постоянные набеги кочевников, феодальная анархия внутри и отсталость средств производства не дают возможности развиться крупной промышленности и накоплению капитала. Более того, феодализм является прямой причиной этого хозяйственного застоя. "Если бы крестьянину даже и пришло в голову взяться за улучшение своих орудий, своей техники, или заняться какой-нибудь специальной культурой, излишек в один прекрасный день так или иначе все равно был бы забран чиновниками хана .*** Возможности капиталистического накопления были очень ограничены. Они исчерпывались устройством караван-сараев и базаров или содержанием рабочего скота для перевозки тяжестей. Накопление драгоценностей было доступно

---

* По верованию мусульман восставшие при воскресении мертвых должны собраться под знаменем пророка.

** Рисоля саратовских ремесленников. Собрал и перевел М. Гаврилов, стр. 22-23, 1912 г.

*** Reinhard Junge, Das Problem der Europäisierung orientalischer Wirtschaft, 1915, S. 191-192.

только правящим кругам. Для частных лиц оставались только *торговля и ростовщичество,* как почти единственный способ накопления ценностей".*

В странах Востока вообще мы имеем своеобразную *гипертрофию торговли*: при невероятно низком уровне производства – земледелия, ремесла и домашнего промысла, торговля буквально охватывает все стороны жизни, занятие торговлей считается завещанным религией, в каждом ауле и кишлаке есть базар. Причина этому именно в том, что *длительное господство феодализма на Востоке сделало из торговли единственный источник накопления*, в известном смысле даже защищенный обычным правом от феодального грабежа.

Начиная приблизительно с 1500 года, хозяйственное развитие Туркестана делает решительный шаг назад. Господство Тимуридов – последний период расцвета Туркестана.

С нашествием кочевников узбеков в Туркестане окончательно водворяется феодализм. С одной стороны, феодализм служит средством упрочения господства завоевателей, которые в Туркестане находят свое новое "отечество", с другой стороны, его внедрение есть следствие ассимиляции пришельцами-завоевателями туземного общества, – в этой форме туземное общество "переваривает" массу пришельцев, еще не совершивших своего перехода к оседлому земледельческому быту, и вместе с тем само "перевариваетсяя" в их среде.

Ко времени прихода узбеков Туркестан перестает быть ареной торговли между Западом и Востоком: открываются торговые морские пути. Это также ведет к упадку народного хозяйства в Туркестане, который таким образом в хозяйственном отношении замыкается в своих собственных границах. Что же касается государственных повинностей,

---

* R. Junge, S. 253 – 260.

то тяжесть их, не считая частных поборов, прекрасно показывает таблица Венюкова – в его работе о странах, сопредельных с русско-азиатской границей (Лейпциг, 1874 г.), относящаяся уже к концу узбекского господства. Вот эта ежегодная дань по Кокандскому ханству:

	Центнеров пшеницы	Тилла (монет)
Коканд (город и округ)	1.048.000	110.000
Наманган	1.048.000	54.000
Ош	15.720	–
Андижан	–	25.000
Шерихан, Талмазар, Кува	393.000	4.000
Маргелан. Ярмазар	262.000	22.000
Ходжент	131.000	1.000
Итого:	2.897.720 центнер. пшеницы	+ 216.000 тилла (денег)

– около 1.700.000 немецких марок.

Однако, несмотря на все это, узбеки, смешиваясь с таджиками, постепенно утверждаются как господствующее племя не только в качестве феодалов, но и в качестве торговой и духовной аристократии. К ним переходит все руководство хозяйственной, политической и религиозной жизнью Туркестана. "Составляя около 1/3 всего местного населения (перед русским завоеванием), будучи по преимуществу земледельцами и садоводами, сарты (продукт ассимиляции узбеков с местным оседлым населением) в то же время уже держали в своих руках наибольшую часть местной промышленности и торговли. Вместе с тем в их же руках находился и камертон местной мусульманской духовно-нравственной жизни (не исключая и духовной жизни кочевников), ибо преимущественно из их же среды, кроме длинной вереницы лиц, составлявших правящий класс, выходили также и казии (народные судьи), и ишаны (мона-

хи), руководившие промыслами многих десятков (если не сотен) тысяч своих "мюридов", и учителя местных мусульманских школ, и "имамы", настоятели мечетей, и, наконец, шумный рой тех мусульманских книжников "улема", которые всегда играли очень крупную роль в духовно-нравственной жизни туземного общества".*

Узбеки — последние завоеватели. Из трех коренных народов Туркестана (включая сюда киргиз и туркмен) они обнаруживают наибольшую культурную устойчивость и способность развиваться в "капиталистическую нацию" еще до русского завоевания. Осев на землю, они ассимилируют все другие племенные элементы земледельческого населения и подчиняют своему влиянию кочевников.

Историческое развитие Туркестана до русского завоевания объясняет прочность феодально-патриархальных отношений среди народов, его населяющих, а также и устойчивость религиозного мировоззрения Ислама. Непрерывный прилив и отлив народов, постоянные столкновения между кочевыми и земледельческими племенами, условия оазисного хозяйства, — все это должно было вести к укреплению политической и социальной религии восточного феодализма — Ислама.

---

* В. Наливкин, Туземцы раньше и теперь, 1913 г., стр. 6.

III

ТУРКЕСТАН — КОЛОНИЯ.

"Историческая роль России, — писал еще в 1914 году "ученый"-лакей дома Романовых П. Мигулин, — не в эксплоатации густонаселенных богатых стран, а в заселении пустых областей Востока и приобщении к европейской культуре малочисленных и полудиких народов Востока".* Если в передовых капиталистических странах империализм вырос на почве капиталистического перепроизводства, то в отсталой России он явился прямым продолжением эпохи первоначального накопления. Развитие капитализма стимулировало, подтолкнуло вперед и расширило завоевательную политику дворянско-помещичьего самодержавия, для которого стало еще более ясным, чем раньше, что отсрочить внутренний кризис и ослабить его остроту оно может лишь путем расширения хозяйственной территории, лишь путем расширения — внешними средствами — сферы эксплуатации для отечественного капитализма. Недаром же Энгельс назвал Россию "владельцем огромного количества украденной собственности". Колониальная политика царской России была не результатом капиталистической конкуренции, но средством избегнуть этой капиталистической конкуренции. И именно на Востоке, то есть там, где

* "Новый Экономист", 1914 г., № 45.

она меньше всего могла бояться этой конкуренции, Россия соперничала (около сотни с лишком лет) с другим крупным колониальным собственником, Англией, которая также не торопилась здесь приобщать "дикие" (!) и малочисленные (!?) народы к благам промышленной цивилизации. Основным побуждением для участия России в империалистической войне 1914 – 1918 г.г. был опять таки спор с немецким империализмом из-за Малой Азии. И Туркестан был завоеван в собственность, с одной стороны, как этап на пути в Индию, с другой же стороны, сам по себе "для русского правительства представлял двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, *как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства,* и 2) с точки зрения колонизационной политики, *как новая область перемещения избытков населения из центральных губерний".** В 1864 году были захвачены Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, в 1865 – Ташкент, в 1867 была образована Семиреченская область, в 1868 г. занят Самарканд, в 1876 г. – Ферганская область, в 1884 г. – Мерв. Первоначально русский захват носит почти исключительно характер военной оккупации. "Наш тогдашний уездный начальник (не говоря уже о военном губернаторе), строевой офицер, случайно и то лишь по необходимости превратившийся в администратора, снабженный тогда относительно широкими полномочиями, в глазах народа всецело являл собой прямого заместителя "бека" или "хакима" ханских (!) времен. Население, веками привыкшее подчиняться грубой силе, *боялось* уездного начальника"**.

---

* "Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане", часть 1, отдел 1, Введение, стр. 3.

** Наливкин, Туземцы, стр. 66.

Это свидетельство живого участника русского завоевания станет более понятным, если вспомнить, с помощью какого кровавого террора совершилось это завоевание. Завоеватели превратили Туркестан в свою вотчину. Первое время колонизация Туркестана русскими пришлыми элементами происходит очень медленно и незаметно. В Семиречье с 1868 по 1883 год было образовано всего 36 русских селений, с водворением в них около 2500 семей, преимущественно уроженцев Воронежской губернии и Украины. На каждую мужскую душу отводилось 30 десятин удобной земли, из которых 15 отводилось в запас в расчете на прирост населения. Новоселы освобождались от всех податей и повинностей на 15 и 25 лет. Выдавались и ссуды до 100 рублей на семью. За этот же период в Семиречье к городам было приписано около 190 купеческих и 1400 мещанских семей. Число русских поселений к началу второго десятилетия XX века выражалось в 326 поселков с 248500 душ обоего пола. С русским городским населением это составляло менее полумиллиона душ на весь край к тому времени. Тем не менее дело не в этой, сравнительно незначительной цифре. Приход русских в Туркестан вызвал настоящую революцию в его хозяйственных отношениях. Переломным моментом в этом отношении служит сооружение Закаспийской железной дороги (участок от Кызыл-Арвата до Чарджуя был построен в 1866 году, Самаркандский участок был закончен в 1888 году, открытие движения до Ташкента и Андижана состоялось в 1899 г.) и начало посевов американского хлопка. В 1884 году им было засеяно 300 десятин, в 1886 г. – 12000, в 1890 г. уже 58859 десятин. В 1899 году по Средне-Азиатской железной дороге было перевезено 442900 пассажиров и 23262556 пудов грузов малой скорости, в том числе хлопка 5241291 пуд. В 1909 году число перевезенных пассажиров увеличилось до 2981953, а количество грузов малой скорости до 69873364

пуда, в том числе 11883596 пудов хлопка*. С развитием денежного хозяйства и торгового обмена происходит рост городов. Вот табличка, указывающая, на какой процент увеличилось городское население по сравнению с сельским по данным переписи 1897 года и 1907 г.

	Городское население с 1897 по 1907 гг.	Сельское	Вообще
В Семиречье	на 45,30%	на 5,55%	на 8,08%
" Закаспии	" 26,32%	" 4,62%	" 16,19%
" Самаркандской области	" 30,90%	" 22,54%	" 24,00%
" Сыр-Дарьинской обл.	" 23,28%	" 21,30%	" 21,60%
" Фергане	" 49,27%	" 10,90%	" 15,10%
Всего	на 30,51%	на 15,78%	на 17,90%

Из этой таблички видно, что при общем приросте населения в 17,19 % сельское население увеличилось только на 15,78 %, т. е. относительно и абсолютно уменьшилось, городское же увеличилось почти на 1/3 своего состава.

Развитие фабрично-заводской промышленности в Туркестане по данным "Вестника Финансов и Промышленности" (№ 23, 1912 г.) к 1912 году исчислялось в следующих размерах:

ОБЛАСТИ	Число фабрик	Число рабочих	Производство в тысячах руб.	Произв 1 житель в руб.
Закасписка	15	970	2.634,3	0,5
Самаркандская	68	1.331	6.024,4	4,9
Семиреченская	26	646	1.158,0	0,9
Сыр-Дарьинская	127	2.613	7.179,7	3,7
Ферганская	147	6.452	61.516,9	31,0
Всего	387	12.012	78.513,3	11,6
Итого по "Империи"	19.833	2.168.850	4.581.515,8	
Процентное отношение Туркестана	1,95%	0,55%	1,71%	

* Масальский, Туркестанский край (Россия, том XIX).

В. Заорская и К. Александров в своей работе "Промышленные заведения Туркестанского края" (1915 г.) расценивают (по обследованию 1913 г., без Закаспия) число фабрично-заводского пролетариата значительно выше, 20925 человек. По их данным *"каждые 2 тысячи* населения Туркестанского края должны выделить из себя *семерых рабочих,* идущих на завод". Они же дают очень интересные цифры о густоте промышленной сети по областям: в Фергане один завод приходится на 250 квадратных верст, в Самаркандской области на 627 квадратных верст, в Сыр-Дарьинской на 1648, в Семиреченской (по 3 уездам) на 1805. Роль Ферганы как плантации хлопка в хозяйственной жизни Туркестана здесь подчеркнута с разительной выпуклостью.

К началу второго десятилетия XX столетия торговые обороты Туркестана достигали приблизительно 320,5 миллионов рублей, из которых на вывоз товаров из областей приходилось до 140,5 милл. руб. и на ввоз до 180 миллионов рублей. По областям эти цифры распределялись таким образом:

	Вывоз млн. руб.	Ввоз млн. руб	Оборот млн. руб
Сыр-Дарьинская	до 20	55	75
Самаркандская	18	45	63
Ферганская	70	50	120
Семиреченская	20	15	35
Закаспийская	12,5	15	27,5

Торговые обороты с Европейской Россией и Кавказом выражаются в общей сумме 54,5 миллионов пудов, из которых на ввоз по Средне-Азиатской железной дороге падает 14,7 миллионов пудов и по Ташкентской – 11,8 милл. пудов, а на вывоз по Средне-Азиатской– 13,5 милл. пуд. и по Ташкентской – 14,5 милл. пуд.*.

Колониальный захват Туркестана русскими насильст-

* Данные Сыр-Дарьинского областного статистического комитета.

венно подвинул вперед переход коренного населения от феодализма и феодально-патриархального быта к торговому капитализму. Естественно, что особенно быстро и резко этот процесс пошел в Фергане, еще и до завоевания, во времена Кокандского ханства, бывшей самой развитой областью Туркестана. Об этом росте капитализма в Фергане свидетельствует нижеприводимая таблица, составленная по данным о выработке промысловых свидетельств по области. Данные эти совершенно неопровержимо устанавливают концентрацию как торговых, так и промышленных предприятий за сравнительно короткий промежуток времени, несмотря на то, что в этот промежуток времени входит и бурный период 1905 – 1907 г.г. (см. табл. на стр.).

Основой торгового капитализма служит хлопководство. Перед самостоятельным производителем, до сих пор работавшем только на удовлетворение потребностей своей семьи, открывается рынок, который сразу же приковывает к себе все его помыслы и интересы. Торговые представители, комиссионеры и посредники московских хлопчатобумажных фирм появляются в заброшенной стране и захватывают в свои хищные руки все нити ее хозяйственной жизни. Первоначально они действуют через туземных скупщиков, собирая хлопок-сырец исключительно для вывоза и обработки его на русских фабриках. Лишь позже уже на месте вырастают хлопкоочистительные заводы и, внедряясь в поры туземного общества, создают вокруг себя новую экономическую среду.

Если первоначальным завоевателем Туркестана выступает уездный начальник, то с течением времени его фигура заслоняется более хищным и ловким представителем господствующей нации, проводником господства великодержавного капитала – торговым комиссионером. Этот проникает глубже полицейского ока, грабит систематичнее обыкновенного казенного взяточника, душит упорнее, чем простой Угрюм-Бурчеев. *Торговый комиссионер* в Туркестане

А. Торговых предприятий было:	в 1904 г.	в 1905 г.	в 1906 г.	в 1907 г.	в 1908 г.
I разряда (оптовой торговли)	48	47	46	44	58
II разряда (розничной)	747	743	743	815	853
III разряда (мелочной)	5.595	5.844	5.731	6.239	6.088
IV разряда (мелочной торговли из небольших помещений только некоторыми товарами)	19.742	18.872	18.718	18.767	17.263
V и VI разряды (развозный и разносный торг)	20	19	8	32	27
Итого:	26.512	25.525	25.246	25.897	24.289
Б. Промышленных предприятий:					
I разряда (от 200 и выше рабоч.)	–	–	1	1	1
IV разряда (от 25 до 200 рабоч.)	84	89	86	88	101
V разряда (от 10 до 25 рабоч.)	43	41	45	38	45
VI разряда	17	11	9	10	15
VII разряда	51	32	30	32	33
VIII разряда (от 2 до 4 рабоч.)	949	895	858	793	754
Итого	1.444	1.068	1.019	962	949
В. Свидетельств для личных промысловых свидетельств сыдано	1.648	1.556	1.477	1.085	1.055
Всего выдано документов	29.304	28.149	27.742	27.944	26.293[1]

[1] Материалы (ревизии сенатора Палена), ч. I, отдел II, стр. 384–385.

– это подлинный рыцарь эпохи первоначального накопления. Старая казенная статистика Туркестанского края вполне основательно выделяет *особо* эту категорию лиц. "С утверждением в крае русского владычества и с развитием там *крупной* торговли и промышленности – повествуют "Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане", собранные ревизией царского сенатора Палена, – возникли и личные промысловые занятия. В настоящее время (1911 год) контингент лиц, посвящающих себя этого рода занятиям в коренных областях края, довольно велик. Состоит он *преимущественно из русских и европейцев вообще*, армян, татар, пришлых и туземных евреев, туземцев же, занимающихся личными промыслами, мало, как и владельцев крупных торговых и промышленных предприятий из среды туземцев также пока еще мало".* Вот цифры:

ОБЛАСТИ				Приказчиков	Всего
			класса	класса	
Сыр-Дарьинская	74	7	988	494	1.563
Самаркандская	24	–	300	242	566
Ферганская	169	24	752	645	1.568
Семиреченская	5	–	785	352	1.142
Всего	272	31	2.825	1.753	4.839

* "Материалы", часть I, отдел II, стр. 341.

Следует к слову сказать, что название "приказчик" мало пригодно для обозначения характера деятельности этих "рыцарей промышленности": по своему социальному положению они больше подходят к типу всесильного "приказчика" дворянского поместья крепостных времен, чем к типу обыкновенного пролетария прилавка. На следующей, низшей ступени социальной лестницы стоит *туземный торговый посредник – бай*. Он скупает то сырье, которое в оптовых размерах собирает европейский комиссионер. Со скупкой он связывает и целый ряд ростовщических операций, ссужая дехкана и деньгами и "натурой".

Развитие хлопководства в высшей мере содействовало увеличению власти байского элемента. Хлопковые посевы вытеснили хлебные посевы и тем самым нарушили естественное равновесие натурального хозяйства, сделав нужду в хлебе постоянной. Одновременно с этим возросла и нужда в деньгах, и одной из причин этого было то, что хлопководство принадлежит к числу интенсивных культур. – ':Хлопковая горячка" создала нехватку рабочих рук и взвинтила заработную плату, между тем хлопковод-дехкан, в условиях поливного земледелия, когда зачастую в жаркую пору вода отпускается из арыка лишь на полчаса, на час, не может обойтись без наемного батрака. Нужда в деньгах и в хлебе открыла широкий простор ростовщической деятельности баев.

"Казалось бы, что ввиду ценности хлопка и его обеспеченного сбыта хозяйственное положение рядового дехкана должно было бы улучшаться, на самом же деле чаще приходится видеть и слышать лишь отрицательные стороны его. Так, напр., в волостях Кувинской, Шариханской и Асмакинской (Скобелевского уезда), Курган-Тепинской, Аимской и Хакентской (Андижанского уезда), где культура американского хлопчатника особенно развита, рядовые земледельцы в настоящее время владеют от 1 до 12 танапов искусственно орошаемой земли, чего для ведения нор-

мального хозяйства далеко не достаточно. Причиной такого малоземелья является, конечно, не культура американского хлопчатника, а тот хищнический способ выдачи задатков под его урожай комиссионерами, чистачами и т. д., способ, который довел трудящийся класс до крайней задолженности и обеднения. Не учитывая будущих событий, трудящийся класс охотно брал деньги под хлопок и расширял его посевную площадь и сокращал под продукты первой необходимости, цены на которые не замедлили подняться, конечно, искусственно и теми же лицами, кои снабжали население деньгами под хлопок. Таким образом, получая прибыль на первом, население в то же время переплачивало на втором, увеличивая каждогодно свою задолженность".* Таково официальное мнение, высказанное на совещании инстпекторов мелкого кредита: российский капитал, помимо собираемой им самим дани, еще увеличил и классовую кабалу внутри туземного общества. Это подтверждается и весьма наглядным фактом. До войны разница между осенними и весенними ценами на хлеб и некоторые другие сельскохозяйственные продукты каждый год достигала 50 процентов. Секрет этой загадки очень прост. Осенью, для удовлетворения своих неотложных нужд земледельческое население должно было продавать весь свой урожай. Весной ему приходилось продавать рабочий скот и предметы своего домашнего обихода, чтобы покупать хлеб и семена для посева.

Ростовщическая, посредническая деятельность поднимает из среды местного населения *новый слой крупных землевладельцев буржуазного типа.* Пример – Фергана.

"Увеличение населения в Фергане со времен завоевания

---

* "Мелкий кредит в Туркестане". Труды совещания инспекторов мелкого кредита Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской обл. в г. Самарканде 12 – 20 мая 1915 г., стр. 111-112.

этого края повело к постепенному дроблению бывших в свое время крупных землевладений на более мелкие участки. Сельскохозяйственная культура на искусственно орошаемых землях этого края, требуя огромного количества труда, требует в то же время от работника и соответствующего внимания, мыслимого лишь при любви к делу, когда работник вполне заинтересован в результатах своего труда. В частности же при высоко интенсивной культуре хлопка сельскохозяйственные условия края являются настолько своеобразными, что крупные землевладения, как доказано опытом, несмотря на самые крупные затраты, редко выдерживают дальнейшее свое существование. Поэтому-то более крупный землевладелец этого края не находит для себя выгодным обрабатывать всю принадлежащую ему землю своим инвентарем и оборотным капиталом, а предпочитает сдать ее более бедным земледельцам (каранда, чайрикерам) из части.

Принимая во внимание ту же своеобразность условий сельского хозяйства, можно было бы считать мелкое хозяйство, а вместе с тем и мелкое землевладение, нормально обычным, но существующая *тридцатилетняя система скупки хлопка через посредничество кулаков-туземцев способствовала дальнейшему дроблению землевладений, вредно отозвавшемуся на благосостоянии мелкого собственника и главного производителя хлопка, – с одной стороны, и в то же время повлекла за собой, как результат последнего, – концентрацию земель в одних руках,* – с другой. Благодаря вышеизложенным и многим другим условиям, создалось несколько типов земледельцев-дехканов, а именно: почти все крупные землевладельцы, в исключительных случаях обрабатывая незначительную часть собственной земли личным трудом, остальную сдают исполу, средние землевладельцы, за редкими исключениями, обрабатывают сами; более же мелкие землевладельцы, которые доходностью от своей земли уже не могут существо-

вать, работают на землях крупных и средних землевладений из части, в качестве чайрикеров, а в годы, следующие неблагоприятным по урожайности, – отхожим промыслом и, наконец, безземельные и обезземеленные дехканы, за исключением чайрикеров, составляют уже кадр чернорабочих, обрабатывающих земли по найму".*

Такую же картину представляет и сартовское хозяйство Сыр-Дарьинской области. "Подразделяя все сартовское население на наиболее состоятельных хозяев, средних и бедных, к первым нужно отнести таких, у которых собственной земли имеется до 10 десятин, 4 – 6 пар рабочего скота, не менее 3 – 4 лошадей и до 6 – 8 коров. Такие хозяева обыкновенно держат не менее 3 – 4 работников, засевают до ста и более пудов пшеницы и столко же хлопка. Хозяев с таким имущественным положением и указанными размерами посевов в среднем до одной пятой всего населения. Хозяева средней состоятельности имеют собственной земли до 6 десятин, от 1 до 3 пар волов, не менее 2 лошадей, и засевают до 60 пудов пшеницы и пудов 20 - 30 хлопка. Таких хозяев от 1/3 до 1/4 всего населения. Беднейшие хозяева при наличности собственной земли от 1/6 (1 тапана) до 1 – 2 десятин имеют самое большее 1 – 2 головы рабочего скота и засевают самое большее 20 – 30 пудов пшеницы и пудов до 10 хлопка; встречаются и такие хозяева, которые совершенно не имеют рабочего скота".**

"Труды совещания инспекторов мелкого кредита" дают очень точную характеристику байской, денежно-ростовщической и земельной аристократии. "Бай" это не просто "богатый человек". У нас (!) свойство богатого человека не предопределяет каких-либо резко отличительных особенностей характера или общественного положения, не заключает, само по себе, указания на непременную роль в

---

* "Мелкий кредит в Туркестане", стр. 53.

** "Мелкий кредит в Туркестане", стр. 35.

в хозяйственных отношениях деревни. Не то здесь. Надо знать в какой невероятной цене здесь стоит *обладание* какой-либо свободной от немедленного поглощения хозяйством или торговлей *наличностью денежных средств*. Многие и многие причины, выросшие и из прошлого высасывания ханской администрацией всех жизненных соков здешних хозяйств и из хозяйственных условий позднейшего времени (т. е. в том числе и из последующего высасывания жизненных соков русским полицейским аппаратом и капиталом! *Г.С.)*, усиливших требование затрат на ведение хозяйства, привели к тому, что нужда в деньгах пропитывает все чаяния земледельца, ремесленника, торговца. Поэтому здесь создалась такая благоприятная *почва для невероятной наживы скупщиков сельскохозяйственных продуктов;* поэтому здесь торговец не видит смысла своей торговли, если не наживает в ней "рубль на рубль", так что дорогие цены в торговых заведениях Туркестанского края приобрели широкую известность; отсюда же рождается и невероятно высокий процент ссужаемых капиталистами денег. Ясно, что при таких условиях обладание деньгами может создать исключительное влияние баю среди туземцев. Поэтомя слово "бай" здесь тождественно со словом "ростовщик", без всякого, впрочем, оскорбительного оттенка этого последнего слова. Наоборот, слово "бай" непременно означает в то же время и "почтенный человек". И, наконец, в нем же заключается и смысл, выражаемый нашим словом "влиятельный, сильный человек". Так как в туземной среде чрезвычайно выгодны административные выробные должности волостных управителей думов (сельских старост) и т. д., также должности казиев (народных судей), то достаются они только за большие деньги; а так как деньги принадлежат баям, то и должности эти, очевидно, могут быть занимаемы только баями. Отсюда то явление, что *класс выборных должностных лиц у туземцев либо совмещается с группой баев, либо находится с ними в*

отношениях тесной унии. В громадном большинстве случаев принадлежность к группе баев является *наследственной,* причем корни этой наследственности протягиваются большей частью к какому-либо предку, занимавшему административную должность, которая и дала возможность заложить "фундамент" богатства. Поэтому в среде баев и замечаются некоторые признаки *кастового* характера. Наследственная привычка увеличивать свое богатство грабежом населения настолько укоренилась в этой касте, что представители ее не в состоянии понять никакого своего действия без возможности поживиться на счет"фукаре" (бедноты)".*

Развитие хлопководства вызвало резкое классовое расслоение в мусульманской деревне и старом городе, выдвинуло аристократию в качестве проводника торгово-ростощического капитализма и установило *диктатуру российского великодержавного капитала* над хозяйственной жизнью туземного общества. Это констатируется и официальными источниками. "Торговля хлопком в Средне-Азиатском районе, а, следовательно, косвенным образом и все хлопководство, находится в руках нескольких крупных фирм и представителей бумагопрядильной промышленности России. Самая скупка хлопка производится целой армией посредников, частью агентов хлопкоочистительных заводов, частью мелких торговцев, скупающих сырец и затем продающих его в очищенном виде ("чистачи"). Чтобы обеспечить себя получением необходимых по их расчетам, частью уже наперед запроданных партий хлопка, крупные фирмы прибегают к выдаче населению задатков или ссуд под посевы хлопка. Само собой понятно (!), что хлопковые фирмы не могут выдавать эти задатки и ссуды населению из 4,5 %, сами кредитуясь (?) из 9 – 10 %, и поэтому должны насчитывать для туземцев 12 % на выдаваемые деньги. Посредники, получая сами деньги по 2 %, раздают

* "Мелкий кредит в Туркестане", стр. 62 – 63.

их земледельцам под 40 и более процентов. Задолженность Ферганы хлопковым фирмам, по свидетедьству кокандского биржевого комитета, за сезон 1908 г., составляла *свыше полутора миллиона,* и при этом по свидетельству того же комитета только 20 % *всей засеваемой в области площади* могут быть обсеваемы средствами туземцев-земледельцев, а остальное количество может быть засеяно лишь при помощи ссуд".*

Может ли что-либо быть откровеннее этого признания?! 80 % посевной площади обсеваются хлопком под ссуду в то время как посевная площадь хлопка в Фергане составляет к этому моменту 29,5 % всей посевной площади! Какое же нужно еще доказательство диктатуры российского капитала?

Во что обходится местному дехканству эта диктатура, видно из сравнительной статистики цен 1885 и 1903 году (в рублях):

	Маргеланск. уезд	Кокандский уезд	Наманганск. уезд	Андижанск. уезд	Ошский уезд
Четверть пшеничной муки	6,60–11,0	4,20–11,30	4,93–11,35	3,11–11,33	3,20–9,67
1 пуд ячменя	0,30–0,97	0,28–0,91	0,34–1,11	0,29–1,04	0,30–
100 снопов люцерны	2,08–9,43	1,80–8,10	2,79–8,05	1,57–11,17	1,59–8,45
Четверть риса	4,69–21,40	5,03–23,7	5,73–22,3	4,05–20,78	3,70–21,47
1 пуд джугары	0,30–1,0	0,27–1,0	0,46–1,14	0,29–1,04	0,31–1,08
1 пуд баранины 2-го сорта	1,76–3,40	1,95–3,3	2,90–2,79	1,75–3,03	1,87–2,63
1 пуд бараньего сала	4,27–6,8	4,17–6,6	4,80–5,93	3,72–8,1	3,74–7,03
1 саж. дров (тополевых)	3,40–6,05	3,00–6,78	2,81–6,6	3,33–8,05	3,55–5,52
Поденная плата пешему рабочему	0,29–0,72	0,35–0,7	0,30–0,64	0,34–1,08	0,34–0,80

* "Материалы" (ревизии Палена), ч. I, отд. II, стр. 83, 85.

Увеличение цен, воздорожание – в 2, 3, 4 и 5 раз! И при этом все же рабочие руки дорожают медленнее и меньше, чем предметы первой необходимости.

"Хлопковая горячка" (до войны) охватывает не одну только Ферганскую область. Увеличение посевов хлопка с 1908 по 1913 г.г. распределяется по областям так:

По Ферганской области.....44 %
" Сыр-Дарьинской области.....210,8 %
" Самаркандской " .....46,5 %

Однако, в Фергане хлопок *господствует* над всем. Он служит основой промышленного производства. Обработка различных продуктов хлопка занимает 60 % всех рабочих Ферганской области. 80 % всех механических двигателей, потребляет 80 % всего топлива, 94 % всего сырья и дает 92 92 % общей суммы областного производства.* Связь хлопкоочистительных заводов с важнейшей отраслью местного сельского хозяйства должна была делать его особенно доступным для пролетаризированного населения деревни, и вот мы видим, как *классовое неравенство между нациями переносится и в область промышленноси.* "Контингент рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности коренного Туркестана, состоит из следующих 2 категорий, далеко неравных по численности: *из немногочисленного персонала технически подготовленных мастеров и главных рабочих, состоящего из лиц русского и вообще европейского происхождения,* и отчасти из туземцев, вышедших из среды простых рабочих и усвоивших технические приемы того или иного производства, и из *многочисленного* сравнительно *персонала второстепенных низших рабочих, состоящего,* главным образом, *из туземцев* и небольшого числа лиц европейского происхождения, преимущественно

* "Промышленные заведения Туркестанского края, В. Заорская и К. Александров, 1915 г., стр. 87 – 88.

подростков. Контингент рабочих первой категории, водворившихся в крае более или менее прочно, крайне ограничен, а пополнение его кадрами рабочих из внутренних местностей империи сопряжено для владельцев промышленных предприятий с большими затруднениями. Поэтому рабочие указанной категории отличаются высокой расценкой своего труда и более высокими требованиями по отношению к хозяевам, в результате чего нигде, быть может, в империи владельцами не сделано рабочим в последние годы таких уступок, как здесь: рабочее время сокращено до минимальных размеров (в большинстве случаев до размеров 8-часового рабочего дня), право на полный отдых в праздничные дни и частичный отдых в предпраздничные использовано в самом полном объеме, пользование медицинской помощью за счет хозяев, плата за незаработанные дни в случае внезапного, без предупреждения, расчета хозяевами, и т. п., стороны рабочего быта получили в значительной степени свое осуществление.

Рабочие же второй категории, кадры которых пополняются преимущественно многочисленным контингентом безземельных и вообще малоимущих туземцев, отличаются низкой сравнительно расценкой своего труда, ограниченностью своих притязаний на праздничный отдых и крайней нетребовательностью по отношению к хозяевам".* И понятно почему: тогда как туземный чернорабочий пролетариат все время испытывает давление избытка рабочих рук, образующегося в земледелии, европейская рабочая аристократия застрахована от этого самим своим положением в производстве. На 1908 – 1910 года такса средней поденной платы чернорабочим была установлена следующая: для Сыр-Дарьинской области взрослым мужчинам свыше 17 лет – 80 коп., подросткам от 15 до 17 лет – 60 коп. и малолетним от 12 до 15 лет – 50 коп; женщинам в той же

* "Материалы" (ревизии Палена), ч. I, отд. II, стр. 332-333.

градации – 70 коп., 45 коп. и 35 коп.; для Ферганской области – взрослым мужчинам в городах 80 коп. и в кишлаках – 70 коп., женщинам взрослым 40 коп. и подросткам 20 коп. Средняя годовая сумма заработной платы:*

в Фергане равнялась .....177 руб. 30 коп.
в Сыр-Дарьинской области..... 152руб. 20 коп.
в Самаркандской области.....137руб.

Между тем в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции в России, за пятилетие с 1901 года средняя плата составляла 206 руб., а в 1906 – 1907 г.г. в среднем 244 рубля.**

Органический состав капитала, процентное отношение постоянного капитала к переменному изображает следующая сводка:***

Название расходов в рублях		% к общим издержкам
Заработная плата	3.759.940	3,1%
Расходы в пользу рабочих	119.329	0,1%
Сырой материал	105.051.400	87,6%
Топливо	1.439.222	1,2%
Все прочие расходы	9.518.248	8,0%
Всего издержек производства	119.888.139	100%

Низкий процент расходов на заработную плату по сравнению с затратами постоянного капитала здесь никоим образом не служит показателем технического прогресса, но является результатом специфических условий хлопкового производства, где сырье составляет главный расход капитала, рабочие же получают гроши. В общей картине промышленного производства Туркестана обработка волокнис-

* В. Заорская и К. Александров, цит. сочинение, стр. 56.
** К.А. Пажитнов, "Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России", 1910 г., стр. 4.
*** В. Заорская и К. Александров, цит. сочин., стр. 60.

тых веществ занимала главное место, и это опять-таки должно было обусловливать господство русских на верхах и низкий жизненный уровень туземных рабочих масс в промышленности Туркестана *вообще*. Ниже мы помещаем соответствующие цифры:*

Название сводных групп	Число заведений	Число рабочих		Сумма производства (руб.)
По обработке волокнистых веществ	262	12.427		101.904.936
По обработке металлов	14	421		786.795
По обработке питательных веществ	226	5.111	Средняя	26.399.517
Прочие производства	200	2.966		4.795.530
Итого	702	18.925		133.886.778

Характерно распределение фабрично-заводского пролетариата по национальному составу. Из общего числа русских 22,8 %, сартов (узбеков) 60,7 %, киргизов 4,5 %, таджиков 5,5 %, кашгарцев, тарачинцев, дунган 1,4 %, других пришлых 5,1 %.** 22,8 % – это русская рабочая аристократия. На железной дороге, обслуживаемой более квалифицированными профессиями, состав рабочих и служащих распределяется так: русские – 80,7 %, мусульмане 14,6 %, поляки – 2,6 %, немцы – 0,8 %, армяне – 0,7 %, евреи – 0,2 %.***

Служба на железной дороге, сопряженная с рядом жизненных удобств (казенная квартира, возможность обзаведения домашним хозяйством и т. д.), была таким образом почти исключительно национальной привилегией русских, так как 14,6 %, падающие на мусульман, относятся к категории чернорабочих.

---

* Заорская и Александров. Цит. соч., стр. 41.

** Там же, стр. 52.

*** Гулишамбаров, "Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской жел. дорогой", 1913 г., ч. II, стр. 59.

Российский капитализм не создал в Туркестане крупной промышленности. "Промышленная революция" тут произошла только в форме развития посевов американского хлопка. Из "оазисно-территориального тюркского хозяйства" Туркестан превратился в *хлопковую плантацию российского капитала.* На этом развитие остановилось. Российскому капиталу необходимо было освободиться от "засилия" иностранного сырья и этого он добился: в 1870 году Россия потребила 2605828 пудов иностранного хлопка и 194597 пудов собственного, в 1908 же году на 11500000 пудов иностранного уже приходилось 10500000 пудов собственного. Однако, хлопчатобумажные патриоты совсем не были заинтересованы в том, чтобы переносить в Туркестан и переработку хлопка-сырца в ткани. Напротив того, Туркестан им был нужен единственно как источник сырья. Российский капитализм вызвал разорение туземного сельского хозяйства, но не создал приемника для избыточного сельского населения. В результате *торгово-ростовщический капитал оказался силой, непосредственно поддерживающей полубуржуазную полукрепостническую байскую кабалу в деревне.*

В области вывоза первое место при старом режиме принадлежало хлопку. Второе место – фруктам, которых в 1892 г. было вывезено 424400 пудов, а в 1907 г. – 1810500. Третье место – шерсти, которой в 1892 г. было вывезено 370700 пудов, а в 1907 г. – 787100 п. Ввоз в Туркестан давал не менее характерную картину. С 1892 г. по 1907 г. ввоз мануфактурных изделий увеличился с 397550 пудов до 2087076 пудов, на 425 %, ввоз сахара – на 302 %, хлебов – на 802 %, лесных изделий – на 304 % и изделий из стали и железа – на 374 %. Извлекая из Туркестана сырье, – продукты хлопководства, садоводства, скотоводства, – русский капитал использовал его прежде всего как рынок сбыта продуктов своей текстильной промышленности.

Если с одной стороны Россия стремилась использовать Туркестан как рынок для скупки сырья и сбыта изделий промышленного производства, то другой стороной ее захватной политики была *колонизация* Туркестана "излишками" земледельческого населения центральных губерний.

Этого требовали не только экономические, но и политические интересы полубуржуазной, полукрепостнической системы. Переселение в Туркестан достигает особенно высоких размеров после поражения революции 1905 – 1907 года, и главный контингент переселенцев составляют крестьяне бунтовавших губерний юга России. Здесь они быстро из эксплоатируемых превращаются в эксплоататоров-помещиков, сидящих на киргизской земле; из представителей угнетенной национальности украинцев – в носителей великодержавного, "истинно-русского" гнета по отношению к киргизскому населению. В их лице царизм создает себе живую опору для своего колониального господства. Жертвой колониального грабежа, естественно, является кочевое, главным образом, киргизское население. Оно еще не совершило окончательного перехода к оседлому, земледельческому быту. Его право собственности на землю нормировано только в очень расплывчатых формах обычным правом. Наконец, его культурная отсталость и бесправие облегчают захват его собственности. "Все земли Туркестанского края до утверждения в его пределах русского владычества признавались собственностью ханов. *Вследствие этого* (!!) при определении прав туземного населения на землю составители "Туркестанского и Степного Положений" постановили *считать всю территорию вновь приобретенного края,* временно, впредь до поземельного устройства его, *изъятой из частной собственности* и оставить за туземным населением лишь право бессрочного общественного поль-

зования землей на основании действующих обычаев".* Эта преемственность между русско-самодержавным управлением и ханским владычеством поистине замечательна. Русский царизм в Туркестане не на словах, а на деле доказал, что является прямым наследником Тамерлана и Чингис-Хана!

В результате колонизаторской деятельности русского правительства к январю 1908 г. в Семиреченской области насчитывалось крестьянских селений и слободок 41. Казачьих станиц и выселков имелось в области 30. Во владении крестьян (60350 душ обоего пола) состояло 231250 десятин, а во владении казаков (34468 душ обоего пола) 610484 десятины земли. В 1911 г. в Семиреченской области насчитывалось уже 155 русских поселков (32 казачьих и 123 крестьянских), и население этих поселков достигало 175 тысяч душ обоего пола. В Сыр-Дарьинской области в 1909 г. числилось 92 русских поселка с 40 тысячами душ и 203000 десятин. В 1911 г. их было уже 108. В Фергане в 1911 году было 23 русских селения с 20 тысячами населения и 25 тысяч десятин земли. В Самаркандской области их было к 1911 – 13 с 3 1/2 тысячами душ. В Закаспии (1909 г.) – 27 с 3 тысячами душ.**

Важны, конечно, не эти цифры сами по себе. Важно, как возникли эти поселки русских колонизаторов и какой поворот вызвало их появление в жизни местного населения. Отчет сенатской ревизии Палена эпически спокойно повествует о "массовом смещении киргизов с зимовых стойбищ". Сгонялись не только отдельные киргизские хо-

---

* "Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом". Переселенческое дело в Туркестане, 1910 г., стр. 39.

** Масальский, "Туркестанский край", стр. 324, 326, 330, 332.

зяйства, но и мелкие аулы. Сгонялись с насиженных мест, с кровью и потом политой и завещанной предками земли *целые сотни и тысячи киргизских хозяйств.*

Вот *казенное* описание деятельности семиреченской "переселенческой партии". "Чинами переселенческой партии предположено было разрушить свыше 5100 очагов оседлости с населением более 30 тысяч душ. Такое смещение было намечено в целях получения около 250 тысяч удобной земли, достаточной для обеспечения приблизительно 6 1/2 тысяч переселенческих хозяйств по расчету 40 десятин на хозяйство. Однако, как об этом свидетельствует практика заселения участков, образованных партией в Пишпекском подрайоне, из 5395 душевых долей, показанных пригодными для немедленного заселения, в действительности заселено лишь 2008, то есть около 38 %, на занятие же остальных 3387 долей, вследствие малой их пригодности для ведения сельского хозяйства, желающих не оказалось вовсе. Эти данные приводят к заключению, что на указанных выше 250 тысячах десятин в действительности могут устроиться не более 2 1/2 тысяч переселенческих хозяйств, для чего потребуется *разрушить едва ли не двойное число очагов киргизской оседлости.* При обозрении запроектированных участков подведомственными мне чинами выяснилось, что киргизы почти повсеместно перешли к оседло-скотоводческому хозяйству и что во многих случаях (!) осуществление намеченных переселенческой партией проектов приведет смещаемые киргизские хозяйства к разорению".* Суконный язык этого заявления нимало не ослабляет его значения. Царский сенатор должен открыто признать сугубо-живодерский характер царской колонизации! Из общей площади Семиреченской области в 36139535 десятин, из которых 4786669 десятин приходят-

* Отчет ревизии Палена". Переселенческое дело в Туркестане, стр. 57.

ся на неудобные земли, к 1913 году "из пользования киргиз было изъято" 4193520 десятин. Киргизам было оставлено 27159346 десятин.* "Как показывают вышеприведенные цифры, более 6/7 (87 %) всей территории Семиреченской области, за исключением сплошных неудобных пространств, находится еще в пользовании киргиз, и только 13 % всей площади находится или в пользовании оседлого населения или в пользовании казны. Однако, оценивая эти соотношения, не следует упускать из виду, что *изъяты у киргизов, по преимуществу, земли культурные или пригодные для культуры без особо дорогих мелиораций, в пользовании же киргиз остались, преимущественно, полупустынные степные пространства и горы".*** Это, опять-таки, официозное мнение российского колонизатора, которому невыгодно сгущать краски!

Своей колонизаторской политикой русский царизм задержал переход киргиз в оседлое состояние. Он буквально выбросил их в пустыню, устроил для них из пустынных пространств и гор "черту киргизской оседлости" и создал из их разорения выгодную статью дохода для русских переселенцев и казаков. Это прямо подтверждается статистическими данными.

НАРОДНОСТЬ	Средний валовой годовой доход	Число хозяйств	Валовой доход всех хозяйств (в тысячах рублей).
Киргизы	464	160.000	72.240
Таранчи	657	14.000	9.198
Дунгане	850	2.500	2.125
Русские	1.078	31.000	31.558
Всего	–	207.500	117.121

* Данные сплошного исследования, произведенного в 1909-1913 г.г. статистической партией переселенческого управления под руководством Н. Румянцева.

** В. Васильев, "Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины". 1915 г., стр. 83.

Таранчи и дунгане – пришлый элемент, бежавший из Кульджи и Кашгара, и, несмотря на то, что они тоже – переселенцы, не пользующиеся высоким покровительством царизма, доходность их хозяйств выше доходности киргизских хозяйств.

Киргизы были, можно сказать, принудительно "прикреплены" к экстенсивному скотоводческому хозяйству. Поэтому вполне понятно, почему русский переселенец в среднем получал 19 руб. 20 коп. дохода с десятины, а киргиз – только 2 руб. 73 коп. * Вот показательная табличка: **

Народности и местожительство	В среднем на хозяйство приходится:				
	Душ обоего пола	Скота в переводе на лошадь	Десятин посева Хлебов	Люцерны	Десятин естественного покоса
Киргизы Семиречья	5.44	15.34	1.88	0.31	2.20
Киргизы Черняевского уезда	6.60	16.11	4.02	0.13	1.47
Киргизы Аулие-Атинского уезда	6.60	13.40	4.29	0.41	1.98
Тарачи Семиречья	4.90	3.76	2.64	0.36	0.10
Дунгане	4.99	5.10	7.17	0.38	0.25
Сарты Черняевского уезда	6.11	5.03	7.05	0.27	0.40
Русские Семиречья	7.34	9.98	7.44	0.33	2.14
Русские Черняевского уезда	6.90	10.70	12.85	0.42	2.70

Итак, тогда как киргиз-скотовод на 5,44 душ имел 15,34 единиц скота, 1,88 десятин посева хлебов, 0,81 дес. люцерны и 2,20 дес. покоса, русский переселенец "хлебороб" имеет и больше рабочих рук, и больше покоса, и больше посева, и сравнительно больше скота, хотя скотоводство и не является его основным промыслом.

И тем не менее семиреченский киргиз вынужден 56,6% своих доходов извлекать из скотоводства и лишь 22,4 % из земледелия, русский же переселенец 55,9 % получает от за-

* Там же, стр. 147 – 148.

** Там же, стр. 101.

нятия земледелием и 12,9 от скотоводства.* Было бы ошибкой думать, что русский переселенец принес в Туркестан более высокую земледельческую культуру. Ничего подобного! Он явился сюда как хищник и как хищник стал эксплоатировать все, что у него лежало под рукой. Казаки в 1906 году занимали запашкой от 7 до 15 % своего надела. Что касается переселенцев, то и они не далеко ушли от казаков, поселенных раньше с целью охраны границ российской державы: в то время, как тарачинцы и дунгане получали с десятины 75 руб. 40 коп. и 76 руб. 40 коп. дохода, их доход с десятины равнялся только 19 руб. 20 копейкам. "Ни в смысле разнообразия культур, ни в смысле системы хозяйства русские не превзошли оседлых туземцев — таранчей и дунган; наоборот, последние возделывают рис, масличные, культивируют разнообразные сорта овощей, выращивают виноград, персики и даже иногда хлопок, которые требуют гораздо более интенсивного хозяйства, чем обычное крестьянское залежное полеводство. Даже хозяйство киргиз кочевников, в смысле приспособления к природным условиям области, но, конечно, не в смысле техники, стоит выше хозяйства русских".** То же самое говорит и отчет ревизии Палена: "Обработка земли на крестьянских наделах *самая первобытная*. Пашут на глубину 2 — 4 вершков, по одному разу, больше с весны. Удобрение не применяется. *Урожаи, первоначально доходившие до 150 — 200 пудов с десятины, понизились в настоящее время на отведенных крестьянам землях до 30 — 60 пудов*".*** Именно это обстоятельство было причиной постоянного увеличения переселенческих аппетитов на киргизские земли, причиной дальнейших "законных" и само-

---

* Там же, стр. 135.

** Там же.

*** "Переселенческое дело в Туркестане". Отчет ревизиии Палена, стр. 149.

самовольных захватов. Все перечисленные факты и цифры служат прекрасным показателем "цивилизаторской" роли "Российской империи" в Туркестане. "Грабь и давай грабить другим!" – таков был реальный смысл колониальной политики российского самодержавия.

Именно вследствие этой политики количество киргизского населения за период 1902 – 1913 годов уменьшилось с 77 % общей массы населения до 68,9 %, тарачинцев и дунган с 6,7 % до 4,9 %, количество же русских и "прочих" возросло с 16,3 % до 26,2 %. Русские переселенцы захватили все лучшие земли по водным линиям, захватили скотопрогонные участки, соединяющие зимовья с летовками, отняли у киргиз возможность безболезненного перехода к земледельческому хозяйству и вместе с тем создали совершенно невыносимые условия для ведения скотоводческого хозяйства. Об этих условиях лучше всего говорит сравнение расходного бюджета киргиз с расходным бюджетом русских: тогда как русский переселенец в мирное время, ведя по преимуществу *натуральное* хозяйство, затрачивал на личное потребление 54 % и 34,8 % на хозяйственное потребление, киргиз затрачивал на личное потребление 72,2 % и только 21,4 % на хозяйственные нужды.* На заведомо невыгодных условиях сдавал он землю переселенцу, платил ему за право прогона своего скота по его территории, зачастую должен был покупать у него хлеб, а то и наниматься к нему в батраки. "Чернорабочих в Семиреченской области более чем достаточно. На рабочий рынок их поставляет туземное население, главным образом в лице киргизов. В ближайшем будущем (это писалось в 1913 – 1914 г. !) следует ожидать, что этот рабочий рынок будет все более расширяться в смысле предложения, так как переход киргиз от полунатурального пастушеского хозяйства к новым более высоким формам земледелия и скотоводст-

* Васильев, цит. соч., стр. 138.

ва, с преобразованием хозяйства в товарно-денежное, неизбежно поведет к пролетаризации части киргизского населения. И сейчас уже *киргизы-бедняки составляют в Семиречье многотысячный кадр батраков, работающих как у своих богатых соплеменников, так и в русских хозяйствах (в редком, мало-мальски зажиточном дворе казака или крестьянина не встретишь одного, а то и двух работников-киргиз)*. Но в настящее время (?) киргиз-батрак, скопивши сотню-две рублей и купив голову-две скота, может снова присоединиться к аулу своих сородичей; в дальнейшем же, по мере ограничения землепользования киргиз, эта возможность будет становиться все менее осуществимой, и постепенно образуется кадр киргиз-пролетариев, как это уже имеет место в степных областях Сибири, особенно в местностях, прилегающих к Омской и Ташкентской железным дорогам".* Такую перспективу безысходного рабства прочили для киргиз господа российские цивилизаторы, перспективу вполне реальную, поскольку над ней "работали" все силы старого режима! Если колониальная политика царизма делала киргиз жертвой жестокой эксплоатации русских переселенцев и казаков, быстро превращавшихся "на вольных землях" в настоящих столыпинских помещиков, то, одновременно, она укрепляла и искусственно поддерживала господство баев и манапов в киргизской среде. "Туземное население, – гласит отчет Палена, – как казацкое (киргизское степное), так и кара-киргизское (горское), еще до сих пор не порвало вполне с родовым бытом и подразделяется на две группы: джакшиляров (баи богачи, манупы – лучшие люди) и кара-букару (бедняки). В руках первых, составляющих, по удостоверению знатоков киргизского быта, *не свыше 4 % всего населения*, фактически сосредоточены громадные стада, лучшие земли и все органы туземного самоуправления и народного суда. Что

* Там же, стр. 180 – 190.

же касается кара-букары, то она пользуется землей лишь в меру милости джакшиляров и уплачивает в их пользу негласные налоги, едва ли не вдвое превышающие казенные сборы".*

Под тем же воздействием российской колонизации и русского капитала, под которым оказались узбеки и киргизы, оказались и туркмены, наиболее отсталый, в хозяйственном отношении, народ из всего коренного населения Туркестана. Предоставим же опять слово одному из казенных политиков прошлого. В Туркменистане, в Закаспии "русское влияние сказалось более сильно, нежели в области ирригации, в сфере техники полеводства и системы земледельческого хозяйства туземцев. Это влияние шло, главным образом, в силу того обстоятельства, что с приходом в Закаспий русских земледельческое хозяйство туркмен приобщилось железнодорожным путем к европейской экономической жизни и стало испытывать на себе изменения экономической конъюнктуры. Та эволюция, которую проделало туркменское земледелие за последние 20 – 30 лет, одним культурным (гм, гм!) влиянием русской администрации не объяснишь. Гораздо больше значения, как действующая причина, имеет, конечно, второй элемент – *появление в Закаспийской области железной дороги, сделавшее туркмена-земледельца поставщиком хлопка для прядильных и ткацких фабрик Московско-Владимирского района.* Со сказочной быстротой растущая площадь хлопковых посевов меняет в корне не только систему хозяйства и полеводства, но несет с собой изменения правового и социально-бытового характера у туземцев. Вместе с ростом хлопковой площади, раньше только передельные земли начинают участок за участком превращаться в мюльки (частную собственность). Параллельно этому растет ценность земель, появляется стремление их закрепить за собой и родо-

* "Переселенческое дело в Туркестане", стр. 154.

вой обычай "адат" дает под напором развития экономики трещину, – появляется институт купли-продажи земель, по "адату" недопустимый. Растет прогрессивно цена на хлопок, увеличивается площадь посева хлопка, растут и денежные обороты кочевников-туркмен, и их хозяйство начинает все более и более превращаться из натурального хозяйства кочевника-земледельца в денежное хозяйство промышленника-хлопковода. Русские застали в Закаспийской области только культуру яровых хлебов, люцерны, дынь и незначительные посевы азиатского хлопчатника – "карагуза". Земледельческое хозяйство велось по переложной системе, которая сохранилась еще и теперь на общинных землях. Промышляя разбоями (!) и скотоводством, текинцы занимались земледелием только постольку, поскольку это было им необходимо для получения основных продуктов потребления. Наиболее состоятельные из них, скотоводы, повидимому, и совсем игнорировали земледелие, предоставляя это занятие *бедноте*".*

Русское владычество заставило туркмен ускорить свое оседание на землю. В 1916 году под Мервом хлопок составлял 44,6 % всех посевов и 39,2 % площади пашни, доходя на мюльках в среднем до 49,5 %, а иногда до 3/4 и выше всей площади пашни (хлеба на мюльках занимали 17,5 % а на общинных – 91 %, составляя в среднем 38 % всей площади.** Переход от общинного землевладения к подворно-наследственному в Закаспии был обусловлен не только переходом к интенсивной культуре, требующей личной заинтересованности производителя, но и необходимостью более целесообразного использования воды, чего нельзя было достичь при хаотическом общинном ("санашиковом") землевладении, между тем нехватка воды всегда являлась

* В.В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Ташкент, 1918 г., стр.. 12 – 13.

** В.В. Русинов, цит. соч. стр. 16.

корнем аграрного вопроса в выжженном солнцем пустынном Закаспии. Под влиянием внешнего напора патриархально-родовая община туркмен разлагается. Владельцы крупных стад занимают и на земле такое же привилегированное положение, как и в скотоводческом хозяйстве. В туркменскую среду проникает торговый капитал в лице армян, персов, кавказских татар, бухарцев и хивинцев. Старые патриархальные отношения здесь, как и везде, уступают место ростовщической кабале.

Если теперь мы перейдем от экономического базиса к политической надстройке, от нового строя производственных отношений, созданных колониальной эксплоатацией, к колониальному управлению, то мы сразу же убедимся в полном соответствии "надстройки" "базису". Один из казенных горлопанов, лет двадцать тому назад, писал: "С момента, что азиатам делаются ясны основы нашей Верховной власти, они с нами едины духом... Глубоко и убежденно преклоняясь перед искусством Британии владычествовать над океанами и чужими царствами, всякий патриотично, но беспристрастно мыслящий русский не может и не смеет закрывать глаза на коренную противоположность ее правильного (!) и нашего далеко не упорядоченного (!!) хозяйничанья в пределах того же громаднейшего и населеннейшего материка. Для одних это – приятная, но далеко не надежная оккупация земель, облюбованных солнцем и с невероятно дешевым человеческим "трудом на других из-за куска хлеба". Для антипода Англии, для Азии белого царя, есть *домостройный принцип,* недостаточно еще перевоплощенный в туземную жизнь"* В этом случайном образце полицейской поэзии очень правильно подмечено сродство царской монархии с азиатскими деспотиями. Шествуя по стопам ханов, царская Россия действительно "наса-

* Кн. Эспер Ухтомский, К событиям в Китае, 1900 г., стр. 83, 15.

ждала" в Азии свой "домостройный принцип". Для нее колониальная политика была прежде всего средством расширения фундамента *полукрепостнического,* полубуржуазного строя. "Оккупация земель, облюбованных солнцем и с невероятно дешевым человеческим "трудом на других из-за куска хлеба", была прямым средством укрепления и защиты *помещичьего землевладения* в России. Эта "оккупация" была гвоздем решения аграрного вопроса у всех правых партий еще до революции 1905 – 1907 г.г. Кадеты, стремившиеся примирить помещичьи привилегии с буржуазным прогрессом чем ближе к мировой войне, тем больше рисовали заманчивость перспективы колониальной политики. Наконец, после октября 1917 года, буржуазно-помещичья контр-революция всех цветов и оттенков признала одной из своих ближайших задач – "движение на Восток". "Колонизационное движение на Восток должно стать *осью* экономической политики в области сельского хозяйства" * – так заявили ее авторитетнейшие идейные представители. В этом вопросе российские Угрюм-Бурчеевы вполне сошлись с Колупаевыми.

В Туркестан российское самодержавие перенесло в готовом виде свой административно-полицейский аппарат, несколько преобразив его "в соответствии с местными особенностями" в смысле более последовательного проведения "домостройного принципа": наверху – генерал-губернатор, за ним – губернаторы по областям, ниже – уездные начальники. Так же как и в России, царское правительство долгое время поддерживало общину, используя ее как полицейско-фискальный аппарат: здесь оно оставило в неприкосновенности на низших ступенях "местное самоуправление" в виде волостных управителей, сельских старост –

---

* Проф. В.И. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, Москва, 1919 г., изд. "Центросоюза", стр. 188.

"думов" и народных судей – "казиев". Русский хлопчатобумажный и торговый капитал сделал бая-ростовщика проводником своего влияния в мусульманском кишлаке – российское самодержавие сделало его охранителем великодержавных "прав" русской нации. Само собой разумеется, что сюда сплавлялись все отбросы резервной армии российской дворянской и служилой бюрократии. Здесь они находили широчайшее раздолье для личного произвола, самого беззастенчивого и дикого грабежа, взяток и насилий без конца и предела. Все русское жило здесь и воспитывалось в сознании того, что коренное население Туркестана не люди, а рабочий скот, который нужно бить, грабить, насиловать. Недаром же в этой стране бесправия сложилась характерная песня:

Эх ты, Азия печальная,
Безответная страна –
И с начальством безначальная,
И с богатствами бедна.

Здесь каждый рядовой русский полицейский брал деньгами и натурой – вплоть до чужих жен, – сколько ему хотелось. Если он встречал сопротивление, он бил, убивал. Все равно, все преступления прикрывались благодетельным начальством!

Здесь обогощались как в сказке. Захватывали у туземной бедноты любой участок земли с постройками на том основании, что... по шариату "тот, кто оживит землю, владеет ею".* Здесь не было границ "истинно-русской подлости". В 1916 году была объявлена мобилизация киргиз на окопные работы. Доведенные угнетением до отчаяния, они восстали с дубинками и кетменями, первобытными орудиями труда и защиты. Усмирение было чудовищным по своей жестокости.

* См. Ильин, В далеком краю (роман), 1913 г., Ташкент.

Резали и стреляли без числа женщин, детей, стариков. Потоки крови смешались с грязью разрушаемых глинобитных стен.

Десятки кишлаков и аулов в Джизакском уезде, в Семиречье и Сыр-Дарьинской области были стерты с лица земли. Земля, имущество, скот и постройки были конфискованы и отданы в награду русским кулакам, принявшим живейшее участие в усмирении. В кишлаки и аулы мог приходить всякий и брать все, что ему хотелось. Еще и сейчас разрушенные стены в усмиренных уездах стоят как живые памятники российского самодержавия. Память о 1916 годе еще и сейчас крепко живет в сознании мусульманской бедности.

Любой русский жулик при достаточном запасе наглости и оборотливости мог делать в Туркестане все, что ему угодно.

Здесь числилось 2 % грамотных на родном языке среди населения. В числе прочего, царское правительство занялось здесь руссификацией. Черносотенные "миссионеры" Остроумовы и губернаторы Лыкошины обращали "нехристей" в православие и учили думать и чувствовать по-русски. В конце 1906 года в Туркестане были следующие русские учебные заведения:

	Число заведений	Число учащихся
Мужские гимназии	5	1.949
Женские гимназии	5	2.451
Учительские семинарии	1	87
Реальные училища	1	383
Ташкентский кадетский корпус	1	280
Мариинские училища (благотворит.)	1	240
Ремесленные училища	1	83
Технические	1	73
Городские	21	3.091
Приходские	165	10.728
Начальные и сельские училища	89	4.787
Русско-туземные школы	82	3.072
Железнодорожные училища	22	1.997
Итого:	395	29.201

"Кроме того, в пределах Бухарского ханства имелось 6 начальных училищ с 300 учащимися. Частных учебных заведений в Туркестане насчитывалось в 1906 г. 12 с 835 учащимися. Таким образом, в 1906 году общее число русских учебных заведений в крае составляло 413 с 30326 учащимися; около 20 % этого последнего числа составляют туземцы-мальчики".*

К этим цифрам нечего прибавить. Они дают документальное доказательство православно-националистического мракобесия.

Крайне типично распределение населения Туркестана по *сословиям* (по переписи 1897 г.).

ОБЛАСТИ	Дворяне и чиновники	Духовенство и городские сословия	Крестьяне	Казаки	Инородцы	Иностранные подданные и прочие сословия
Семиреченская	0,3%	3,1%	6,2%	3%	87,1%	0,3%
Сыр-Дарьинская	0,4%	1,1%	2,3%	0,1%	95,2%	0,3%
Ферганская	0,1%	0,3%	0,5%	–	99,1%	–
Самаркандская	0,2%	0,7%	1,5%	–	97,4%	0,2%
Закаспийская	1%	2,3%	9,5%	–	83%	4,2%

Таким образом, можно с полным правом утверждать, что *от 1/3 до 1/2 всего русского населения Туркестана составляют профессионально-паразитические сословия – дворяне, чиновники, духовенство и купцы.* Если к ним присоединить еще кулацкую часть крестьянского и казачьего сословий, то окажется, что большинство пришлого русского населения принадлежало к эксплоататорским группам разных степеней и рангов. Это и была *живая сила колонизационного аппарата* российского самодержавия и великодержавного капитала: она "смещала" киргиз с их земель, командовала угнетенными нациями Туркестана, брала взятки, обмеривала, обвешивала, торговала, ссужала деньги,

* Масальский, "Туркестанский край", стр. 338 – 339.

скупала хлопок, грабила, душила, усмиряла. Она непосредственно опиралась на штыки русской оккупационной армии. Ей принадлежало управление краем и руководство его экономической жизнью. Она группировала вокруг себя отбросы туземного общества – переводчиков, подпольных адвокатов, спекулянтов, туземных полицейских. Ее опорными стратегическими пунктами были новые города, состявшие почти сплошь из казарм, чиновничьих канцелярий, казенных квартир и лавок, железная дорога, русские поселки и казачьи поселения, врезавшиеся клином "на прусский манер" во владения коренного населения. Такова была общественная основа колониального гнета и колониальной эксплоатации в Туркестане.

IV

РЕВОЛЮЦИЯ В ТУРКЕСТАНЕ.

До февральской революции 1917 года в Туркестане не было мало-мальски широкого революционного движения, за исключением стихийного отклика на революцию 1905 – 1907 г.г. в России, в среде русского пришлого населения. В 1905 – 1907 г.г. было "движение" либерально-чиновничьей интеллигенции, были демонстрации с красными флагами, были солдатские восстания (Ташкент, Асхабад, Кушка), была железнодорожная забастовка, были "дни свободы". Не было одного, – *никакой связи* между движением в среде *национально-привилегированного меньшинства* и жизненными интересами широких масс коренного населения Туркестана. Либеральные адвокаты, инженеры, врачи и чиновники были того мнения, что освободительное движение есть дело только "русского передового общества"; солдатам и рабочим было невдомек, что они живут и борются в царской колонии. В среде последних сочуствием пользовались эс-эры. Для классового интернационального пролетарского движения здесь было слишком мало почвы. Правда, в 1907 г. во II Государственную Думу был избран бывший вице-губернатор Наливкин, приписавшийся к социал-демократической фракции, но не был ли и самый этот факт простым проявлением либерально-чиновничьего желания "сделать обратное" начальству?!

В 1912 г. было солдатское восстание в Троицком лагере около Ташкента, жестоко подавленное.

В мусульманских кругах в 1905 году начинается национально-культурное движение. Уже с конца XIX века в Туркестане появляется Крымская газета "Тарджуман" ("Переводчик"), ратующая за культурное обновление (ее редактором был известный Измаил Гаспринский, умерший в 1914 г.). В 1905 г. и после 1905 г. начинает выходить целый ряд местных газет: "Тарахки" ("Прогресс") под редакцией Габитова (выходила меньше года), "Хуршид" ("Солнце"), ред. Мунавар Кари, журнал "Айна" ("Зеркало"), издававшийся поэтом Бек-Буди (1912 г.), "Садай Туркестан" Убайдуллы Ходжаева, демократическая газета "Юрт" ("Страна"), выпустившая в 1912 г. в Коканде всего 2 номера. Мусульманская интеллигенция, в лице "джадидов" (буквально: сторонников нового метода), выступает с требованием реформы школы, введения новой орфографии,* изгнания арабщины и древне-греческой схоластики из преподавания и развития национальных культур. Ей приходится вести ожесточенную войну с улемой, с мусульманскими книжниками из духовенства, которые объявляют новое движение "изменой исламу", "безбожной" европеизацией и нарушением религиозного закона "шариата". Постепенно это движение оформляется политически как прогрессивно-национальное движение. Оно растет под влиянием татарской и киргизской интеллигенции, где "джадиды" еще и раньше завоевали прочные позации. Узбекская интеллигенция, в силу исторических условий, – крепости средневековой религиозно-культурной традиции в среде узбеков, бывших в старое время насадителями и оплотом ислама в Туркестане, – лишь постепенно и медленно втягивается в это культурно-национальное движение. Тем не менее и она вовлекается в общий поток пробуждающегося мусульманства.

* По старой орфографии *нужно учиться читать 10 – 12 лет!*

Лет за 5, за 6 до революции начинает выходить и на русском языке печатный орган, прогрессивный "Голос Туркестана".

Однако это движение за светскую школу и национальный прогресс, выражающее национальную потребность в буржуазном развитии, слишком слабо, чтобы перевернуть тысячелетний быт. Оно не распространяется дальше интеллигентной верхушки, безграмотный ремесленник-полупролетарий и дехкан не только чужды ему, но ничего о нем не знают.

Таким образом, мы видим, что до революции 1917 г. никакой *революционной* идеологии, связанной с условиями Туркестана, даже никакой *объединяющей* связи в слабых намеках на революционное движение в среде *русского* населения, никакой революционной организации *масс,* никакой революционной *традиции* нет. Между толщей угнетенных наций и русским пришлым населением – непроходимая стена взаимного непонимания на почве национального неравенства.

В революцию 1917 г. Туркестан вступил вполне "первобытно".

Февральская революция пришла сюда по телеграфу. Генерал-губернатор Куропаткин первоначально пустился на провокацию, предложив рабочим формировать бронепоезда "на случай восстания туземцев". Провокация сорвалась. На местах и в Ташкенте пошли аресты сторонников старого режима. В Ташкенте организовался Совет солдатских и рабочих депутатов. Кое-где и в других местах образовались Советы, хотя первенство принадлежало не им, а "Комитетам общественной безопасности", краевой съезд которых происходил в мае. Вскоре, после нескольких черносотенных приказов, из которых особенно прославился приказ о назначении ташкентской думы наполовину из русских, наполовину из мусульман, Куропаткин, пытавшийся остаться прежней главой "военно-гражданской" самодер-

жавной власти в крае, был увезен в Петербург. На место генерал-губернатора был назначен "Комитет временного правительства" из кадет, под председательством Щепкина. Сразу же встал вопрос о "контакте" с Советом. Большевиков здесь не было. На общественной арене подвизались только меньшевики и эс-эры, объединявшие "революционную" обывательщину, но волей-неволей им пришлось играть роль проводников разложения российской державной "государственности". Солдат не хотел больше слушать офицера. Рабочий требовал более решительного введения новых порядков. Продовольственный кризис, необычайно обострившийся в городах благодаря прекращению подвоза хлеба из России,* стучался во все двери. Наряду с Советом создался "Совет общественных организаций г. Ташкента" из черносотенно-офицерских и буржуазно-чиновничьих элементов, поставивший своей задачей поддержание "твердой власти" в крае. По всем городам из подлежащих военной мобилизации туркестанцев организовались шумно-черносотенные "союзы туркестанцев", деятельность которых была одним непрерывным скандалом.

Уже в начале мая "Туркестанский комитет временного правительства", ввиду реорганизации состава временного правительства с одной стороны и наличия трений между комитетом и ташкентским Советом солдатских и рабочих депутатов и Сыр-Дарьинским областным съездом тех же организаций – с другой, признал для себя обязательным просить временное правительство об "освобождении членов туркестанского комитета от исполнения возложенных на них обязанностей".** "Контактная" канитель продолжалась и дальше впредь до сентябрьских событий и даже октябрьских дней. Совет все время не сходил с оборонческо-согла-

---

* До революции в Туркестан ввозилось 4 миллиона пудов хлеба.

** "Туркестанский Курьер", 9 мая 1917 г.

шательской точки зрения. Криками: "Да здравствует Керенский!" пестрят все заседания Совета. О большевиках в Совете все время говорят как об "иностранном продукте", хотя и великодушно стараются простить им "увлечения". С чисто-казенным энтузиазмом Совет голосует за наступление. Образовавшийся позже краевой Совет ведет ту же, с позволения сказать, линию. И все же трещина растет.

Растет и в центре, и на местах.

Совершенно особым путем идет политическое развитие мусульманских масс. Коренным вопросом революции для них, конечно, был вопрос о национальном освобождении. На съезде русских с.-д. в июне была принята весьма туманная резолюция о "культурно-национальной автономии" для Туркестана с той мотивировкой, что до уничтожения капитализма возможно лишь "ослабление (!!) национального гнета", при современных же условиях только культурно-национальная автономия может защитить права "национальных меньшинств (!)"* Еще более расплывчатая резолюция была принята съездом туркестанских эс-эров. Смешно думать, что эти резолюции могли иметь какое-либо влияние на мусульманскую массу! Уже на проходившем одновременно со съездом "комитетов общественной безопасности" первом мусульманском съезде в мае 1917 г., в Ташкенте происходит горячий обмен мнений по вопросу о национальном самоопределении. "Улема" столкнулись с прогрессистами-демократами – Незамеддин Ходжаевым, Турсун Ходжаевым, Мунавар Кари, Нарбутабековым и др. Был поднят вопрос об отношении Туркестана к России. На этом первом съезде прогрессисты еще боятся резко высказаться за отделение: отделение лишило бы прогрессистов поддержки "русского либерального общества" и дало бы полную победу улема. Съезд выбирает "краевой совет мусульманских депутатов", краевой "Шуро Исламия".

---

* "Наша Газета", 6 июля 1917 г.

На местах и в Ташкенте джадиды, представляющие национально-либеральное движение, объединяются, главным образом, вокруг "Шуро Исламия", как общенационального центра. Улема группируется в своем "обществе улема" ("Джемгуриатэ Улема"), которе приобретает, особенно в Ташкенте, большую силу.

Неожиданный для русских соглашателей конфуз получается на выборах в ташкентскую городскую думу. 60 мест получают улема, партия мулл и баев. "Улема" подавляет думу своим большинством и... непосредственностью. Она выставляет истинно-русского царского колонизатора, участника джизакской резни 1916 года, бывшего вице-губернатора Лыкошина своим кандидатом в городские головы. "Улема" совершенно откровенно ориентируется (против мусульманских прогрессистов) на союз с *черносотенными* элементами колониального чиновничества. У "улемы" отсутствует всякое понимание общенациональных, политических интересов мусульманства. Как партия, это – котерия баев и мулл, которые буквально не идут дальше интересов своего объемистого кармана. Когда в одну из комиссий выставляется с.-д. интернационалист Султан-Ходжа, они его цинично отводят, "потому что Султан-Ходжа не *коммерсант, а мастеровой*".*

Следует отметить, что уже в это время кое-где намечаются зародыши мусульманских классовых рабочих организаций. В Ходженте мусульманские рабочие депутаты входят в общий Совет. В Самарканде организуется *"союз трудящихся мусульман"*, "Иттифок". В Коканде организуется несколько позже такой же союз. Там же на выборах в городскую думу выставляется *рабочий список "номер четвертый"* – "туртенчи". Во время агитации за него толпа, натравленная улемистами, убивает нескольких рабочих. Позже этот "номер четвертый" среди мусульманства вооб-

* "Наша Газета", 12 сентября 1917 г.

ще становится синонимом антиклерикальной и социальной революции, "большевизма" и сторонников его вырезают басмачи – наемные бандиты баев и мулл Ферганы. Кроме перечисленных мест, возникает некоторое подобие мусульманского профессинального союза рабочих еще и в Намангане. Однако все это – лишь слабые зачатки. Они беспощадно вытравливаются улемистами и совсем не в силах бороться с "Шуро Исламия", *центрами буржуазно-национальной концентрации мусульманства.* У мусульманской бедноты нет своих вождей, своего голоса, своей печати. "Джадидское" же движение распространяет свои идеи через газету "Улук Туркестан" ("Великий Туркестан", под ред. Бакирова). Широко распространяется и оренбургская газета "Вакт" ("Время"), издаваемая известным Каримовым. Все культурные силы и средства к услугам буржуазной интеллигенции. Пока-

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,

в Семиречье удушение киргиз принимает вопиющие формы и размеры. Туда посылаются представители, комиссии, комиссары. Все тщетно. Кулак, зажиревший на грабеже киргиз и хорошо помнящий 1916 год, *по-своему* пользуется революцией. При первом слухе о том, что дунгане собираются из Китая в Семиречье, начинается *массовый погром киргиз.*

Вот отрывок из доклада пржевальской группы депутатов красному Совету: "Один крестьянин берет себе киргиз в работники, а другой этих работников убивает. Крестьяне группами ездят обирать киргиз, не останавливаясь перед убийствами. В с. Кольцовке есть один дезертир, бывший житель Сазоновки, который заявил, что целью их является вызвать восстание киргиз для того, чтобы их перебить. В с. Григоровке *крестьяне сожгли 5 киргиз, завернув их сна-*

чала в кошмы. 18 апреля около Кольцовки этой же участи подверглись 9 киргиз. Были случаи нападения партий русских на киргиз и в с. Быстрореченской (Пишпекского уезда.)* Мы спрашивали представителей 3 волостей, в числе около 30 человек. Во-первых, *среди киргиз – полный голод:* хлеба у них самих нет, а крестьяне его им не дают. Во-вторых, русские крестьяне и отпускные солдаты *беспощадно грабят и убивают киргиз.* Если бы не российские солдаты, которые стоят здесь на охране, от киргиз осталось бы одно воспоминание. В-третьих, часто киргиз *насильно уводят в работники и заставляют их работать бесплатно".*** – Семиреченский кулак, с первых же дней революции, оценил развал царской государственности с точки зрения всех своих звериных, рабовладельческих и разбойнических инстинктов, которые в нем усиленно укреплялись и развивались царским правительством. И он сразу же воспользовался удобным поводом для того, чтобы повторить 1916 год. От начала революции кулачье стало забирать землю, домашний скарб и даже жен и детей у киргиз, творя над ними чудовищные зверства и жестокости. Роковую роль в этом отношении сыграли слухи о том, что дунгане, бежавшие от погрома 1916 года в Китай, возвращаются в Семиречье. Посланный в Семиречье *комиссар временного правительства Шкапский* фактически *взял на себя руководство этим массовым живодерством*, цинично заявив киргизам, что "ни о каком примирении речи быть не может и киргизы должны быть выселены".***

По поводу семиреченских зверств мусульманскими прогрессистами-демократами (Незамеддин Ходжаевым и др.) 18 августа в Ташкенте была устроена демонстрация протеста. Киргизская интеллигенция несколько раз пыта-

---

* "Наша Газета", 20 июня 1917 г.

** "Наша Газета", 2 июля 1917 г.

*** "Наша Газета", 21 июля 1917 г.

лась провести объединение краевого Совета киргизских депутатов с краевым Советом крестьянских депутатов, чтобы путем "примирения" верхов достичь прекращения зверст на местах. К семиреченским убийцам в слащаво-благожелательном тоне обращалась эс-эровская "бабушка" Брешко-Брешковская с призывом: "дети мои (!), семиреченские крестьяне!" Могло ли все это спасти несчастных мученников империализма?!

Керенский во время приема делегации узбеков в Петербурге, просивших его об отмене запрещения земельных сделок в Туркестане, на старый монархический манер и в истинно-монархических выражениях, заявил о своей верности *старой* политике: "Верю в вашу преданность нашей (!) родине и не верю слухам, что в Туркестане готовятся волнения против России; но предупреждаю, если бы таковые где-нибудь произошли, будут приняты самые суровые меры".* Шкапские и К^0 делали то, о чем говорил российский Бонапарт из либеральных адвокатов.

Между тем в Ташкенте, в новом городе, назревали новые события. 12 сентября в 4 часа дня в Александровском парке в Ташкенте собрался грандиозный митинг железнодорожных рабочих и солдат, который вынес следующую резолюцию: "Обсудив вопрос о создавшемся в Ташкенте остром продовольственном кризисе и рассматривая его в общероссийском размере, вся ташкентская революционная демократия, в лице 1 и 2 Сибирского полков, мелких команд, рабочих Ташкентской и Средне-Азиатской железных дорог и представителей революционной демократии, собравшись 12 сентября на митинге в Александровском парке, считает необходимым заявить, что из создавшегося положения она видит выход:

1) В немедленной реквизиции всех находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости,

---

* "Аудиенция" происходила 24 августа 1917 года.

что может исполнить только местная власть, опирающаяся исключительно на Советы рабоч., солд. и крест. депутатов.

2) В осуществлении полного рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

3) В национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение.

4) В правильном обмене продуктов между деревней и городом с тем, чтобы крестьяне могли получать мануфактуру, городские продукты и сельско-хоз. орудия, а городское население – хлеб.

5) В немедленном переходе всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства.

6) В издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих депутатов, профессион. союзов и фабрично-заводских комитетов.

7) В немедленном издании закона о страховании безработных за счет предпринимателей.

8) Все изложенное может быть осуществлено только при условии немедленной передачи всей полноты власти в руки Советов рабочих, солд. и крест. депутатов.

9) Немедленное образование революционного комитета в Ташкенте из представителей всех органов революционной демократии, который с завтрашнего же дня взял бы всю полноту, произвел бы немедленный учет всех продуктов и взял бы на себя их распределение.

Собрание протестует против действий краевого Совета, который не стоит на защите рабочих и солдат и ведет политику соглашательства с буржуазными партиями и немедленно требует переизбрания, для чего должен быть немедленно созван краевой съезд".*

Если вспомнить, что первый съезд большевиков в Туркестане происходил лишь чуть не год спустя, в июне 1918

---

* "Наша Газета", орган ташкентского Совета, 14 сентября 1917 г.

года, то нужно будет признать, что большевизм появился здесь стихийным путем раньше самих большевиков.

"Гвоздь" резолюции 12 сентября был в "учете и распределении продуктов". Очень показательно, что в резолюции не было ни слова о временном правительстве, ни слова о войне.

14 сентября председателем Комитета временного правительства с.-д., бывшим вице-губернатором Наливкиным, была отправлена в Петербург телеграмма с тенденциозным освещением происшедшего, ссылками на избиение командующего войсками Черкеса и других белогвардейцев, к слову сказать, пытавшихся арестовать новый Ревком, избранный ташкентским Советом, и просьбой о назначении нового командующего войсками из Петербурга.

16 сентября белогвардейцами была повторена попытка "восстановить порядок". "Писаря разных штабов и управлений оказались вдруг вооруженными вместо перьев ружьями и собрались у помещения воинского начальника; юнкера школы прапорщиков, сняв охрану артиллерийского склада, взломали сараи, где хранилось оружие и патроны, и вооружились".* Но вовремя встала под ружье и другая сторона. "Стараниями представителей революционной демократии кровопролитие было избегнуто". Краевой совет сбежал от рабочих и солдат в Скобелев и там развил кипучую провокационную деятельность, – после того, как ему не удалось в Ташкенте с помощью Черкеса посадить под замок Ревком.

Уже 16 сентября Керенский телеграфировал из Петербурга: "Преступная попытка ташкентского Совета расшатать на далекой окраине власть республиканского (!) правительства является явно контр-революционной (!!)... Высылаются войска и пулеметы".** Либердановский Ц.И.К.

---

* "Наша Газета", 19 сентября.

** Телеграмма П.Т.А. от 16 сент. из Петербурга.

Советов подкрепил эту бонапартовскую угрозу плаксивым заявлением со своей стороны о том, что "всякие насильственные и незакономерные выступления против органов революционной демократии и лиц командного состава, в особенности (!) против избранных Советами и утвержденных временным правительством, без различия лозунгов (?!!), под коими такие выступления происходят, разрушают необходимую революционную дисциплину, разрывают единореволюционный (!) фронт".*

У Ревкома и Совета совсем не было необходимой решительности и уверенности. Захват власти и назначение своего командующего войсками поручика Перфильева (при комиссаре "с.-д. интернационалисте" Вайнштейне) как-будто произошли по недоразумению! Со стороны соглашателей это был бунт на коленях. Помимо своей воли часть их была "увлечена стихией".

19 сентября "Центральным Комитетом Совдеп.", "членом Ц.И.К. Советов солдатских депутатов" Першиным, Центральным Бюро профсоюзов Ташкента и комитетами с.-р., с.-д., "Бунда", латышской с.-д. партии была послана телеграмма с несмелым требованием "немедленного задержания карательной экспедиции, ограждения (?) от посягательства Совета солдатских и рабочих депутатов и поддерживающих его граждан, рабочих и воинских частей, прибытие представителей революционной демократии и учреждения следственной комиссии".** Люди захватили власть, а потом стали просить "следственной комиссии" по поводу захвата ими власти! Одно из анекдотических происшествий эпохи керенщины!

Было уже поздно: генерал Коровниченко с броневиками ехал. Рабочие и солдаты были фактически брошены на произвол судьбы "революционными" обывателями.

---

* "Наша Газета", 20 сент.

** "Наша Газета", 20 сент.

29 сентября в газетах уже появилось объявление "генерального* комиссара и командующего войсками Туркестанского военного округа" генерала Коровниченко о свирепой расправе с "мятежниками". Контр-революционный юнкерско-чиновничий сброд Ташкента мог приветствовать пришествие твердой власти в виде генеральских броневиков. Тем не менее, Коровниченко пустил в ход свои броневики не сразу, а лишь только через месяц после их прибытия. Пока он пользовался ими только как "моральной силой".

Черносотенно-чиновничий "Туркестанский Курьер", вылупившийся из генерал-губернаторских "Туркестанских Ведомостей", очень хорошо определил ту роль, которая возлагалась российской буржуазией на "революционную демократию", на соглашателей в Туркестане. "На *Советы солд., раб. и кр. деп.*, – писал он за неделю до сентябрьских событий, – *выпадает та роль, которая при прежнем режиме лежала на русских пушках.* Формально революционный рабочий, солдат и крестьянин заменяет прежнего русского "Сарбаза" (царского солдата)"** Советы должны были поддержать тот "авторитет" – в материальном смысле слова "авторитет"! – русской колониальной администрации, который раньше держался палочной дисциплиной в русской оккупационной армии в Туркестане. Им "надлежало" *поддерживать "гражданский мир" в среде русского пришлого населения для сохранения русского колониального господства в Туркестане.* Старые методы воздействия на русскую рабочую и солдатскую массу были уже непригодны. Нужно было говорить "революционные" речи в пользу империалистического наступления, чтобы держать солдат в повиновении офицерам; прославлять "демократию", чтобы не было "самочинного" вмешательства в действия властей пре-

---

* От слова "генерал"!

** "Турк. Курьер", 5 сент. 1917 г.

держащих; назначать политических покойников с революционным прошлым, чтобы был порядок* и т. д., и т. п.

Однако это оказалось невозможным. В бывшей царской колонии разложение устоев буржуазно-помещичьего, полицейского режима прошло даже гораздо быстрее, чем в метрополии. Прежде всего личный состав колониальной бюрократии, сколоченной из отбросов чиновничьего мира, оказался малопригодным для того, чтобы соглашательские присяжные поверенные могли с ним заключить "коалицию". Этим и объясняются постоянные столкновения покорно-соглашательских Советов с военным и гражданским начальством. Во-вторых, "сдерживающих центров", в виде буржуазных и мелкобуржуазных организаций, здесь было несравненно меньше, чем в России. Наконец, "последнее по счету, но не по значению" – для солдатских и рабочих масс здесь *не было реального, практического смысла в сохранении внутреннего, гражданского мира и "национального единения" во имя спасения русского колониального господства.* "Самодемобилизующийся" солдат или впоследствии "красногвардеец" самочинным путем здесь мог захватить *больше* жизненных благ у местного населения, чем могла ему обещать колониальная администрация, пытавшаяся все же "не терять контакта" с имущими верхами мусульманства, с улемой и баями. О русском переселенце не приходится даже и говорить: начиная с февральской революции, он стал хозяйничать в кишлаках и аулах, как в своем собственном кармане. Если где и можно говорить о "солдатско-потребительском коммунизме", так это именно здесь, в царской колонии. Чем больше рос продовольственный кризис в новых городах, вызванный особыми условиями снабжения Туркестана хлебом (из России), чем больше росло *революционное* недовольство рабочих и солдатских масс,

* Шлиссельбуржец Иванов, член фракции с.-д. II Думы Наливкин и т. д.

тем больше этот стихийный "чернопередельский", "солдатско-потребительский коммунизм" вступал в свои права. *Русское национально-привилегированное меньшинство десятками лет здесь воспитывалось в сознании своего национального превосходства, в обстановке колониального грабежа и разбоя. Убеждение, что у "туземца" можно брать силой все, что потребуется, здесь получило прочность "обычно-правового" предрассудка.* Все знали, как в конце прошлого века, после восстания в Андижане, непокорные кишлаки были снесены и на их месте оказались пашни русских переселенцев. У всех в памяти 1916 год. Ни для кого не была тайной переселенческая политика русского правительства. Неиезбежно было, что и *русская* революция в Туркестане сразу же приобрела этот роковой *колонизаторский* уклон. Немногочисленный русский рабочий класс Туркестана , сам занимавший привилегированное положение в производстве, без вождей, без программы, без революционнной традиции, не мог противостоять этому напору националистической, хищнической, мелкобуржуазной стихии. Не мог противопоставить своей железной революционной воли аппетитам "самодемобилизующегося" солдата старой армии, русского переселенца и мелкого чиновника, обывателя нового города. *Он сам плыл по течению событий в искренних поисках лучшего будущего.*

В сентябре 1917 года противоположность между революционными стремлениями русского национально-привилегированного меньшинства в лице рабочих и солдатских масс и национально-освободительными стремлениями мусульманской буржуазии и буржуазной интеллигенции уже вполне явно выплыла на поверхность. *Одним нужны были хлеб и свобода, хотя бы за счет старого города и кишлака. Другим как хлеб нужна была национальная свобода.*

В конце сентября в Ташкенте происходил чрезвычайный мусульманский съезд, второй по счету.* Одна из весь-

* Первый был в мае. На нем было очень неполное представительство.

ма симптоматических его резолюций гласила: "Выслушав делегатов с мест и находя, что в некоторых местах, благодаря вмешательству представителей Совета солдатских и рабочих депутатов, родовой вражды среди киргизского населения и зловредной агитации отдельных лиц, создается среди мусульманского населения партийная борьба за власть недопустимыми способами, как-то – подкупом, избиением, вымогательством и др. Первый краевой чрезвычайный общемусульманский съезд и совещание крестьянских делегатов с Исполнительным Комитетом краевого Совета крестьянских депутатов считают нужным указать: на принципиальную недопустимость незаконного вмешательства чуждых и незнакомых с бытом и условиями жизни местного населения организацией всякого рода в дело организации и деятельность местных административных органов (аул, волость, участок, уезд); на абсолютную вредность насилий, родовой, партийной вражды, питающей злостную агитацию со стороны безответственных лиц; признать необходимым обратиться к населению края с воззванием о сохранении на местах порядка, призвать граждан к дружной и солидарной работе по организации и просить туркестанский Комитет временного правительства принять срочные меры к введению *земского* самоуправления в крае и подготовке населения к предстоящим выборам в Учредительное Собрание".*

"Тон делает музыку", и тон этой резолюции ясно говорит, что она была направлена не только против семиреченского переселенца, засевшего во многие Советы, но и против Советов вообще. Этим же съездом была выражена уверенность в том, что "представитель временного правительства Российской республики (Коровниченко!) будет сто-

---

* "Туркестанский Курьер", 8 октября 1917 г.

ять на страже революционного порядка". Характерно, что им же, на *конспиративном* заседании, было вынесено постановление об автономии Туркестана. В этом постановлении говорилось: 1) "Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская и Закаспийская области должны войти в состав Российской республики в качестве *отдельной территориально-автономной федерации, организованной на началах национально-культурного самоопределения* всех народностей, * населяющих эти области, под наименованием "Туркестанской Федеративной Республики". Ввиду отсутствия на съезде представителей Семиреченской области, ** съезд не решая вопроса о будущем устройстве Семиречья, лишь высказал пожелание о включении ее в состав туркестанской федерации. Представители от Уральской и Тургайской областей заявили о своем желании, чтобы эти области вошли в состав туркестанской федерации. 2) "Законодательная власть по вопросам внутреннего управления туркестанской федерацией и самоуправление ею, – говорилось дальше в резолюции, – принадлежит туркестанскому парламенту, избираемому на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования сроком на 5 лет, с обязательно пропорциональным представительством в нем всех народностей, населяющих Туркестанский край. Законодательные функции туркестанского парламента должны быть точно *согласованы с основными законами Российской республики и с требованиями шариата...* 3) Туркестанская федерация имеет в *г. Ташкенте свой сенат* под наименованием

---

* Очень поучительно для Реннеров и Бауэров, сторонников национально-культурной автономии, что реакционнейшие улемисты, представители средневекового, духовного порабощения масс, на этом съезде голосовали за национально-культурную автономию!

** Были случаи, когда киргиз, ехавших жаловаться только "Комитету временного правительства", по дороге убивали семиреченские кулаки.

"Махкама-и-Шарьия" (палата законов), которому присваиваются право опубликования и разъяснения законов и требований шариата (в отношении мусульманского населения), надзора за всеми правительственными учреждениями и лицами и правильным выполнением суда всеми судебными учреждениями и лицами. Ему же принадлежит право высшего судебного учреждения туркестанской федерации. 4) Председатель сената ("Махкама-и-Шарьия") именуется *"шейх-уль-ислам"* (генерал-прокурор) и является высшим блюстителем законов туркестанской федерации".*

Эта резолюция была продуктом компромисса между улемистами и прогрессистами. Именно поэтому над нижней палатой – "туркестанским парламентом" была поставлена верхняя – "Махкама-и-Шарьия", над конституционным парламентом был поставлен традиционный теократический совет высшего духовенства во главе с "шейх-уль-исламом", хранителем "древнего благочестия". Самое нахождение "Махкама-и-Шарьия" в Ташкенте вполне соответствовало видам "Улема", имевшей здесь свой главный центр. Однако *до октябрьского переворота* идея полного отделения от России не была популярна. "Улема" искала поддержки у черносотенных колониальных деятелей из Остроумовской шайки, "джадиды", связанные через "своего кумира", члена II Государственной Думы Максудова, с Комитетом временного правительства, у Наливкиных, Дорреров и К°. Тот же чрезвычайный съезд выставил требование, чтобы "не менее половины общего числа членов туркестанского Комитета временного правительства было представлено представителями от туземного мусульманского населения, и чтобы должности областного комиссара или его помощника и участкового комиссара или его помощника были представлены представителями от туземного мусульманского населения".** Таким образом мыслился определен-

* "Туркестанский Курьер", 11 ноября 1917 г.

** "Туркестанский Вестник", 14 ноября 1917 г.

ный *раздел власти между мусульманской буржуазией и улема, с одной стороны, и российской великодержавной буржуазией, с другой.* "Трукестанский парламент" и "палата законов" должны были быть соединены, по крайней мере, временно, с русской колониальной администрацией. Особо предусматривалось, что краевой "Шуро Исламия" входит в полном составе в совещание при туркестанском Комитете временного правительства и в "Махкама-и-Шарьия" с совещательным голосом. Предполагалось взять "тихой сапой" русский империализм и для этого предлагалось "все существующие в крае мусульманские организации объединить в одну политическую партию под наименованием *"Иттифак-уль-Муслимин"* (соглашение мусульман), программа которой должна соответствовать всем резолюциям настоящего краевого съезда, и в основу которой должны быть положены принципы устроения жизни мусульман Туркестанского края на началах шариата".*

Отсюда видно, что сентябрьский съезд был попыткой создания общемусульманского "национального" блока под лозунгами автономии и шариата – *"Джадиды" уступили улемистам даже школу.*

Положение русского империализма в Туркестане было уже поколеблено. Была поколеблена и вера в его несокрушимость. Съезд высказался за скорейшую отмену всех твердых цен, отмену права реквизиции продуктов, а также и права монополий. Было постановлено прекратить посевы американского хлопка, сократившиеся в 1917 г. на 50 % и сеять исключительно хлеб. Мусульманская буржуазия отказывалась оставлять Туркестан прежней хлопковой плантацией российского капитала.

Пока в мусульманской среде шел медленный процесс самоопределения, революционный кризис в Ташкенте нарастал. С первого же дня своего приезда в Ташкент, Коровни-

---

* "Наша Газета", 8 ноября 1917 г.

ченко начал действовать по выработанному в Петербурге шаблону. Сначала был отдан приказ о роспуске солдат-семиреченцев по домам, затем об отправке остальной части гарнизона на фронт. Члены ташкентского Совета были привлечены по 100-й статье царского уложения за "бунт против Верховной власти". Под этим "бунтом" разумелось участие в сентябрьских событиях. В ночь с 18 ноября на 19 октября была разружена и арестована крепостная рота, причем броневиками был открыт "для острастки" пулеметный огонь. "Еще ранее, – как передает орган Совета "Наша Газета", – когда члены краевого Совета вели переговоры с генералом и всячески старались наладить отношения и создать тот контакт (!!?) с властью, к которому стремился ташкентский Совет, но от которого упорно уклонялся генерал, давая всякие подписки и обещания с тем, чтобы все это самым беззастенчивым образом нарушить, генерал стучал кулаком по столу и кричал: *Кровью залью Ташкент, но на своем поставлю!"**

Краевой Совет действительно, всячески старался избежать "бремени власти". 28 октября, то есть как раз тогда, когда Коровниченко уже начал кровавую баню, предварительно арестовав 2 членов краевого Совета, эти рыцари печального образа, желавшие жить в мире и согласии с черносотенными генералами, снова подтвердили свое, с позволения сказать, решение. Вот выписка из журнала заседаний туркестанского краевого совета солдатских и рабочих депутатов: "28 октября 1917 года. №80 (журнала) председательствовал т. Левин. Присутствовали т.т. Калугин, Бич-Брудневский, Николаенко и Мелешко, при секретаре Вышетравском.

Слушали: Отношение к текущему моменту по вопросу о переходе власти Советам.

Постановили: 1) Обсудив создавшееся общеполитичес-

* "Наша Газета", 8 ноября 1917 г.

кое положение в стране, мы, присутствующие на сем заседании члены Краевого Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, высказываемся *против перехода власти Советам,* а тем более (!!) в руки большевиков, *и считаем, что* власть до созыва Учредительного Собрания должна оставаться *в руках Временного Правительства как в центре, так и в Туркестане.*

Слушали: Отношение Краса к генералу Коровниченко и Туркомитету.

Постановили: 2) Относясь отрицательно к поведению представителей Временного Правительства генералу Коровниченко, Дорреру и Шендрикову, проводивших все время с момента прибытия в Ташкент политику зигзагов (!), выражавшуюся в неоднократном нарушении данных обещаний; кроме того, в том, что генерал Коровниченко в проведении своей политики совершенно игнорировал мнение и интересы (!) представителей революционной демократии в лице Краевого Совета, выступал публично даже с бранными словами (!) по адресу товарищей – солдат и рабочих и способствовал поселению розни между европейским и туземным населением, а также принимая во внимание вынесенное в прошлом недоверие некоторым (!) демократическими организациями Дорреру и Шендрикову, – Краевой Совет выражает всем вышеназванным лицам недоверие (!!) и считает их дальнейшее пребывание у власти недопустимым.

Слушали: Об организации Краевого Совета.

Постановили: Принимая во внимание, что деятельность генерального комиссара и Туркестанского Комитета восстановила против себя демократические организации и внесла возбуждение (!) в широкие демократические массы, повлекшее за собой отказ от повиновения и последовавшее за сим (!!) открытое выступление рабочих и солдат, а также принимая во внимание, что закончившийся 26 сего месяца 2-й крестьянский краевой съезд (русский), протестуя против действий генерала Коровниченко, Дорре-

ра и Шендрикова, выражая им недоверие, требует их немедленного удаления, ввиду создавшегося грозного положения, Краевой Совет Солдатских и Рабочих Депутатов *предлагает Временному Правительству* (!) о немедленном удалении Туркомитета в лице Коровниченко, Доррера и Шендрикова и о *передаче временно власти в руки демократических краевых организаций,* впредь до установления новой власти.

Виду же происходящих сейчас в Ташкенте событий, предложить (!!!) генеральному комиссару немедленно прекратить нападение и расстрел войсковых частей. Если последнее не будет выполнено (!), Краевой Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов берет на себя (!!) организацию временной краевой власти, впредь до ответа на посланную телеграмму Временному Правительству ("Умри, Денис, лучше не напишешь!").

Слушали: О самостоятельном существовании Краевого Совета.

Постановили: Краевой Совет существует и продолжает существовать на основах, выработанных съездом. Телеграфно сообщить областным Советам о присылке в 3-дневный срок всех недостающих членов Краевого Совета, указав, что в противном случае возникнет вопрос (!) о сложении полномочий (!!) и ответственности за последствия (!!!).

Председатель (подпись). Секретарь (подпись)".*

Мы не пожалели места специально для того, чтобы дать фотографию того, что представляли туркестанские Советы во главе с краевым в исторические октябрьские дни. Когда на улице трещали пулеметы, господа из "Краса", трусливые и безграмотные обыватели, с истинно-канцелярским усердием "слушали и постановляли", протестовали против перехода власти Советам и выражали недоверие Коровниченко, посылали телеграмму разогнанному в Петербурге времен-

* "Наша Газета", 10 ноября 1917 г.

ному правительству и грозились организовать "впредь до ответа на посланную телеграмму" свою власть, в то же время собираясь сложить полномочия... за отсутствием кворума!

Можно ли сказать об этих обывательских ничтожествах что-нибудь больше того, что они сами сказали о себе?!

Коровниченко, однако, *действовал.* В ночь с 27 на 28 октября Коровниченко, окружив "Дом свободы" казаками, броневиками и юнкерами, арестовал 5 членов ташкентского исполкома и 2 членов краевого Совета, в том числе т. Казакова, будущего председателя "колонизаторского" Турцика, и пресловутого доктора Успенского, как потом оказалось, перекочевавшего сначала к эс-эрам, а потом и к коммунистам... прямехонько от "Союза Михаила Архангела". Увы! Более видных представителей революционных масс не было.

Затем был разоружен 2-й Сибирский полк, окруженный во время сна. Покончив со 2-м полком, юнкера и казаки с броневиками отправились к 1-му Сибирскому полку, но по ошибке подняли стрельбу против своих казачьих казарм, вследствие чего 1-й полк проснулся и встретил их с оружием в руках. К 1-му полку пришли на помощь рабочие ташкентских железнодорожных мастерских, этой действительной цитадели революции. Борьба завязалась жестокая и тут и рабочие, и солдаты проявили настоящие чудеса революционного героизма. Ловким маневром у белых был взят броневик и их оттеснили в крепость. Коровниченко вооружил против солдат и рабочих всех, кого только мог, – писарей, злобствующую обывательщину и даже гимназистов, но пушки, с которыми сначала рабочие не умели обращаться, решили дело. Угроза взлететь на воздух, вместе с артиллерийским складом и пороховыми погребами, подействовала. Белогвардейцы сдались на милость победителя. Удрал лишь один член Комитета временного правительства, "с.-д." корниловец Шендриков, чтобы потом, сов-

местно со Шкапским в Семиречье устроить контр-революционную кашу вне Ташкента. 1 ноября бой кончился и победа осталась за революционными рабочими и солдатами. 2 ноября выступил на сцену почтенный "Крас". Приводим опять протокол его заседания 2 ноября 1917 года. В 12 часов ночи (!) № 83. Присутствовали: председатель Успенский, члены: Мелешко, Калугин, поручик Перфильев, Казаков, Левин, Подпалов, Погребов, при секретаре Вышетавском.

Слушали: 1) О переходе власти к Совету.

Постановили: Отказываясь взять единолично власть в свои руки (!), Краевой Совет предлагает впредь до созыва съезда организовать временный Краевой Туркестанский Исполнительный Комитет из 9 лиц: три – от Краса, два – от Краевого Совета Крестьянских Депутатов, один – от Краевого Совета Киргизских Депутатов, один – от Краевого Совета Мусульманских Депутатов, один – от Краевого Комитета партии с.-р., один – от Центрального Бюро партии с.-д. и при нем Краевое совещание, состоящее из представителей всех краевых организаций, думы и Исполнительного Комитета Ташкентского Совета Р. и С. Депутатов".* Об авторитетности и устойчивости этой новой "власти", которая совсем не была и не хотела быть властью, говорить, конечно, не приходилось. Но благодаря октябрьской победе, рабочие и солдаты избавились от террора генеральских броневиков и пулеметов. Через две недели собрался 3-й Туркестанский съезд Советов. "Казусность" положения заключалась в том, что нужно было организовать власть; никто кроме непосредственных победителей сорганизовать ее не мог, а они не имели своей организации и на съезде были представлены случайно, отнюдь не будучи большинством его. Когда дело подошло к вопросу об организации власти, председатель съезда улемистов, организа-

* "Наша Газета", 10 ноября 1917 г.

тор ташкентской улема, Лапин, от имени этого съезда, происходившего во время октябрьских событий, предложил организовать "Туркестанский Исполнительный Комитет" в составе следующих представителей 3 – от Советов, 3 – от городских самоуправоений, 6 – от "краевого съезда мусульман", то есть от улемистов. Кроме того, в дополнение, должен был быть создан контролирующий орган – "Ташкентский Краевой Совет", перед которым бы "Исполнительный Комитет" был ответственен. Его предполагалось составить таким образом: 5 – от краевого съезда Советов С. и Р. Д., 5 – от краевого съезда городских самоуправлений, 10 – от съезда улемистов. Поясняя резолюцию съезда улемистов, Лапин заявил, что "основываясь на принципе самоопределения, мусульманство могло бы потребовать себе *всей власти*, но оно делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти".* Решительность этого заявления объясняется тем, что октябрьские события, выдвинувшие вперед Советы, на мусульманскую массу произвели самое угнетающее впечатление: с Советами она имела меньше всего "контакта". С крушением власти российского империализма в Петербурге и низвержением Коровниченко в Ташкенте, мусульманская торгово-ростовщическая буржуазия, духовенство и прогрессивная интеллигенция не были уже больше заинтересованы в сохранении связи с Россией. С одной стороны, рухнули всякие надежды на возможность уступок со стороны временного правительства, с другой стороны, и классовые привилегии и национальный быт оказались под непосредственной угрозой "большевистской" стихии. Улемисты предложили коалицию для того, чтобы, пользуясь октябрьским переворотом, увеличить свой национальный вес. При этом они, разумеется, прекрасно учитывали, что русский городской обыватель *теперь* будет на их стороне, поскольку он

* "Наша Газета", 23 ноября 1917 г.

потерял *надежду на твердую власть из центра.* Обстановка была именно такова. Царские колониальные чиновники и наемные писаки при первых же признаках грядущей большевистской грозы в Туркестане стали кричать против "русских империалистических войск", которые давят на волю населения через Советы, против "социал-шовинизма", "попрания права на национальное самоопределение" и т. п. В их устах все это имело чрезвычайно подозрительный смысл. В октябрьские дни эта *черносотенная империалистическая демагогия* нашла практическое применение, когда Коровниченко послал в старый город грузовики с оружием для раздачи. Увы! Самобытные ташкентские большевики этой демагогии отбросов колониального режима *не могли* противопоставить своей *интернациональной* точки зрения. Они слепо лезли в капкан, расставленный для революционных рабочих и солдат черной сотней. Тогда как Дорреры* и Лыкошины снюхивались и с "улема", и с прогрессистами, немногочисленные русские революционные элементы ни одним словом не попытались привлечь к себе мусульманскую бедноту и наиболее радикальную часть мусульманской прогрессивной интеллигенции, не говоря уже о "джадидах" вообще.

Ответом на предложение улемистов третьему съезду Советов была нелепая по своей безграмотности "декларация объединенной (?!) фракции большевиков и максималистов", оглашенная в заседании 19 ноября Тоболиным. Вот ее полный текст: "Признавая существующую центральную власть и форму ее организации, объединенная фракция большевиков и максималистов считает высшим краевым органом Краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который отныне именуется (??) Советом Народных Комиссаров Туркестанского края (?!). Вместе с тем фракция считает необходимым разъяснить (!), что ею

* Помощник Коровниченко "по гражданской части".

отнюдь не устраняются (?!!) от участия в активной работе широкие слои населения, так как (!) каждый из народных комиссаров, стоящих во главе той или иной отрасли жизни края, будет иметь руководящее значение каждый в сфере своей деятельности, проводниками (!) же в жизнь выставляемых всем Советом Народных Комиссаров (!!) принципов явятся те съезды представителей с мест, *не исключая и мусульман* (!!!), которые будут периодически созываться тем или иным народным комиссаром по вопросам той или иной сферы хозяйственной или государственной жизни края, а также и те организации, которые созданы в настоящее время на местах.

Таким образом, ни местное туземное население, ни местные интеллигентные силы (?!) не устраняются от активной работы по улучшению быта и жизни края, а наоборот (!), привлекаются к этой работе.

Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти С.С.,Р. и К.Д., так и ввиду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций , представительство которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы.

Включение в орган высшей краевой власти представительства оборонческих групп фракция считает недопустимым, так как они активно боролись, отстаивая власть временного правительства, изменившего революционной демократии.

При таковой организации власти края, как представляет себе фракция, каждый народный комиссар является ответственным перед всем Советом Народных Комиссаров, а Совет – перед съездами С.С., Р. и К.Д., созываемыми каждые 2 месяца (!) Советом Народных Комиссаров".*

---

* "Наша Газета", 23 ноября 1917 г.

Благодаря блоку с "левыми эс-эрами", эта резолюция – "декларация" была принята 97 голосами при 17 воздержавшихся и был избран *Совнарком из 7 большевиков и 8 левых эс-эров.*

"Парламентская" победа была одержана, но в то же время – политически – был закреплен *колонизаторский* характер новой Советской власти в Туркестане. Вместо того, чтобы завоевывать самим доверие трудящихся масс угнетенных национальностей, новая власть предложила угнетенным национальностям завоевывать ее доверие! Партия большевиков здесь не руководила событиями. Ее не было. Только одиночки-большевики оказались вынесенными на гребень революционной волны. Партия же стала организовываться лишь после октябрьской революции. Как это ни парадоксально, в *Туркестане не партия большевиков создала Советскую власть, а Советская власть, необходимость утверждения власти Советов создала здесь партии большевиков и левых эс-эров.* Неизбежным следствием этого явилось то, что партии большевиков и левых эс-эров, с первых же дней, сделались пристанищем значительного количества авантюристов, карьеристов и просто уголовных элементов. Характерно, что здесь "большевики" официально не именовали себя иначе, как "правительственной партией большевиков". С другой стороны, принадлежность к промышленному пролетариату в царской колонии была *национальной привилегией русских.* Поэтому и пролетарская диктатура здесь с первых же шагов приняла *типично-колонизаторскую* внешность: русский рабочий взял на себя "управление народами Туркестана". Поскольку он был не организован, не имел своей классовой программы, выработанной революционной практикой, не имел революционной традиции, он неизбежно должен был принять сотрудничество многих "бывших людей", которые своей политической "оборотливостью" могли доказать свое право на руководство.* *Со-*

* Пример: Успенский, первый комиссар здавоохранения и лидер левых с-р.

циального размаха колониальной революции, ограниченной в своих интересах, и в своих рессурсах новым городом, казармой и железной дорогой, не мог изменить революционный героизм отдельных отрядов русского рабочего класса Туркестана.

Так или иначе, через неделю после третьего краевого съезда Советов, 26 ноября 1917 года, в Коканде, самом крупном капиталистическом центре мусульманского Туркестана, собрался – четвертый по счету* – общемусульманский съезд, созванный краевым Шуро-Исламия во главе с Чокаевым. 27 ноября, в 12 часов ночи, была вынесена резолюция об автономии Туркестана. Она гласила: 4-й чрезвычайный общемусульманский краевой съезд, выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоопределению на началах, возвещенных великой российской революцией, объявляет Туркестан территориально-автономным в единении с федеративной *демократической* Российской республикой, предоставляя установление форм автономии туркестанскому Учредительному Собранию, которое должно быть созвано в кратчайший срок, и торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охранены."** Воздержались от голосования резолюции только двое, из которых один был представитель ташкентской улема. Вслед затем было избрано временное правительство "автономного Туркестана" ("Туркестани Мухториат") в составе б. члена 2-й Государственной Думы, инженера Танышбаева – "министра-председателя и министра внутренних дел".*** присяжного поверенного Шаги-Ахметова – его заместителя, "управляющего отделом внешних сношений" Чокаева,**** агронома Агаева – "ми-

* 1-й был в мае, 2-й в сентябре, 3-й (улемистов) в октябре.

** "Турк. Вестник", 1 декабря 1917 г.

*** Член Турк. Комитета врем. правительства.

**** Председатель краевого Шуро-Исламия, член Туркомитета вр. прав.

нистра продовольствия", присяжного поверенного Уразаева – "тов. министра внутренних дел" и присяжного поверенного Герцфельда, "министра финансов". Временная форма организации власти была принята в таком виде: "Правительственная власть впредь до созыва туркестанского Учредительного Собрания сосредоточивается в руках "туркестанского временного Совета" и "туркестанского народного правления". 1) Туркестанский Временный Совет составляется: по числу представителей Туркестана во Всероссийском Учредительном Собрании (!) из 32 человек, избранных настоящим съездом по следующему расчету: Ферганская область – 10 ч., Сыр-Дарьинская область – 9 чел., Самаркандская область – 5 чел., Семиреченская область – 6 челов. и Закаспийская область – 2 челов., 2) 4 представителя от съезда городских самоуправлений, 3) 18 представителей, по 1 человеку от различных европейских краевых демократических, политических, профессиональных, общественных и иных организаций; предоставление мест производится по усмотрению Совета в его *первоначальном* составе (36 человек).* "Автономное правительство" в Коканде организовалось *в противовес* Совнаркому в Ташкенте. Активная роль в нем принадлежала, как это ни странно, *киргизской интеллигенции.* Понятно, почему она примкнула к *антисоветскому* автономистскому движению. "Общий ход истории оказался гораздо сильнее, чем тот национальный антагонизм, который существовал между различными народностями Туркестана. Киргизская интеллигенция, вышедшая из той массы кочевников, которая смотрела на земледельческое узбекское и торгово-ремесленное население городов, как на исконных наследственных врагов своих, пошла на услужение к мусульманской ** буржуазии. Попытки, которые делались мусульманской** интеллиген-

---

* "Туркестанский Вестник", 1 декабря 1917 г.

** Узбекско-сартской.

цией для примирения экономически непримиримых элементов, путем ссылки на авторитет объединяющего всех ислама, на общее происхождение тюркских народностей, кончились полной неудачей и только "автономное движение" на один момент могло все же сплотить эти элементы. Нужно полагать, что если автономное движение давало надежду городской туземной буржуазии расправить свои крылья, с одной стороны, то, с другой, обезземеленные и пролетаризованные массы кочевников или, вернее, их представители надеялись дать отпор переселенческому засилью, опираясь на автономное движение. Только этим и объясняется то странное обстоятельство, что городская мусульманская* буржуазия, интересы которой по существу были противоположны интересам кочевников, нашла в киргизской интеллигенции, настроенной довольно националистически, своих представителей и верных руководителей. Этим же объясняется то, что киргизская печать,** которая в первые дни "автономии" молчала, а иногда и пела гимны в ее честь, после ее крушения окрестила свою интеллигенцию титулом "изменников".***

Была и другая причина, почему киргизская интеллигенция заняла руководящее положение в автономистском движении. Улема не принимала в нем организованного участия. Центром влияния улемистов был Ташкент и ташкентские улемисты были против объявления автономии в Коканде. Поскольку после октябрьских событий руководство автономистским антисоветским движением сосредоточилось, главным образом, в руках прогрессивной интеллигенции, выражавшей волю нации к *буржуазному* самоопре-

---

* Узбекско-сартская.

** Киргизская газета выходила под названием "Брлык Туэ", редак. Ходжановым, будущим коммунистом.

*** Статья тов. Тюрякулова (недописанная о "Кокандской автономии" в сб. "Три года Советск. власти", Ташкент 1920 г.

делению, постольку неизбежно было выступление на первый план киргизской интеллигенции, наиболее свободной от связи с реакционно-феодальной "улемой".

К антисоветскому автономистскому движению был привлечен русский обыватель – "интеллигент", злобствующий на революцию. Он получил представительство в "автономном правительстве". Более того – это "автономное правительство" сделалось для него центром организации антибольшевистских сил. Присяжные поверенные при хлопчатобумажных фирмах, писаки из "Туркестанского Курьера", "либеральные" инженеры и бывшие царские чиновники воспользовались создавшимся положением, чтобы с помощью буржуазно-национального движения мусульманской буржуазии и интеллигенции спасти привилегии, свое "положение в обществе". Кокандское "правительство" должно было *стать* правительством. Пока оно еще не имело ни войска, ни казны, ни власти. Кокандский съезд, наряду с другими резолюциями, вынужден был принять резолюцию о "неприкосновенности народных представителей Туркестана".

Раз нельзя было искать союзников и защитников в Петербурге и Москве, приходилось их искать на юге. И вот съезд постановляет вступить в черносотенный, калединский *"Юго-Восточный Союз* казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей". Вступление мотивировалось тем, что только из "стран" "Юго-Восточного Союза" Туркестан сможет удовлетворить свою нужду в хлебе. Однако, "умысел иной тут был": российская контр-революция, в лице остатков колониальной бюрократии, толкала мусульманскую буржуазию все дальше на путь борьбы с Советами. – "Свободный Туркестан" – газета, купленная кокандским правительством, – откровенно писал: "Если русская буржуазия в настоящее время стоит за ее автономию, то вовсе не потому, что ей улыбается автономия как таковая, а потому , что с осуществлением ее кончается господ-

ство ненавистных ей большевиков в крае. Вообще в Туркестане произошла перемена ролей: *демократия – против автономии и за насильственное внедрение социализма, буржуазия – за автономию".** Для осуществления контр-революционной "автономии звали и поджидали казаков.

На 13 декабря – день рождения Магомета – было назначено торжественное объявление автономии в Ташкенте и манифестация. К этому времени работа русских белогвардейцев достигла высших пределов. Лозунг: *"Долой правительство смазчиков! Да здравствует автономия!"* – переходил из торгово-промышленного общества в грузинское землячество, к "украинцам", оттуда в союз приказчиков, из союза приказчиков на почту, к учителям, офицерству и т. д. Все надеялись "урвать свое" от большевиков. Тщетно Совнарком пытался укротить страсти обещанием созыва туркестанского Учредительного Собрания, "которое одно правомочно (!), провозгласить автономию Туркестанского края". Хотя манифестация в русском городе и была запрещена, она прошла туда и толпа раззадоренных чинушей освободила из тюрьмы героя октябрьской бойни Доррера и генерала Кияшко, в царское время орудовавшего в военно-полевых судах. В результате столкновения, спровоцированного белогвардейцами, на месте осталось 18 человек.

Это было продолжением начатого в Коканде.**

Внутреннее положение Туркестанской республики было крайне тяжелое. Продовольственный кризис привел к голоду. Контр-революционный саботаж со стороны всех элементов колониальной бюрократии, питавшейся в этот период надеждой на "автономию", был самый безобразный. Никаких признаков сколько-нибудь устойчивого организационного аппарата не было. Только небольшие группы пе-

---

* "Свободный Туркестан", 16 января 1918 г.

** "Наша Газета", 15 декабря 1917 г.

редовых рабочих и солдат поддерживали равновесие. Естественно, что говорить о распространении Советской власти на весь Туркестан в этих условиях не приходилось. Советская власть была "разбросана" только по немногим городским и станционным "оазисам". Но и там она совсем не крепко держалась на ногах.

V

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ТУРКЕСТАНЕ.

Почти с первого дня октябрьской революции Советская власть в Туркестане оказалась отрезанной и изолированной от советской России. Между Туркестаном и советской Россией образовалась *дутовская пробка*. Борьба с черносотенным атаманом Дутовым, пытавшимся превратить оренбургские степи в самостийное царство контрреволюционных верхов казачества, завязалась еще при Керенском. Оренбург несколько раз переходил из рук в руки, – то он находился под властью Дутова, то его захватывали оренбургские рабочие, проявившие в этой борьбе с черносотенными казачьими атаманами чудеса пролетарского героизма и стойкости. Поскольку Оренбургская губерния входила в Уральское областное объединение советов, уральские пролетарии неоднократно посылали свои отряды на помощь оренбуржцам. С самого начала рабоче-крестьянской революции железнодорожная линия Самара – Оренбург – Ташкент сделалась предметом ожесточенной борьбы между контр-революцией и революционным пролетариатом. Еще и по сие время по всей этой линии остались следы опустошенной гражданской войны. Защищая эту коммуникационную линию, железнодорожные рабочие, вместе с тем, защищали и свою жизнь, потому что контр-революционные казачьи банды не щадили никого, зверски уничтожая все на своем пути.

Контр-революция перервала связь между Россией и Туркестаном. Тем самым она лишила Туркестан идейной и организационной поддержки российского пролетариата, изолировала Туркестан от его руководящего влияния. Можно с полным правом сказать, что до прорыва оренбургской пробки *осенью 1919 года* Советская власть в Туркестане развивалась самостоятельно, – так, как если бы Туркестан был идеальным "изолированным торговым государством". Иоганна Готлиба Фихте! Период времени – с октябрьской революции до прорыва оренбургской пробки в сентябре 1919 года – полоса совершенно *самобытного* развития Советской власти в Туркестане. Если специфически-колониальный уклад местных национальных и классовых отношений определил здесь своеобразное течение революции от февраля до октября, *ее колониальный* характер, то *изоляция* Туркестана от советской России с момента октябрьской революции еще более *усугубила* колониальный характер советского строительства в Туркестане. В самом деле, живой обмен веществ между советской Россией и советским Туркестаном парализовал бы влияние колонизаторских пережитков и сразу направил бы национальнл-освободительное движение киргиз, узбеков и туркмен в русло советской автономии, внеся подлинное классовое расслоение в их среду. Этого не случилось, контр-революция и здесь задержала революционное развитие, и Туркестан оказался предоставленным своим собственным силам и своим собственным *противоречиям*. На немногочисленный слой сравнительно-отсталых русских пролетариев выпала *непосильная* задача строительства Советской власти и защиты ее в бывшей царской колонии.

Положение новой Советской власти было весьма неустойчивым. Почти единственной опорой являлись ташкентские железнодорожные мастерские. В Коканде у всех на глазах организовывалась контр-революция. То же самое происходило в старом русском чиновничьем центре – Ско-

белеве, под боком у которого, в старом Маргелане, хозяйничал будущий вождь басмачей – Мадамин-Бек. Не лучше обстояли дела и в Самарканде. Из Закаспия ползли темные, зловещие слухи о приближении казаков.

При таких условиях собрался четвертый съезд Советов. Одновременно с ним происходил крестьянский съезд, который довольно беспомощно заявил о своих притязаниях на власть. Хотя съезд и назывался крестьянским, на самом деле он был только съездом русских крестьян-переселенцев и настроение последних он выявил достаточно определенно, – съехались "столыпинские помещики", "крепкие мужички", решительно враждебные всякому пролетарскому влиянию.

Типично туркестанские "левые эс-эры" всячески пытались подкупить их своей демагогией, – пугали, что большевики "хотят завести снова самодержавие через батрацкие советы", призывали создать в Туркестане "свое" "крестьянское" правительство и т. п. Между прочим, лидер левых эс-эров, Н.И. Черневский, подлаживаясь под кулацкое настроение: "поскорее бы избавиться от опеки большевиков!", дал такое разъяснение автономии Туркестана: "у нас уже есть автономия, ибо мы не можем сноситься с Петербургом по делам управления в Туркестане, самоуправляемся (!), учреждаем всевозможные комитеты (!!) и проч. Кокандская автономия – миф, ибо *мусульмане не доросли до автономии,* не удержат всех завоеваний революции и придут к нам сами. Нам нужно создать такую власть, которая была бы автономна и защищала всех живущих в Туркестане".* Яснее выразиться нельзя. – Из беды российский обыватель делал добродетель и определенно пытался воспользоваться лозунгом *национальной* территориальной автономии на потребу своим *колонизаторским* интересам.

В этом отношении характерна резолюция 2-го Семире-

* "Свободный Туркестан", 24 января 1918 г.

ченского областного крестьянского съезда. – В резолюции говорилось: "2-й областной крестьянский съезд, обсудив вопрос об отношении к Сибири и Ташкенту и осветив подробно положение нашей области, нашел, что Семиреченская область как в географическом, так и в экономическом, торговом и климатическом (!!?) отношениях больше подходит к Сибири, поэтому постановил, в согласии (??) с остальными народностями области, просить Учредительное Собрание о присоединении нашей области к Сибири, впредь же, до решения Учредительным Собранием этого вопроса, мы исполняем приказы, идущие из центра и из Ташкента".* Семиреченские плантаторы из "Хижины дяди Тома" находили для себя более подходящим климат сибирской кулацкой контр-революции! С представителями временного правительства Шкапским и Ивановым, организовавшим в Семиречье силы *казачьей* контр-революции, они поладить не могли, так как с казаками, конкурировавшими с ними на эксплоататлрском поприще, их разделяла старая *словесная* вражда.

Только этим желанием отделиться от пролетарского центра объясняется тот анекдотический факт, что из 70 наказов краевому крестьянскому съезду 38 наказов (большинство!) высказывались за автономию, 10 были категорически против и 8 находили ее преждевременной.**

Крестьянский съезд изъявил желание "слиться" со съездом Советов Р.и С.Д. и задавить его своим большинством. Это было бесцеремонно отвергнуто. Тогда "крестьянский" съезд, вынеся резолюцию "о необходимости вооружения русского населения на местах для самозащиты от участившихся грабежей и (?) защиты революции" и другую – "о прекращении выработки пива, а равно и других напитков, вырабатываемых из хлебных злаков",*** мирно разъехал-

* "Голос Крестьянина", 15 (2) марта 1918 г.

** "Свободный Туркестан", 31 января 1918 г.

*** "Свободный Туркестан", 30 января 1918 г.

ся по домам. Диверсия кулаков-самогонщиков не удалась.

Съезд Советов занялся обсуждением вопроса об автономии. На некоторую оригинальность претендовала только резолюция "с.-д. интернационалистов". Она гласила так: "Считаясь с экономическими, культурными, национальными и бытовыми особенностями Туркестана, съезд признает необходимым автономное устройство Туркестана в границах единой Российской демократической республики. Исходя из этого, съезд считает, что задачей краевой власти, выдвинутой революционной демократией, является подготовка автономного устройства Туркестана на демократических началах путем: 1) немедленного приступа к созданию органов демократического самоуправления, земств, городских дум и 2) *через местное самоуправление, как переходную ступень, к созыву краевого автономного собрания на основе всеобщего избирательного права".** *

Этот план постепенной "демократизации" бывшей царской колонии страдал всеми недостатками всех меньшевистских планов. – Он предполагал национальный и классовый мир там, где никакого мира не было и быть не могло: широким массам коренного населения необходимо было подлинное национальное самоопределение, без руководящего участия колониальной бюрократии; русские рабочие никоим образом не могли примириться с контр-революционным "федерализмом" черносотенного колониального чиновничества и офицерства; разрыв между баями и мусульманской беднотой рано или поздно должен был наступить.

В противовес меньшевистскому плану, большевики выдвигали лозунг "пролетарской автономии", однако в условиях страны, населенной, по преимуществу, мелкими производителями, эксплоатировавшимися в течение десятков лет российским империализмом, он был лишь револю-

---

* "Наша Газета", 25 января 1918 г.

ционной фразой, за которой скрывалось очень скверное, колонизаторское содержание.

Так или иначе, на съезде Советов судьба кокандского правительства была решена 62 голосами за, 11 против при 3 воздержавшихся.

Вернемся несколько назад, к нему. – Приблизительно через месяц после объявления автономии в Коканде был собран съезд мусульманских рабочих и дехканских депутатов и мусульман-воинов. Целью его была демонстрация "национального единения". Из состава съезда были выделены представители в "Народный Совет" при автономом правительстве. Им была предоставлена 1/3 мест. Рабочие депутаты как Незамеддин Ходжаев при этом ни в малейшей мере не обнаружили оппозиции по отношению к буржуазному большинству, но послушно тащились за ним в хвосте. Автономное правительство в борьбе за свою "легализацию" не ограничивалось одними выступлениями на внутреннем театре военных действий, оно потребовало от В.Ц.И.К., на основании сделанной в Бресте декларации о "самоопределении народов", признания его полноправным правительством всего Туркестана. Ответа на это покушение с негодными средствами, конечно, не последовало, но двоевластие неизбежно должно было вызвать правительственный кризис в самом Коканде. Добровольные пожертвования на организацию правительственной власти в несколько сот тысяч рублей были быстро исчерпаны. Туркестанский Совет Народных Комиссаров, сам сильно стесненный в деньгах, произвел выемку 8 миллионов рублей из кокандского отделения государственного банка. Это еще более обострило политический кризис, так как мусульманская торговая буржуазия испугалась за свои вклады. У власти появился сторонник более решительных действий Чокаев.* В свою очередь,

* Тюрякулов. "Кокандская автономия" в Туркестанском сб. "3 года Советской власти".

не дремала и российская контр-революция. Из Закаспия двигались на родину 17 казачьих эшелонов, всюду смещая и арестовывая на своем пути Советы и советских работников. Против них были направлены добровольческие отряды из Ташкента. Произошел бой, следствием которого явилось освобождение Самарканда, захваченного казаками, и разоружение казаков. Уже одно это должно было предрешить судьбу Коканда. Между тем в Коканде своим порядком открылись военные действия. В ночь с 29 на 30-е января было произведено нападение на крепость, занимавшуюся русским красногвардейским гарнизоном. Одновременно был разобран в нескольких местах железнодорожный путь, были перерезаны провода. Русские офицеры, ворвавшись на телефонную станцию, заставили прекратить ее работу. Также едва не был убит в своей квартире председатель местного Совета Бабушкин. 30 января образовался военно-революционный комитет и того же дня вечером прибыли войска из Скобелева с пушками и пулеметами. Был предъявлен ультиматум, а 31 января около 3-х часов дня из крепости был дан первый пушечный выстрел по старому городу. Начался артиллерийский обстрел, а затем завязался и бой с войсками "автономистов", состоявшими из персов, лезгинов, текинцев и сартов. Не имея под руками своей собственной вооруженной силы, кокандское правительство обратилось за помощью к предводителю разбойничьей, басмаческой шайки – Иргаш-Баю.

Иргаш-Бай и русские белогвардейцы сделали все от них зависящее, чтобы раздуть кровопролитную бойню. С другой стороны, к русским солдатам и красногвардейцам присоединились армяне-дашнаки поголовно вооружившиеся, и разные мародерские элементы.

Начались грабежи, разгромы магазинов и разбои. Гражданская война для многих стала приманкой из-за легкой наживы.

31-го января краевой Совет воинов, рабочих и дехка-

нов мусульман постановил: "1) подвергнуть временное правительство аресту впредь до выяснения всех обстоятельств краевым Советом; 2) принять всю полноту власти краевому Совету воинов, рабочих и дехканов мусульман; 3) ввиду крайне возбужденного состояния мусульман как в Коканде, так и в окрестностях, и поголовного вооружения по случаю распространяемых слухов о бомбардировке старого города Коканда, назначить начальником милиции Чанышева, которому подчинить всю вооруженную милицию для восстановления полного порядка и спокойствия как в Коканде, так и извне; 4) просить военно-революционный комитет воздержаться от каких-либо активных выступлений, дабы предупредить объявление мусульманами по всему краю войны (газават), в противном случае вся ответственность за последствия возлагается на военно-революционный комитет".*

Увы! Вмешательство краевого Совета воинов, рабочих и дехканов-мусульман слишком запоздало. Поскольку он до сих пор послушно плелся за мусульманской буржуазией, его политический авторитет в разгар борьбы был равен нулю.

Это и доказал Иргаш, сразу же посадив под арест его "главнокомандующего" Чанышева. Сам "совет" стоял за войну против большевиков и беспомощно бросался от угроз "газаватом" к "авторитету демократических организаций" и обратно.

Новые попытки перемирия не могли уже дать ничего.

К 5 февраля положение крепостного гарнизона стало почти критическим, но в это время, под командой военного комиссара Перфильева, прибыли ташкентские и самаркандские отряды, только что произведшие разоружение казаков. 6 февраля произошел штурм старого города. В ночь с 6-го на 7-е Коканд уже представлял одно сплошное море

* "Новый Туркестан", 2 марта 1918 г.

огня. 7 февраля грабежи и разбои достигли чудовищных размеров. – "Толпы вышедших из повиновения солдат и красногвардейцев, чернь и мелкая буржуазия бросились грабить и тащить, что только можно было. Особенно усердствовали в грабежах армяне. В старом городе были разграблены все магазины, торговые фирмы, торговые ряды, банки и частные более или менее приличные квартиры. Кассы в банках и торговых фирмах были взломаны и деньги из них похищены. Грабители складывали награбленное имущество на арбы и свозили его на вокзал и в крепость. Там шел дележ чужого имущества. Наблюдались такие картины: грабителям нужны были возчики награбленного имущества. Чтобы достать таковых, они отыскивали в дальних городских кишлаках сартов, забирали у них арбы и лошадей и заставляли их везти награбленное имущество. Безлошадных сартов грабители заставляли носить тюки на плечах".*

Хотя описание кокандского погрома заимтвовано из официального органа кокандского правительства, тем не менее по всем данным и рассказам самих участников похода оно вполне соответствует действительности. В конечном счете все беды обрушились на голову мусульманской городской бедноты. – Кокандская "автономия" была ликвидирована, но, вместе с тем, была подготовлена *почва для басмачества.*

Продовольственный кризис в городах был одной из причин падения власти временного правительства в Туркестане. Мусульманскую бедноту царь-голод во много раз крепче схватил за горло. Зимой 1917 – 1918 года трупы умерших с голоду валялись всюду, – на улицах новых городов, на железнодорожных станциях, на больших дорогах. Вот краткие, но красноречивые сообщения того времени: "В селении Янги-Курган за одну неделю *умерло от голода*

---

* "Новый Туркестан", 5 марта 1918 г.

35 человек. В селении Будал умерло голодной смертью за одну неделю 43 человека. В селении Буке за то же время умерло от голода 37 человек. *В Семиречьи голодные киргизы начинают поедать трупы умерших от голода".** В самом начале этой страшной зимы была уже съедена вся мука. Скот пропал из-за бескормицы или был тоже съеден. "По данным с мест *убыль людей от голода, холода и болезней доходит* к настоящему времени (ноябрь 1918 г.) *в разных районах от 25 до 50 процентов.* Скот же сохранился не более как в 1/10 части".** На 4-м съезде Советов Колесов, делая доклад по продовольственному вопросу, ограничился лишь разбором перспектив снабжения новых городов и, главным образом, Ташкента. О спасении мусульманской бедноты не было сказано ни слова! На 5-м съезде Советов были приведены цифры поступления хлебных грузов по месяцам и областям. – В Самаркандскую область прибыло хлебных грузов: в ноябре 1917 г. – 76 вагонов, в декабре – 20 вагонов, в январе 1918 г. – 3 вагона, в феврале – 14 вагонов. В Ферганскую область прибыло хлебных грузов: в ноябре – 103 вагона, в декабре – 45 вагонов, в феврале – 16 вагонов. В Закаспийскую область прибыло хлеба: в ноябре – 67 вагонов, в декабре – 53 вагона, в январе – 6 вагонов, в феврале – 33 вагона. В Сыр-Дарьинскую область прибыло хлебных грузов: в ноябре – 175 вагонов, в декабре – 54, в январе – 150, в феврале – 56. На весь Туркестан, считая и русские владения Бухарского ханства, в ноябре 1917 г. поступило 459 вагонов хлеба, в феврале же 1918 г. – лишь 122 вагона.*** Причиной такого падения поступления хлебных грузов было образование оренбургской пробки в декабре 1917 года. Ясно, что все поступавшие хлебные грузы шли исключительно для распределения среди русского населения. *Удаленная от власти мусульманс-*

* Новый Туркестан, 19 февраля 1918 г.

** "Известия Ц.И.К. Турк. республики", 23 ноября 1918 г.

*** "Наша Газета", 28 апреля 1918 г.

кая беднота была также лишена и хлеба и должна была нести на своих плечах всю тяжесть весенней и летней засухи 1917 года, суровой зимы 1917 – 1918 года и перехода Туркестана от роли хлопковой плантации к самодовлеющему хозяйству. Новый город обрушивался на голодные старые города и кишлаки градом реквизиций и конфискаций, а мусульманское население вымирало, будучи не в силах само справиться с голодом. Между русским новым городом и обитающей в нем Советской властью и широкими массами коренного населения образовалась непроходимая пропасть. С одной стороны, продовольственный кризис разжигал аппетиты "солдатско-потребительского коммунизма"* в среде русского населения и толкал его на путь "первоначального накопления" за счет коренной туземной массы; с другой стороны, голод еще более укреплял традиционное господство баев над туземной беднотой, которая была вынуждена отдавать богачам за щипотки гнилой муки не только остатки своего домашнего скарба, но и прямо отдаваться в рабство, продавать своих жен и детей. Таким образом, в мусульманской среде складывалось то роковое настроение по отношению к Советской власти, которое выражалось в краткой формуле: *"скоро ли кончится русская свободка?"* – "Русская свободка" означала голодную смерть, красногвардейский налет на сложившийся веками национальный быт, расправы без разбора, поголовные конфискации и реквизиции, самочинные обыски.

Почти непосредственно вслед за разгромом Коканда был объявлен поход на Бухару. Насколько тогда мало разбирались в международной обстановке, свидетельствует следующий красноречивый отрывок из протокола заседа-

---

* Термин "солдатско-потребительский коммунизм" мы, конечно, употребляем не в похабно-меньшевистском смысле, но в его действительном значении в приложении к партизанщине махновского типа, которая пышным цветов цвела в Туркестане.

ния Турцика. Доклад делает военный комиссар Осипов, будущий "герой" белогвардейского январского восстания: "Туркестанская республика существует волею божией. Вполне достаточно вооруженных сил, которыми располагает Афгания (!), чтобы смести нас с лица земли. Нас выручает Англия (!!!), которой далеко небезразлично, кому будет принадлежать Туркестан.

"Афгании приходится считаться с тем, что когда ее полчища двинутся на Туркестан, английские войска займут Афганию (!)"*

Англия в роли спасителя большевистского господства в Туркестане! Поистине, "есть от чего в отчаяние притти!"

Объявление похода на Бухару было связано с "накоплением" на бухарской территории русских белогвардейцев, крупных спекулянтов и бежавших участников "Кокандской автономии", а также и с отказом эмира допустить в Бухаре национализацию русских частных банков. Туркестанский Совнарком предложил Колесову отправиться в Бухару для переговоров с эмиром. Совместно с младобухарцами Колесов выработал манифест, в котором эмиру предлагалось заменить старый состав бухарского правительства новым, образовав при себе Совет из джадидов-младобухарцев. Эмир отказался от подписания манифеста, заявив, что сам народ не желает никаких реформ. Однако после переговоров с Колесовым, приехавшим на ст. Каган со своим отрядом красногвардейцев, он согласился, вставив от себя поправку, которая сводила весь манифест на нет. После вторичных переговоров манифест был подписан без поправки, но тут уже начались военные действия, – делегация, посланная для переговоров, была расстреляна эмиром, железная дорога сразу оказалась разрушенной в нескольких местах, была объявлена "священная война" против неожиданно вторгшихся "гяуров"* Было выреза-

* "Наша газета", 21 мая 1918 г., Заседание Турцика 20 мая.

но несколько сотен русских обывателей Бухары, многие женщины и дети были забраны в рабство и т. д. Новая Бухара оказалась отрезанной, и если бы не подошла к Кермине помощь из Ташкента, колесовский отряд не выдержал бы стремительного натиска живой лавы людских тел, шедших с палками на пулеметы.

Пришедшие в Бухару русские солдаты и красногвардейцы занялись прежде всего самыми возмутительными грабежами и насилиями. Грабили все и всех без разбора, безобразничали, пьянствовали и творили насилия без конца. Именно этим объясняется огромный взрыв возмужения по поводу вторжения русских. "Русские явились в Бухару для разбоя" – такую оценку колесовскому походу дало все население. "Революционная" подоплека совершенно отошла на задний план перед колонизаторскими аппетитами. Это подтверждает постановление общего собрания мастеровых и рабочих средне-азиатских и ташкентских мастерских и представителей Красной Армии, Перовских эшелонов, Кушкинского отряда и революционного комитета: "Возмущению нашему нет границ! Мобилизуемся все до одного против учинивших насилие и грабеж над мирными жителями и ультимативно требуем от всех отрядов, действующих против Бухары, немедленно сдать все имущество, захваченное в боях, особо избранной комиссии для возврата такового пострадавшему мирному населению; кроме того, требуем, чтобы все попустители грабежа и насилия и утаившие награбленное имущество были преданы беспощадному правдивому революционному суду, ибо рабочему, запятнавшему себя грабежом и насилием, нет места среди нас – трудового пролетариата".*

Колесовская авантюра вызвала бесполезное кровопролитие, бессмысленное убийство многих тысяч бедняков, вакханалию грабежа и разбоя, резкую реакцию против русс-

* "Новый Туркестан", 30 марта 1918 г.

кой колонизаторской "Советской власти". Позорная память об этом колонизаторском походе сохранилась на многие годы.

Внутреннее положение Советской власти в Туркестане весной 1918 года было критическое. Обывательская контрреволюция, которой умело руководили агенты Дутова и англичан, уже подбиравшихся к Закаспию, ловила всякий повод, всякий слух, чтобы "насолить" Советской власти. Тут было и лицемерно-холопское возмущение Брестским миром, и тем, "почему большевики сеют гражданскую рознь, не спросясь народа", и тем, что большевики якобы "продали собор в Ташкенте за 2 миллиона (!)". Вооруженная сила была представлена набранными по добровольной записи партизанскими отрядами, имевшими свое выборное начальство и страдавшими всеми пороками партизанщины 1918 года. Здоровое ядро составляли железнодорожные рабочие, но и они были очень далеки от понимания революционной дисциплины. В значительной же части "Красная армия" того времени рекрутировалась из деклассированных элементов, свидетельством чему были погром в Коканде, погромы в Бухаре, пьянство, грабежи и разбои в разных местах. Власть не могла опираться на организованную силу, высшим органом народного суверенитета был митинг, который мог все решать и все отменять. Финансовое положение новой власти было крайне тяжелым. Первым поступлением были 8233232 рубля, взятые в Кокандском отделении государственного банка. Ташкентская контора отказалась принять их на текущий счет. 11 марта было предложено казенной палате открыть Совнаркому кредит в 11500000 руб., а 1 апреля – перевести на усиление этого кредита для уплаты жалования служащим Средне-Азиатской ж. дор. – 289788 руб. Произведен был перерасход в 7408574 руб., пополненный отчасти поступлениями из Бухары (!) и по разным документам на 3900000 руб. Расходная смета, представленная V съезду Советов, была состав-

лена в следующем (непритязательном!) виде:

на железнодорожную сеть	19	миллионов руб.
" земледелие	6	" "
" содержание таможен	0,5	" "
" политехникумы (!)	10	" "
" работы хлопкового банка	10	" "
в Семиречье	4	" "
в Фергану	3	" "
в Самарканд	1	" "
Итого	53	милл. 500 тыс.руб.

При этом находили даже "свободное наличие" в 128 миллионов рублей... в надежде на то, что "центр" пришлет 178 миллионов рублей подкреплений! Пока же начали печатать свои боны и к апрелю 1918 года их выпустили на 7750000 руб.* Ни о каком финансово-экономическом плане, конечно, что называется, "и в мыслях не было". Оперировали банковской наличностью и печатным станком сообразно тому, откуда больше просили и требовали, и, таким образом, ассигновывали на политехникум 10 миллионов, отпуская "на земледелие" – шесть!.

Еще хуже обстояло дело с организацией народного хозяйства. Центром экономической контр-революции был пресловутый союз "Хлоп-мас-мыл", сгруппировавший в своих рядах всю агентуру российского великодержавного капитала в Туркестане. Он решительно воспротивился национализации хлопковой промышленности и повел компанию против Советской власти, пуская при этом в ход и черносотенную демагогию, – заявления о том, что Советская власть хочет отдать хлопковую промышленность... немцам!

* Этими скудными цифрами ограничился комиссар финансов на V съезде! "Наша Газета", 27 апреля.

В то же время, на местах шла открытая распродажа рабочими и служащими хлопковой промышленности и дележ вырученных денег между собой.

Туркестанская власть производила национализацию за национализацией, за отсутствием крупной промышленности обрушиваясь на мелкое ремесленное производство и мелочную торговлю. "Национализировали", напр., все сады, — когда же пришла пора их убирать, все фрукты сгнили. За все головотяпства должна была расплачиваться мусульманская старогородская и кишлачная беднота. А наряду с этим, сотни тысяч и миллионы — для вольной заготовки хлеба и других продуктов — раздавали явным спекулянтам и прохвостам. "Милостливый государь", заявлявший, что у него есть заготовленный хлеб, мог свободно, без всякой проверки, получать миллионы. Давали "на слово" 200 тысяч какому-нибудь дутому "1-му туркестанскому коллективу хлеборобов". Спекулянтты, получавшие полномочия от официальных учреждений, бросались на вольный рынок и там своей конкуренцией еще более взвинчивали цены, наживая и сами на "государственных заготовках" и "национализациях" сотни тысяч и миллионы.

В связи с приездом "чрезвычайного комиссара в Средней Азии", т. Кобозева, пятый съезд Советов принял постановление о привлечении мусульман к власти и объявил Туркестан автономной частью Р.С.Ф.С.Р. В тех условиях, без коренной ломки старых колониальных отношений, это решение было благим пожеланием. Только *случайные* представители киргиз и узбеков или, вернее, главным образом, татары могли притти к власти. На съезде было большинство "левых эс-эров", но для торжественности была разыграна комедия "единения" и даже совершен "поцелуйный обряд". Знаменитый господин Успенский, целуя тов. Кобозева, провозгласил: "целую большевика тов. Кобозева потому, что теперь мы идем по одному пути"* Это не мешало

* "Наша Газета", 11 мая 1918 г.

левым эс-эрам и дальше практиковать свою кулацко-обывательскую демагогию. Татарин тов. Кливлеев, приехавший из Москвы, довольно путанно доказывал, что с помощью Корана можно сделать всех мусульман коммунистами. В новый Турцик было избрано впервые до 10 мусульман (Джурабаев, Ибрагимов и др.).

В мае была одержана победа в Семиречьи. В войне между Шкапским, опиравшимся на казаков, и Советами русские переселенцы встали на сторону Советов, подтолкнутые на это старой сословной враждой с казачеством и возможностью воспользоваться его богатыми достатками. Поэтому, тотчас же по занятии города Верного, начальник партизанских отрядов Мураев... "потребовал от восставших против Советской власти станиц возмещения убытков, понесенных мирным населением (т. е. переселенцами) во время военных действий, и покрытия расходов по содержанию отряда революционных войск".* Семиреченское кулачье неожиданно стало "опорой" Советской власти и коммунистической партии, а "Советская власть" и "Коммунистическая партия", в свою очередь, сделались проводниками его интересов. Результаты этого быстро сказались. "Советский" орган, выходящий в Верном, "Вестник Семиреченского (!) Трудового Народа" печатает антисемитские погромные статьи: "Цари золота – враги человечества" (№ 20), "Ротшильдово племя" (№ 23) и т. д. Попы, переселенческие чиновники и царские полицейские "направляют политику". Грабеж киргиз продолжается уже под "советской" формой. Семиреченский Областной Исполнительный Комитет выпускает свои собственные боны, гарантирует их... запасами опия. И так далее, и так без конца.

Замечательная вещь: в то время как Туркестанская Советская власть противостоит мусульманской бедноте, как чуждая и враждебная сила, она находит совершенно не-

* "Наша Газета", 24 мая 1918 г.

вероятных союзников в среде европейских национальностей, – в лице представителей армянской буржуазии – "дашнаков", русских кулаков Семиречья, царских чиновников и даже русских погромщиков – попов! Все эти отбросы эксплоататорского общества размещаются под красным знаменем коммунизма, поскольку туркестанский "левый коммунизм"* в условиях бывшей царской колонии на деле означает хищническую *феодальную* эксплоатацию русским красногвардейцем, переселенцем и чиновником широких масс коренного населения.

В мае – июне 1918 года в третий раз образуется оренбургская пробка. Контр-революционное давление извне увеличивается. Втайне подготавливается Асхабадский фронт. Наступает переломный момент. Во второй половине июня собирается *первый съезд партии коммунистов-большевиков Туркестанской республики.*

Настроение в Ташкенте в это время было в высшей степени тревожным. Главную роль играло недовольство продовольственной политикой. 20 июня в железнодорожном клубе "Карла Маркса" собрались все "демократические" организации, профсоюзы и железнодорожники по вопросу о посылке мирной делегации на дутовский фронт с широкими полномочиями – до заключения *мира с дутовцами* включительно. В Ташкенте тогда насчитывалось всего лишь 250 членов партии и 125 сочувствующих в старом городе. Еще хуже было положение на местах. На происходившем в этих же числах первом съезде профессиональных союзов Туркестана были сильные колебания, и резолюцию, отвергающую "мирную" провокацию, удалось провести с большим трудом. Съезд коммунистов принял весьма знаменательное постановление "о партийной работе среди му-

---

* После появления "левого" коммунизма в рядах Р.К.П. туркестанские колонизаторы принимают это звание, называя себя "бухаринцами"!

сульманского пролетариата", найдя необходимым: 1) для привлечения широких мусульманских масс к строительству новой жизни – *признание языка местного населения, преобладающего по всей республике,* – тюркского – *государственным,* наряду с русским, со всеми мероприятиями, отсюда вытекающими; 2) образование при всех областных, уездных и местных совдепах комиссариатов по национальным делам для самой энергичной агитации и привлечения широких масс мусульманства к советской работе; 3) обязательное *издательство* всех официальных органов на русском и мусульманском языках; 4) организация при Ц.К. кадра партийных работников для пропаганды среди мусульманского пролетариата идей классовой борьбы и коммунизма, – идеала, к которому стремится международный пролетариат; 5) *оказание полнейшего доверия (!) мусульманскому пролетариату,* осуществив организацию необходимой для защиты социалистической родины *Красной армии из среды* мусульманского пролетариата; 6) издательство партийной литературы на мусульманском языке, являющейся необходимым и важным подспорьем (!) в работе партийных агитаторов среди мусульманского пролетариата".* 20 июня вышел первый номер "Иштракиун" ("Коммунист") под редакцией тов. Кливлеева.

И все же до действительного сближения с массами киргиз, узбеков и туркмен было еще очень далеко! На этом первом съезде туркестанских коммунистов выступал неизбежный представитель революционной партии "Дашнакцутюн", более прочих отличавшейся в преследовании туземной бедноты. Съезд выразил готовность "доверить оружие мусульманскому пролетариату", но на самом деле никакого доверия не было и, по существу, дело шло только о переходе к режиму "*просвещенного* абсолютизма" в отношении жителей старых городов и кишлаков. Этот режим не

* "Наша Газета", 29 июня 1918 г.

мог рассчитывать на большой успех. Можно было собирать фиктивных представителей мусульманских профсоюзов (цеховых!), имамов и улема и заполучать от них вотумы доверия Советской власти, но это отнюдь не было проверенной деятельной интернационально-классовой политики.

Тем не менее эта попытка была сделана. Этого властно требовали окружающие условия. Нужно было защищаться от наступающей контр-революции, и Турцик вслед за съездом коммунистов, приняв следующее решение: "Наступает решительный момент, когда правительству республики приходится учесть свои реальные силы перед возможностью ставки на карту всех достигнутых пролетариатом завоеваний, когда перед лицом всего пролетариата республики встает во весь рост вопрос: *"Быть или не быть советскому Туркестану?"*.

В числе неотложных мероприятий, подобно центру (?) Российской советской федерации, Туркестанскому рабоче-крестьянскому правительству предстоит в срочном порядке:

1) Объявить государственным языком,* наравне с русским, местный преобладающий язык (сартовский и киргизский.).

2) *Уравнить в правовом отношении всех граждан республики, издав декрет о равномерном распределении хлеба, мануфактуры и проч. без различия национальностей.***

---

* В Туркестане упорно считали, что требованием национального равноправия является не отмена государственного языка и фактическое проведение равноправия языков, а объявление государственными языками языков угнетенных национальностей, наряду с русским.

** Поскольку хлеб и мануфактура выдавались только по карточкам профессиональных союзов, постановление это имело бумажное значение, – из организации профсоюзов мусульмане-кустари были устранены.

3) Организовать полный учет всего мужского – как европейского, так и мусульманского населения республики в возрасте от 20 до 35 лет.

4) Принять все меры к организации пролетариата и беднейшего крестьянства и дехканства республики в советы на местах, усилением активной деятельности советских партий на местах и рассылкой советской литературы из центра в самом широком масштабе, как на русском, так и на туземном языках.

5) *Принять меры к изъятию из среды пролетарских организаций всех активных контр-революционных элементов и подголосков буржуазии и бюрократии*, какой бы политической и классовой окраски они ни были.

6) *Произвести* с помощью специальных институтов – под личную ответственность командного состава и выборных представителей рабочих – *радикальную чистку рядов существующей красной армии, красной гвардии и масс сознательных рабочих от всякого рода темных личностей, деклассированных, провокационных, разлагающих морально и контр-революционных элементов*, позорящих своими действиями призванные защищать Советскую власть ряды пролетариата и армии, дабы искоренить всякую возможность подрывать в широких массах населения доверие к Советской власти".*

Ашхабадская контр-революция назревала давно. 17 июля по приказу Совнаркома была объявлена перепись. Она была понята как мобилизация. – Никто из представителей местной власти – "Закаспийского Совнаркома" – не мог объяснить цели ее. 17 июля, в день переписи, выступили фронтовики и железнодорожники. Начали раздаваться выкрики: "долой Советскую власть!", "да здравствует Уч-

---

* Резолюция Турцика от 11 июля 1918 г. "Советский Туркестан", орган центр. Комитета и Совнаркома Турк. Республики Российской советской федерации", от 16 июля 1918 г.

редительное Собрание!" Открылась стрельба. На "дом революционного пролетариата", где находились ревком и штаб Красной армии, было поведено наступление. Восставшие вызвали 350 вооруженных на подмогу из Кизил-Арбата. Но утром, 18-го, ревком предложил устроить мирную конференцию, и кровопролитие прекратилось.* – Таково было начало. Посланный из Ташкента чрезвычайный комиссар Фролов своим диким поведением еще более обострил положение. Вся белая гвардия, несознательная масса рабочих, фронтовики, офицерство и английские шпионы объединились под лозунгом: "долой комиссаров!" – Руководство контр-революционным движением принял Ашхабадский стачечный комитет, во главе с сподвижником Доррера, царским прислужником Татариновым и меньшевиком Фунштиковым. Военная власть незаметно перешла в руки офицеров-белогвардейцев, вооруженных туркмен и текинцев. Ашхабадский "совнарком" частью был арестован, частью бежал. Красноармейцы были зверски перебиты. 17 июня Турцик, Совнарком, Ц.К. большевиков Туркреспублики, Ц.К. левых эс-эров, Центральный Совет профсоюзов и Ташкентский Совет обратились с воззванием ко всем рабочим по поводу Ашхабадской контр-революции. Отправившийся для мирных переговоров с рабочими комиссар труда, рабочий-большевик с 1905 года, тов. Полторацкий – один из лучших и наиболее авторитетных работников, был варварски растерзан. Провокационным способом белогвардейцев заняли Мерв. До прибытия отрядов из Ташкента нельзя было установить линии фронта, так как местные силы были ненадежны.** – Так вырос *Ашхабадский фронт,* – в то самое время, когда Оренбургский фронт приковывал все лучшие части. Его возникновение стояло в теснейшей связи с общим планом наступления союзников на со-

* "Наша Газета", 27 июня 1918 г.

** "Советский Туркестан", 26 июля 1918 г.

ветскую Россию. То, что было проделано англичанами в Баку с помощью Аштаракова, в Ашхабаде было устроено при содействии Фунтиковых и фронтовиков. Быстро появились на фронте английские офицеры и сипаи. *Организовалось под верховным покровительством генерала Малиссона "Временное Закаспийское Представительство" из представителей русской и армянской буржуазии и царских бюрократов.* Туркмены были вовлечены в это белогвардейское предприятие, как бессознательная сила. Им нечего было терять с падением Советской власти, которая опиралась исключительно на одних русских. Идя за своими родоначальниками, они сделались поневоле слепым орудием в руках английского империализма.

Ашхабадская контр-революция была не только продуктом внешнего давления английского империализма, она была также и плодом "внутренней истории Туркестана", – той колонизаторской партизанщины, которая органически была неспособна построить твердую революционную власть, и того разложения русского пролетариата, которое было обусловлено долгой привычкой решать все на митинге и с помощью митинга. 1918 год и в центральной советской России был годом партизанщины, "власти на местах" и митингования, но там была сразу же начата ожесточенная борьба против всех этих пережитков "демобилизации" старого государственного аппарата, – здесь же "демобилизованный большевизм", – упрощенная идеология демобилизованного солдата старой армии, – был почти официальным символом веры.

Туркестан оказался в кольце контр-революционных фронтов: с одной стороны – Оренбургская пробка, с другой – Ашхабадский фронт, в Фергане – басмачи, в Семиречьи – казачья контр-революция.

Разгром "Кокандской автономии" не мог пройти бесследно в промышленной и торговой Фергане, наиболее "обуржуазившейся" области коренного Туркестана. Го-

лод 1918 года унес в ней до 30 % населения. Однако кризис хлопководства создал там огромную армию безработных. По преувеличенным вычислениям, в 1918 году там оказалось до 400 тысяч безработных "чайрикеров", которые до того времени работали исполу, до 300 тыс. обезземеленных "хлопковиками" дехкан и до 50 тысяч заводских рабочих. – Если даже эти цифры соответствуют действительности только на половину, то и в этом случае они огромны. Но объяснение им можно найти в том, что в 1918 году, в Фергане, на полтора миллиона душ населения приходилось только 800 тысяч десятин земли, то есть по полдесятине на душу.* Само собой разумеется, что десятки и сотни тысяч узбекской бедноты при тогдашнем политическом положении, неизбежно должны были стать кадрами басмачества. Вот какую характеристику басмаческому движению давал краевой комитет партии в начале 1920 года: – "Басмачество в Фергане не является исключительно анархическим движением, развившись отчасти из разбойничьих банд, прикрываемое и подогреваемое лозунгом борьбы за национальную автономию, подхваченное в контр-революционных целях улемой и байством и развитое после разгрома Кокандского автономного правительства, – насильственными действиями коренного населения, – колонизаторскими элементами, примазавшимися к Советской власти, это движение пустило глубокие корни среди местного населения, став постепенно национальным движением местного байства против Советской власти, как таковой.** Вслед за Иргашем, приглашенным кокандским правительством, выступил Мадамин-Бек, бывший курбаши (нечто вроде военноначальника и в то же время владетельного феодала!) старо-

* "Наша Газета", 13 августа 1918 г. Статья "Помни о Фергане" Малкофа.

** Тезисы о Фергане, принятые в заседании Крайкома от 11 февраля 1920 г.

го Маргелана. К нему стали стекаться все те, кого разруха и революция выбила из жизненной колеи. В руках баев и улема знамя Ислама, естественно, превратилось в знамя национальной борьбы против русской Советской власти.

Басмачество выросло, с одной стороны, на почве борьбы за национальное самоопределение, как результат разгрома "кокандской автономии" и последующих колонизаторских безобразий, с другой же стороны, на почве экономического кризиса, – голода, разрушившего хлопковое хозяйство в Фергане и, вместе с тем, лишившего узбекско-сартовскую буржуазию прежнего благосостояния, а массы мардикеров, чайрикеров и чернорабочих – обычного заработка. Борьба с басмачеством с первых же дней приняла затяжной характер, поскольку басмачи вели войну исключительно небольшими партизанскими отрядами и могли вполне рассчитывать на помощь местного населения или, по крайней мере, на доброжелательный нейтралитет с его стороны. Для определенной части байства, басмачество сделалось *промыслом,* так как басмаческие курбаши в сфере своего господства эксплоатировали кишлачное население, как истинные феодалы, облагая его контрибуциями и заставляя на себя работать.

На шестом съезде Советов собравшемся в октябре 1918 г., произошел раскол между большевиками и левыми эс-эрами. Левые эс-эры, определенно учитывая тяжесть положения, отказались участвовать во власти. Во время съезда в ташкентских мастерских устраивались весьма хитрые махинации, пытались мобилизовать "общественное мнение" против съезда и т. д. Со стороны контр-революционных элементов, оперировавших под разными политическими вывесками "бутада" в мастерских была прямой подготовкой январского выступления, как это потом и выяснилось из процесса участников январских событий Попова, Агапова, Цветкова и др. Чем дальше, тем больше *партизанщина приобрела контр-революционную окраску.* "Иргаш,

объявивший себя ханом в Фергане, сделался особенно популярным среди населения после действий высланного в Андижан отряда, спасаясь от насилий которого население бежало к Иргашу. Посланный для борьбы в г. Чуст отряд взял у населения 100000 руб. Такие же безобразия, буйства, насилия и грабежи наблюдались в других местах".* Самую откровенную картину пьяного разгула рисует телеграмма прославившегося в Туркестане своим поведением Казанского полка – 1-му съезду красноармейских и красногвардейских депутатов Туркестанской республики: "Стоянка всего полка на ст. Катта-Курган немыслима, так как нет свободных путей, но также немыслима стоянка полка и на ст. Самарканд, где найдутся запасные пути для всех эшелонов полка (!), ввиду обилия вина (!!), в котором, по вине местной власти (?!), красноармейцы купаются и тонут. Требуем содействия президиума краевого совета красноармейцев и красногвардейцев в разрешении выезда полка в местность, где нет спиртных напитков (!!!), но где возможна стоянка".** На этом 1-м съезде громко раздавались речи о том, что "нужно приказать власти сделать что требуется".*** Финалом его было избрание Военного Совета республики в 44 человека! В конце декабря происходил 2-й краевой партийный съезд, и борьба личных группировок, разыгравшаяся на нем, была также свидетельством разлагающего влияния партизанщины и демагогии. Столкнулись "старые коммунисты", предводительствуемые Тоболиным, и молодые – сторонники Вотинцева. Против молодых "старые" выдвигали то обвинение, что ташкентская организация "загрязнена темными и авантюристическими элементами" и "Ц.К. ведет соглашательскую

---

* Речь председ. Турцика Вотинцева на заседании 1-го красноарм. съезда 2 декабря, "Наша Газета", 4 декабря 1918 г.

** "Наша Газета", 7 декабря.

*** Заседание съезда 27 ноября, "Наша Газета", 30 ноября 1919 г.

политику". "Молодые" отвечали тем же. Никакой принципиальной почвы под этими разногласиями, за исключением *общего* убеждения, что к партии слишком много примазалось случайных попутчиков, не было. Об этом красноречиво рассказывали доклады с мест: в кулацком Семиречьи "уже давно постановили, чтобы двум партиям (левым эсэрам и большевикам) слиться воедино, ибо разногласие ведет к расколу" (!), из других мест повествовали в том же духе. Большинством 108 голосов против 38 при 8 воздержавшихся "победили" "молодые".* Трудно сказать, *чья* это была победа!*

В декабре 1918 года басмаческое движение в Фергане значительно усилилось. В это же время произошло под руководством левых эс-эров восстание в селе Беловодском, крупнейшем кулацком центре Семиречья. – Был образован "автономный Беловодский уезд", управлявшийся "Советом беловодского митинга" (!!). По сведениям Следственной комиссии "восстание было организовано сибирским правительством и являлось тактическим маневром командующего копальско-сергиопольскими отрядами белогвардейцев".** Оно было быстро ликвидировано, однако общая атмосфера в связи с обострением военного положения и ростом контр-революционного недовольства создавалась крайне напряженная. В целях провокации Закаспийское временное правительство обратилось к Советскому Туркестану с "мирным" предложением, поставив своими условиями созыв "Туркестанского Учредительного Собрания", "признание власти будущего Всероссийского Учредительного Собрания", "создание временной власти по соглашению борющихся сторон" и "амнистию всем участникам гражданской войны, за исключением уголовных".***

---

* "Наша Газета", 27 декабря 1918 г.

** Правительственное сообщение. "Наша Газета", 3 января 1919 г.

*** "Наша Газета", 1 декабря 1918 г.

С начала декабря началась в ташкентских железнодорожных мастерских новая "бутада". Организующим моментом послужил лозунг "рабочей конференции", а в ночь с 18-го по 19-е января выступили настоящие белогвардейцы во главе с членом коммунистической партии, военным комиссаром Туркестанской республики, негодяем Осиповым, который заранее подготовил к этому 2-й полк и организовал всюду свои ячейки, вплоть до железнодорожных мастерских. План был продуман очень основательно и еще накануне Осипов добился у Ташкентского Совета приказа о разоружении крепости, которая в его расчетах была единственной опасностью. Прежде всего были изменнически завлечены и убиты все видные советские работники-большевики, т.т. Шумилов, Качуринер и др. Был пущен повсюду слух, что восстали левые эс-эры. Этому слуху первоначально поверили, так как это было бы "в порядке вещей" с точки зрения создавшихся отношений.

До сих пор еще январские события являются загадкой для судебно-следовательских органов и потому нельзя точно определить долю участия в них левых эс-эров. Однако можно с полной определенностью утверждать, что факт "однобокой" расправы с комиссарами-коммунистами отнюдь не случаен. Между Осиповым и левыми эс-эрами связь была, на конфликте левых эс-эров с коммунистами наживали свой политический капитал белогвардейцы на митингах в железнодорожных мастерских. Имел Осипов связи и среди примазавшихся, демагогических элементов большевистской организации. Об этом ясно говорит показание "осиповца"-техника Ивана Попова, бывшего весь 1918-й год главным заправилой всех "бутад" в мастерских: "Осипову я верил потому, что он коммунист-большевик и, значит, хочет пользы рабочим; значит, не согласен только с тактикой других комиссаров".* Именно на таких "наив-

* "Наша Газета", 26 февраля 1919 г. "Из зала суда".

но"-демагогических настроениях строил Осипов весь свой расчет. – Будучи сам совершенно ничтожной персоной, он был силен окружающей атмосферой сочуствия со стороны всех примазавшихся к революции.

Его военный план расстроился из-за сопротивления крепости. Это сопротивление позволило сорганизоваться в последний момент рабочим, и Осипову с остатками профессиональных белогвардейцев пришлось бежать окружным путем в Бухару.

Январские события были контр-революционным бунтом примазавшихся против Советской власти, которая, несмотря на свою особенную слабость в Туркестане, все же стояла на пути их авантюристическим аппетитам. Самобытность их в том, что они были логическим завершением целого периода колонизаторской партизанщины. Тот же самый Осипов устроил январское восстание в Ташкенте, возвратившись из похода в Фергане, где он воевал с Иргашем.

На Осипова работали и шкурники, почитавшие митинг в железнодорожных мастерских "высшей властью", и авантюристы, находившиеся в области отчетности в состоянии войны с правилами арифметики, и бывшие царские офицеры, и вчерашние чиновники губернаторских канцелярий, и православные "коммунисты (???)"-погромщики, и лево-эсэровские прохвосты, в несколько месяцев проделавшие путь от "Союза Михаила Архангела" к самому крайнему радикализму. Все это было накипью русской колониальной революции. Недаром же полковник Цветков, формулировавший на суде программу "осиповщины", совершенно со совпадающую с ашхабадской ("деловой кабинет без политической окраски", "созыв Туркестанского Учредительного Собрания"), на вопрос о том: "зачем было занимать мастерские, когда власть находилась в городе?", без обиняков ответил: *"власть ставят люди, находящиеся в мастерских!"**

---

* "Наша Газета", 27 февраля 1919 г.

Это следовало понимать буквально, – по отношению к краевой и местной власти "мастерские" выполняли роль "суверенного народа". К "мастерским" обращались все претенденты на престол, все пытались купить их своей демагогией, хотя в период крайнего напряжения борьбы на фронтах лучших элементов там не было.

Январские события, которые были жестоким уроком туркестанским советским работникам, вместо прояснения сознания, породили новую путаницу. Они были использованы *для проведения слияния между большевиками и левыми эс-эрами.* Вместо чистки партии и выпрямления ее политики получилась бесформенная коалиция "держателей власти". И доводом за эту коалицию было предательское убийство лучших из коммунистов, "обескровление правительственной партии!"

Толчок был дан 2-м железнодорожным съездом, заседавшим одновременно с 7-м съездом Советов. За это высказывался также Кобозев, представитель центра, прибывший вторично в Туркестан после прорыва Оренбургской пробки в январе – феврале 1919 года. 6 марта ташкентская организация левых эс-эров высказалась за слияние с коммунистами в единую партию. 7-го такое же решение было принято фракцией левых эс-эров 7 съезда Советов. Краевая конференция левых эс-эров присоединилась, вынеся постановление, что партия левых эс-эров, как в Ташкенте, так и на местах, объединяется с партией большевиков коммунистов в единую рабоче-крестьянскую коммунистическую партию всем составом членов (!).*7-й съезд Советов прошел под знаком этого объединения. На нем было подробно освещено состояние всей советской организации в Туркестане – основным вопросом был продовольственный. В 1918 году на заготовку продовольствия было ассигновано 506725 тысяч руб., в 1919 г. продовольствен-

* "Наша Газета", 28 марта, 1919 г.

ной директорией смета была составлена 4633350 тыс.руб.). Вследствие военных действий, Закаспий и Фергана были исключены из района заготовок. Главными источниками были Актюбинский и Темирский районы. Ни о какой продовольственной политике не было даже и речи. "Туркестан спасло только чудо, – случайно проскользнула сюда мануфактура, и ею только жили, обменивая на хлеб".* Не было налаженной продовольственной организации, – были отдельные уполномоченные, с более или менее темным прошлым и с довольно темными источниками дохода в настоящем – бывшие офицеры, торговые комиссионеры, чиновники, которые официально, от имени продорганов, занимались спекуляцией. Позже многие из них попали под суд и чекистскую расправу. В докладе комиссариата земледелия было установлено: 1) что "общая площадь посевов в трех областях республики – Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской в 1919 году по сравнению с 1918 годом сократилась на 46 %, 2) что, несмотря на открытие оренбургской пробки (она вскоре закрылась!), нельзя ожидать подвоза хлеба и из Европейской России, хотя бы там оказались хлебные излишки, так как за отсутствием подвижного состава на железных дорогах в Туркестан может поступать хлеба не более 225000 пудов в месяц, 3) что в текущем году можно ожидать еще сокращение посева по сравнению даже с 1918 г. Причинами этого являются во многих районах недостаток семян, во всех районах недостаток мертвого и живого инвентаря, кроме того, в некоторых местах причиной сокращения посевов служит непланомерная (?), а иногда и незаконно проводящаяся реквизиция как хлеба (даже семенного), так и живого и мертвого инвентаря". Кризис транспорта выражался особенно в нехватке подвижного состава и недостатке топлива. "В распределении подвижного состава большую путаницу внесли воин-

* "Наша Газета", 5 апреля 1919 г. Заявление Казакова на съезде.

ские части. Без всякого разбора захватывали вагоны, тормозили правильное продвижение поездов. Часть подвижного состава находилась на ашхабадском фронте, а другая — на оренбургском. Чтобы перебросить продукты из одного места в другое, нужно было брать вагоны с фронта". В отношении топлива дело обстояло еще хуже. Будучи отрезанными от Баку, мы здесь с большим трудом поддерживали движение поездов. Громадное количество нефти было назначено для нашего края, но вследствие ашхабадского фронта, мы успели получить только незначительную часть этого запаса, а остальная часть осталась в Закаспии. Это обстоятельство заставило нас обратить серьезное внимание на твердое топливо. Чтобы применить твердое топливо, нужно было соответствующим образом приспособить паровозы. Затем нужно было расширить добычу твердого топлива. С этой целью была организована топливочная (?) директория с неограниченными правами. С организацией директории добыча топлива увеличилась, но, благодаря отсутствию подвижного состава, добытое топливо не было распределено по станциям. Потребность жидкого топлива была громадная. На фронтах паровозы постоянно стояли под парами. Пришлось употребить вместо нефти масло (!), которого в сутки сжигалось до 6000 пудов. На это обратили серьезное внимание, и ныне расход выражается в 370 пудах. На северном жел. дор. участке пришлось употреблять рыбу в качестве топлива (!!). В громадном количестве была заготовлена рыба из Аральского моря для вывоза в Россию. Но ввиду оренбургского фронта и отсутствия транспорта часть испорченной рыбы пришлось сжигать вместо топлива".* Так изображалось положение в докладе Казакова 7-му съезду Советов. Не лучше было и в других отраслях. Ставки заработной платы были установлены от 370 до 540 руб. для лиц, занятых физическим трудом, и от 600 до

* "Наша Газета", 14 марта 1919 г.

850 руб. для умственного труда. Однако и эта градация вызывала возмущение, потому что "с социальной точки зрения все должны пользоваться благами жизни одинаково".* Допуская самые подозрительные элементы к органам власти, здесь не хотели и слышать об использовании буржуазных специалистов.

Работа Комиссариата Просвещения была направлена почти исключительно на обслуживание русских новых городов. В Ташкенте, в русской части города, насчитывалось 73 школы при 681 учащих и 12921 учащихся, в туземной – 48 школ при 158 учащих и 9200 учащихся.** По краю данных представлено не было.

На съезде была оглашена хлестаковская радиограмма "председателя комитета по созыву Туркестанского Учредительного Собрания" Мустафы Чокаева из Ашхабада. Радиограмма была адресована: "Москве, Ташкенту, Вильсону, Клемансо, Лансингу, редакции L'Humanité*** и комитету журналистов при мировой клнференции". Содержание ее было не менее странным, чем адресат: это было обращение к мирной конференции с просьбой признать за Туркестаном "возможность суверенного существования"... в лоне англо-сипайско-белогвардейской власти!****

На съезде Советов была образована национальная секция под председательством Кобозева. Там собрались все мусульманские делегаты, однако уже самый факт ее существования был бельмом на глазу у колонизаторов-коммунистов, почувствовавших, что начинается что-то новое, в высшей степени опасное "для русского господства". Национальную секцию пытались разогнать, но неудачно.

24 мая открылась 1-я краевая конференция мусуль-

---

* "Наша Газета", 23 марта. "В Ташкентском Совете профсоюзов".

** "Наша Газета", 18 марта.

*** Орган французской социалистической партии.

**** "Наша Газета", 22 марта 1919 г.

манских организаций Российской коммунистической партии, созванная по инициативе "мусульманского бюро". Она поставила ребром вопрос о национальном самоопределении. Под ее влиянием были разоружены все дашнакские дружины, все еще продолжавшие неистовствовать со времени "кокандской автономии".* Конференцией было избрано краевое бюро мусульманских организаций Р.К.П. Еще перед конференцией инициативное мусульманское бюро обратилось к трудовому населению Ферганы с призывом уйти из рядов басмачества и приняться за строительство своей власти на местах.**

Тем не менее, положение "самоопределившихся" мусульман-коммунистов из лагеря джадидской интеллигенции – киргизской (Рыскулов) и узбекской (Турсун Ходжаев) – было критическое. Колонизаторский "истинно-русский" "левый коммунизм" не хотел без боя сдавать своих "насиженных позиций". Инициаторы первой мусульманской конференции коммунистов должны были снабжать ее участников... особыми удостоверениями о том, что они никаким обыскам и арестам без разрешения президиума конференции не подлежат!"*** Фактическое соотношение сил на местах характеризовалось такими документами: "Предъявитель сего красноармеец (имя рек), честный и исполнительный солдат, уволняется от службы навсегда как сарт"**** На местах и в центре все еще подвизались старые "деятели", вся "интернациональная" мудрость которых исчерпывалась одним простым рассуждением: "все мусульмане – спекулянты". В Перовске сидел потомок литовских князей, товарищ Гержотт, присужденный потом Реввоентрибуналом туркфронта к расстрелу за свои "художества",

---

* "Известия" 5 июля 1919 г.

** "Известия" 8 мая 1919 г.

*** Документ, хранившийся в архиве Крайкома.

**** Таких документов были десятки и сотни!

которые тысячами и десятками тысяч киргиз стоили жизни.

Открытие 3-го краевого съезда коммунистов произошло 1 июня 1919 года. Уже 1-я краевая конференция мусульман-коммунистов констатировала, что "дух и направление, впитанные режимом царского правительства в господствовавшие и привилегированные слои населения, в отношении к подчиненным, не вывелись еще окончательно. До сего времени приходится быть свидетелем открыто пренебрежительного отношения к туземной трудовой массе со стороны представителей бывшего привилегированного класса и даже со стороны некоторых называющих себя коммунистами, которые, разыгрывая из себя "начальство", относятся к мусульманам, как к подданным. Национальные трения между киргизами и крестьянами в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях, особенно обострившихся со времени не прекратились, выливаясь в разные недоразумения — то аграрные, то чисто политического характера, ведущие, в конечном счете, к обезличению киргизского населения. В Ферганской орласти советская деятельность, вместо борьбы с разбойниками, вылилась в поощрение роста разбойников и полное гонение не только мусульманского населения, но и мусульманских коммунистов.* На 3-м съезде столкнулись колонизаторы, группировавшиеся вокруг Казакова и Успенского, и мусульманские делегаты, объединившиеся вокруг Кобозева, как "представителя центра". Нельзя сказать, чтобы точка зрения товарища Кобозева отличалась большой последовательностью и принципиальностью. "Тезис" о внешней политике гласил: "Внешняя политика коммунистической партии Туркестана должна строиться из расчета длительной обороны всемирного социалистического отечества, в частности Туркестана, на три года (??), но без подрыва (?) экономического процвета-

* "Известия", 7 июня 1919 г.

ния советских стран; причем однако наша партия не должна позволять себя увлекать различным военным специалистам (??!) авантюрами, грандиозными шовинистическими военными замыслами (?), из рядов какой бы национальности они ни исходили. Норма оборонительных сил Туркестана, при указанных условиях, не должна быть свыше двух современных армий, – соответственно этому уровню должно стоять и все дело снабжения и организации боевых сил Туркестана, причем главная бдительность должна быть направлена на памирское направление, где должны (??!) появиться главные силы Англии". Это индийско-памирское направление", несомненно, было плодом... недостаточной осведомленности в географии...

Не менее странными были соображения из экономической области: "Наше финансовое банкротство, выразившееся в обесценении местного туркестанского рубля даже по сравнению с бумажным рублем центральной Советской России от трех до четырех раз, выражает собой обычный закон экономики, а именно, что количество экспроприированных (?) товаров у населения, замененных (??!) бумажными знаками, чрезвычайно велико".**

В Туркестане, где нужно было, прежде всего, поставить на ноги *элементарную* организацию труда, в качестве всеисцеляющего средства предлагалась тэйлоризация!

"Туркестан, представляющий, в главной своей массе населения, дехканов – этих своеобразных земельных пролетариев, – говорил Кобозев, – в то же самое время насчитывает лишь небольшое количество мелких ремесленников, объединенных в цехи средневекового типа, и представляет поэтому странный вид перехода от современного коммунизма (??!) к отдаленному феодализму, подобно тому,

---

* "Труды 3 съезда коммунистической партии Турк. республики", Ташкент, 1919 г., стр. 26.

** "Труды", стр. 28.

как представляла такую же картину и Россия в самом недавнем прошлом перед февральской революцией".* Из всего этого делается вывод, что нужно относиться с большой осторожностью... *к средней буржуазии.* Никакого анализа *особого типа колониальных отношений* не было. Не было дано принципиального указания на *разницу в положении* между нацией господствующей и угнетенными нациями. Вместо этого на съезде разыгрался удивительный спор о том, можно ли наделить мусульманскую бедноту званием пролетариата, со всеми вытекающими отсюда правами.

Мусульманские делегаты объединились вокруг Кобозева, как "представителя центра": Кобозев, идя по линии наименьшего сопротивления, не пошел дальше общих мест.

Само собой разумеется, что колонизаторы избрали предметом своей травли тов. Кобозева не потому, что позиция его была путанной, а потому, что в лице мусульманской оппозиции на съезде они увидели прямое покушение на свои "суверенные права". На этом играл и бывший член "Союза Михаила Архангела", Успенский. Этим была вызвана и "отставка правительства", заявившего, что при создавшемся положении оно не в состоянии работать. На этом основывалась и позиция Казакова, ультимативно ставившего вопрос о хлебной монополии в расчете на то, что мусульманские делегаты восстанут против новой вакханалии самочинных обысков, реквизиций и насилий. В этом была причина вмешательства Гриднева от имени ташкентского Совета, "от имени 120000 ташкентских пролетариев", грозившего роспуском партийному съезду. Колонизаторы всячески старались довести дело до разгона партийного съезда и арестов его членов.

Это – опять-таки иллюстрация "самобытного" развития Туркестана! Столкновение на съезде было подготовле-

* "Труды", стр. 30.

но борьбой между Краевым Комитетом партии, во главе которого стоял Солькин, и Краевым Мусульманским Бюро. На съезде власть столкнулась с партийной организацией. Прения имели отвратительный вид лично- групповой склоки. Склока продолжалась и после съезда. На съезде были приняты все резолюции "кобозевской" группы, постановлено было всюду организовать *мусульманские национальные секции* при партийных организациях, был избран Краевой Комитет в составе Кобозева, Рыскулова, Бернадюка, Сорокина, Апина, Тоболина, Солькина, Эффендиева, Алиева, Незамеддин-Ходжаева и Ермолова. Однако "парламентская" победа далеко еще не означала действительного поражения колонизаторов, которые опирались на партизанщину, на "истинно-русский" шовинизм и примазавшихся кулаков и чиновников. Это было подтверждено заявлением группы мусульман – делегатов съезда в числе 76 человек, которое гласило: "Мы, мусульмане делегаты, собравшиеся на 3 съезде Р.К.П. Турк. республики, категорически просим 3-й съезд принять меры против того, что Следственными Комиссиями производятся аресты активных мусульманских работников, и Следкомы принимают материалы от разных кишлачных баев, а также и от чиновников, бывших волостных правителей и беспартийных инструкторов земельно-водных комитетов, где все чиновники и прапорщики, которым очень нравится угощение баев, за что им желательно взять в свои руки власть и передать таковую в руки баев, чтобы угощения продолжались дальше. Делают доносы в Следкомы, которые производят аресты активных работников-мусульман, не разбирая их дела по 3 и 6 месяцев; в отсутствие активных работников в советской власти и пользуясь свободным временем, баи захватывают власть и потому в мусульманских деревнях власть часто оказывается в руках буржуазии".*

---

* "Труды", стр. 265.

Прорыв оренбургской пробки, на этот раз окончательный, приближался. К 7 сентября полный разгром колчаковской армии уже стал фактом. Красными войсками центра была занята Эмба. Перебежчики переходили тысячами. Соединение Туркестана с Советской Россией было вопросом нескольких дней.

С приближением этого момента конфликт между самобытным туркестанским колонизаторством и политикой центра должен был все более и более обостряться. После 3 съезда коммунистов он принял форму ожесточенной борьбы между Крайкомом, во главе которого встал Кобозев, и Турциком, возглавлявшимся все еще Казаковым. 12 июля из Москвы была получена от Ц.К.Р.К.П. радиограмма следующего содержания: "Ц.И.К. Советов Турк. республики и Краевому Комитету Коммунистов. – на основании принятой восьмым съездом программы коммунистической партии, в интересах проведения политики рабоче-крестьянской власти на Востоке, необходимо широкое пропорциональное населению привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями. Прекратить реквизицию мусульманских имуществ без согласия краевых мусульманских организаций; избегать всяких трений, создающих антагонизм. Надеемся, что передовой революционный кадр Туркестана – русский пролетариат – исполнит свой революционный долг, примет все меры к осуществлению намеченной центральной властью цели и не причинит затруднений к ее проведению. Сообщите об исполнении Ц.К.Р.К.П.".* В старом Ташкенте Краевым Бюро мусульманских организаций Р.К.П. был собран митинг с участием членов Крайкома и на нем было вынесено решение о необходимости переизбрать президиум

* "Известия", 28 сентября 1919 г.

Турцика (Казаков – Успенский!), произвести выборы на 8 съезд Советов на основе пропорционального представительства и поручить Краймусбюро привлечь мусульманскую интеллигенцию к подготовке 8 съезда. По этому случаю 20 июля было устроено объединенное заседание Турцика, Крайкома, ташкентского Исполкома, Реввоенсовета, ташкентского Комитета партии, центрального Совета профсоюзов, ташкентского Союза профсоюзов и Краевого Бюро мусульманских организаций, на котором колонизаторы добились того, чтобы было постановлено "резолюции (Ц.К.Р.К.П.!) по краю не оглашать; общенародных митингов не устраивать".* В Ц.К. махнули радио: "Постановление Ц.К. партии о пропорциональном представительстве Туркестана вообще (?!), а не пролетариата (?!!) для лучшего проведения в жизнь нашей восточной политики вызывает недоразумения и затруднения, так как в правительство войдут по этому принципу все деклассированный элементы и явные по существу противники советской власти и принципа (!) социальной революции.

Постановлено (!) – будет сначала учредиловка, а затем и более худшее, как это было уже в Ашхабаде.

"Принимая во внимание (!), что данный вопрос имеет огромное значение, а в особенности для Туркестанской Советской Республики и может быть грозит последствиями для Советской власти в Туркестане и окончательно лишит возможности иметь какое-либо наше влияние на Востоке. – Ввиду чего просьба экстренно дать подробную информацию и инструкцию по существу данного вопроса № 675. Председатель Турцика Казаков, секретарь Турцика Теодорович".**

"Генеральный бой" произошел на 8 съезде Советов и 4 съезде коммунистов, заседавших в сентябре 1919 г. Са-

---

* "Известия", 28 сентября 1919 г.

** Там же.

мым боевым пунктом порядка для съезда Советов был доклад представителя Турцика, Казакова – 2 июня был издан декрет о хлебной монополии. – "Издав 2 июня декрет о хлебной монополии, Ц.И.К. предписал опираться (!) на комитеты бедноты, для организации которых приняты спешные меры".*

Этот декрет послужил первым яблоком раздора на съезде. Туркестанские комбеды быстро обнаружили свою русско-колониальную сущность, закрытие же всякой вольной торговли в стране мелкого производства по преимуществу, без обеспечения коренного населения необходимыми продуктами, привело к широкому возмущению в туземных кругах. – Рабочий – мардикер оказался лишенным даже той традиционной "лепешки", которая была до сих пор главным предметом его питания. Но об этом мало думали. – Вот извлечение из протокола съезда: *Файзуллин* "Тов. Казаков говорит, что хлебная монополия должна была проводиться в жизнь через соответствующие краевые организации. В Ташкенте имеется Мусульманское Бюро коммунистической партии, но там до напечатания в газетах декрета о хлебной монополии ничего не было известно".

Казаков. – "Для меня, как для коммуниста, нет национального вопроса(!). Я никогда не подчеркивал вам, что в Туркестане 95 % мусульман и только 5 % русского населения. Помните всегда, что именно на почве национальной розни (!) контр-революция и провокация делают свое подлое и грязное дело".**

Казаков был недостаточно подготовлен к тому, чтобы определять политическую линию. Всем заправлял Успенский. Цинизм этого господина доходил до Геркулесовых столбов.

---

* Завещание Казакова в заседании съезда от 9 сентября. – "Известия", 12 сентября.

** "Известия", 13 сентября. Заседание 10 сентября. Намек на т. Кобозева.

Когда он был запрошен на съезде, почему киргизы Перовского уезда откочевали в горы (спасаясь от неистовств перовского самодержца Гержотта), то на это последовал классический по своей простоте ответ: "да, Турцику известно, что кочевое население не стоит на месте, а кочует!"*

Кобозев в связи с радио от Ц.К. поставил вопрос о партийной дисциплине. Одновременно было разоблачено *нежелание* темных элементов, группировавшихся около Турцика, *итти на соединение с центром.*

Взят был Мерв. Хотели там закрепиться, а пошли дальше, взяли Ашхабад, и на этом не остановились. На Актюбинском же фронте, в это время, туркестанская Красная армия терпела поражение за поражением. Это как будто никого не беспокоило.

Колонизаторы выступали под флагом так называемой *"активной группы".* Их опорой была "власть на местах" – Приводим отдельные штрихи этой "власти". – Заявление бывшего председателя Сыр-Дарьинского областного Совета: "Если говорить о власти в уезде (Чимкентском), то – если можно так выразиться – там скорее всего *"пьяная власть".* Распоряжений центра там никто не читает, никто ими не интересуется и не заботится о проведении их в жизнь. Никакой связи уездного исполкома с волостями не существует и 250-тысячное население уезда представлено своей собственной участи. Приблизительно в таком же точно положении находится и соседний Аулие-Атинский уезд". Верненский уезд: "Развито слишком изготовление самогонки, – и пьянство процветает.

В состав уездного исполкома входят 20 человек, из коих один только мусульманин. Мусульмане вообще от вхождения в Совет уклоняются, боятся (!) итти к власти". В Семиречьи вообще есть партия, но нет коммунистов".** Кто

* "Известия", 13 сентября 1919 г.

** "Известия", 26 сентября 1919 г. Статья "Власть на местах".

входит в партию, об этом свидетельствует откровенное признание "комитетчиков"-кулаков на 3-м съезде коммунистов – в том, что "члены комитета выписывают себе "для поддержания хозяйства" по 7000 рублей".*

Легко понять, что в умах представителей такой "власти на местах" всякое требование коренного населения к власти должно было вызывать бешенную классовую злобу. Не видя перед собой мусульманской бедноты и рассматривая все коренное население как единый объект эксплоатации, они, естественно, всякий намек на национальное самоопределение этих масс считали возвратом к Учредиловке. За почти двухлетнее изолированное существование Туркестана на поверхность поднялась вся муть и грязь старой колониальной политики. Поскольку лучшие силы немногочисленного русского пролетариата были отвлечены борьбой на фронтах, эти примазавшиеся не могли встретить сопротивления даже в простом чувстве классовой... брезгливости. 8-й съезд Советов дал наказ новому Турцику, куда прошло уже большинство мусульман, "целиком подчинить свою деятельность руководящим указаниям третьего Интернационала восьмого Всероссийского и третьего Туркестанского партийных коммунистических съездов и их исполнительных органов.**

Закаспийское правительство было свергнуто, Колчак разбит, – политическое поражение колонизаторства стало неизбежным.

Наряду с этим и "кобозевщина", пытавшаяся подменить принципиально-интернационалистскую политику личным прожектерством и бесформенным блокированием со всеми "мусульманскими элементами", должна была отойти в прошлое.

Заключительным аккордом колонизаторской эпопеи

---

* "Труды 3 съезда", стр. 93.

** ! "Известия", 9 октября 1919 г.

была Джалал-Абадская авантюра. Падкое до сотрудничества со всякими колонизаторскими элементами, Туркестанское правительство старого состава разрешило формирование особой крестьянской армии в русско-кулацком Джалал-Абадском районе. Во главе штаба этой кулацкой армии встал белогвардеец Монстров. Когда началось проведение хлебной монополии, эта "армия" восстала и вступила в союз с басмаческим вождем Мадамин-Беком, заключив с ним формальный договор.

Общей платформой была признана Учредилка. Однако, конечно, не в ней лежала основа этого союза. Основой была общность классовых интересов баев-полуфеодалов, полубуржуа с русскими кулаками-переселенцами. Новые веяния в рядах Советской власти и соединение Туркестана с центром были одной из побудительных причин такого "интернационального" объединения. И после не раз кулаки умели устраиваться в басмаческих рядах, оставляя за собой даже свои кабальные права на эксплоатацию мусульманской бедноты! — "Шайка Мадамина и отряды крестьянской армии в первых числах сентября окружили город Ош, разобрали железнодорожный путь между Андижаном и Джалал-Абадом, где находилась штаб-квартира крестьянской армии и, наконец, появились между Андижаном и Скобелевым, разбирая сразу в нескольких местах путь и нападая на железнодорожные станции и посты.* Джалал-Абадские повстанцы в сравнительно короткий срок были разбиты. Басмачи же остались, будучи в большей степени "почвенным образованием".

---

* "Известия", 19 октября 1919 г. Ст. "Конец Джалал-Абадской авантюры".

VI

ЛИКВИДАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО НАСЛЕДСТВА И СОВЕТСКАЯ АВТОНОМИЯ.

Соединение Туркестана с центром неизбежно должно было повлечь за собой, во-первых, решительную перемену политического курса, во-вторых, коренную перестройку всего советского аппарата. Российскому пролетариату был нужен свой полномочный орган в Туркестане, который бы взял на себя руководство ликвидацией колониального наследства и практическое объединение советского строительства в Туркестане с советским строительством во всей федерации. Для этой цели была учреждена комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. по делам Туркестана и ей, наряду с советскими полномочиями, были даны и партийные права.

Новые веяния были принесены уже российской Красной армией, пришедшей в Туркестан из центра. — 3-я конференция коммунистических ячеек 1-й армии туркестанского фронта при самом наступлении российских рабоче-крестьянских войск на территорию Туркестана, постановила: "1) По прибытии в Туркестан войти во все партийные и советские учреждения Туркестана для направления партийной и организационной работы, согласно постановлений Ц.К.Р.К.П. 2) Приступить к исправлению политики турке-

станских товарищей, привлекая к советскому строительству среднее русское крестьянство* и *туземное население вплоть до мелкобуржуазных классов.* 3) Направить все усилия для привлечения мусульманства на сторону Советской власти, для чего повести усиленную работу среди членов партии и через них среди товарищей красноармейцев в духе твердого проведения партийной линии. Среди населения необходимо приступить к устной и письменной агитации путем перепечатки декретов, партийных постановлений, заявлений лидеров партии, статей и речей тов. Ленина и Сталина и др., писавших и говоривших по национальному вопросу. 4) Повести широкую агитацию путем печати о грабительской империалистической политике Англии в ее колониях, где под игом цивилизованных разбойников стонет мусульманское население Востока. 5) Повести кампанию за *развитие кустарной промышленности и кооперативного строительства* в Туркестане. 6) По прибытии представителей центральной власти в Туркестан немедленно декларировать о правах и обязанностях граждан, точно установив *границы национализаций и конфискации,* чтобы создать прочную базу для дальнейшей экономической политики. 7) Образовать немедленно бюро жалоб и принять меры против всех притеснителей середняка, беднейшего крестьянства и дехканства. 8) Оказать всемерную поддержку революционному движению в соседних с Туркестаном странах".**

Туркомиссия, в состав которой были назначены т.т. Елиава, Фрунзе, Рудзутак, Куйбышев, Бокий и Голощекин, частью приехала в Ташкент в ноябре 1919 года, частью позже. Начинать перестройку приходилось с азов, с проведения в жизнь решений Р.К.П. о дисциплине в армии, об отмене выборного начала, об использовании военных специа-

---

* Это уже неразборчивое усердие новичков!

** "Известия", 9 декабря 1919 г.

листов, с установления отчетности всех советских ведомств, с ликвидацией всякого рода туркестанской отсебятины. Ввиду того, что на месте буквально не за что было уцепиться, нужно было опираться на организационный военно-хозяйственный и политический аппарат российской Красной армии, пришедшей в Туркестан после прорыва оренбургской пробки. Чуть не каждый профессиональный союз и почти все без исключения комиссариаты имели свои аппараты снабжения, которые конкурировали между собой на вольном рынке. Поэтому одной из первых мер Туркомиссии было упразднение всех этих самостийных заготовительных органов и усиление красной продовольственной директории силами продовольственной комиссии туркестанского фронта.* При Центральном Совете Народного Хозяйства был создан отдел военных заготовок. Существовавший доселе самостоятельный Комиссариат иностранных дел Туркестанской республики был упразднен и заменен Отделом внешних сношений при Туркомиссии. Так как Туркестанская Чрезвычайная Комиссия – Турчека до сих пор служила, главным образом, орудием лично-группового соперничества и вместо борьбы с контр-революцией в ней заводились дела против неугодных лиц, вся чрезвычайная карательная деятельность волей-неволей сосредоточилась в особом отделе туркфронта.

Изолированное государственное хозяйство Туркестана, сложившееся за время обособленного существования Туркестана, нельзя иначе характеризовать, как *анархическое* эмиссионное хозяйство. Печатный станок едва-едва поспевал изготовлять туркестанские боны. Никакого плана в распределении средств не было. Каждое ведомство старалось заполучить побольше туркбонов, чтобы пустить их в оборот на вольный рынок. Ни о контроле, ни об отчет-

---

* Постановление Туркомиссии и Турцика. "Известия", 25 ноября 1919 г.

ности не было речи. Заготовительная деятельность органов снабжения сводилась к случайным реквизициям и спекуляции. Вот краткая табличка, указывающая на рост цен на продукты питания в Туркестане в различные периоды.*

	Вздорожание за один год в процентах	Вздорожание с 1914 года в процентах
К концу 1915 года	41%	41%
" 1916 "	135%	232%
" 1917 "	466%	1770%
" 1918 "	149%	4560%
" 1919 "	1065%	58800%

Этот чудовищный рост цен был прямым следствием той политики, которую можно было бы определить щедринской формулой: La politique – jamais! Toujours "ура!"** Печатали деньги не только в Ташкенте, "свои" деньги были в Кизил-Кийских копях, свои в Семиречье, где они гарантировались "всеми имеющимся на складах облисполкома запасом опиума".

На 3-й туркестанский краевой конференции Р.К.П. тов. Рудзутак так описывал положение в Туркестане ко времени соединения его с центром: "Комиссариат путей сообщения имеет свое народное хозяйство, свои фабрики и заводы. Горнозаводские рабочие заняты не только своей отраслью промышленности, но имеют также мыловаренное , текстильное и кожевенное производства. Тот орган, который фактически должен был бы руководить народным хозяйством, здесь расстраивал народное хозяйство. Если посмотреть по отделам, то результаты окажутся плачевными: кро-

* "Народное хозяйство Туркестана" № 3, 15 февраля 1920 г.
** "Политика? – никогда! Всегда ура!"

ме развития спекуляции, кроме неимоверно громадного количества чиновников, кроме канцелярской волокиты, ничего для организации народного хозяйства он не сделал. Совет народного хозяйства тратил на разные расходы десятки миллионов рублей, и, как оказывается, эти деньги находятся еще по карманам уполномоченных и разных агентов. На руках этих агентов сейчас находится 11 миллионов рублей, и за все время своей работы они купили не более 500 пудов товару.

Может показаться, что вся политика, все усилия были направлены здесь к тому, чтобы всячески препятствовать увеличению посевной площади. Сгонялись с земель целые кишлаки, население которых фактически обрабатывало земли, до сих пор не засевавшиеся, и на их места садили других, не обрабатывающих эти земли". Тогда как в центре раньше был организован государственный аппарат снабжения, а потом уже была уничтожена частная торговля, в Туркестане "прежде всего уничтожили частную торговлю, а потом только стали организовывать государственный аппарат снабжения".* И так далее, и тому подобное. Изолированное туркестанское государственное хозяйство по своим *колониальным* особенностям было близко к организации *феодального типа*,. Это сказывалось не только в "красногвардейской атаке"на мусульманские старые города, кишлаки и аулы, но и во взаимоотношениях между отдельными профессиональными группами рабочих, воинскими отрядами, отдельными Советами и даже отдельными комиссариатами: каждый действовал как "владетельный феодал". Чарджуйский Совет установил налог за проезд паровозов по Чарджуйскому мосту через Аму-Дарью. Жлобинский полк брал контрибуции не только с "непокорного" населения, но и... с Советов.

Уничтожить эту *феодальную анархию*, выросшую на по-

* "Народное хозяйство Туркестана", № 3, 15 февраля 1920 г.

чве колониальных отношений под фирмой Советской власти, было насущнейшей проблемой и первейшей задачей Туркомиссии.

Вполне понятно, что реорганизация армии, привлечение специалистов, перестройка хозяйственного аппарата, уничтожение былой самостийности и партизанщины вызвало бешенную злобу против "центровиков" со стороны примазавшихся авантюристов, которые попытались привлечь к этой травле и отсталые элементы рабочих. В особенности им было легко это делать, раздувая "истинно-русский" шовинизм.

Какие местные силы могла привлечь себе на помощь Туркомиссия на первых же порах? Среди *русского* населения, не исключая и рабочих, и даже коммунистов, отношение к новому политическому курсу было *полувраждебное.* Соединение с центром приветствовали, как избавление от контр-революции. Первые встречи были полны неподдельной радости. Однако стоило только людям увериться, что в Туркестане, составляющем *часть* советской федерации, не может уже больше проводиться старая политика протежирования русского населения, как они быстро отхлынули от тех, кого только что приветствовали и возносили "в стихах и прозе". По углам "истинно-русские" "советские" чиновники стали плести вздор о "советском империализме". Кое-где начали ворчать о "старом режиме". Последние могикане партизанщины видели в подлинном советском режиме чуть ли не "контр-революцию". Тут не бесполезно напомнить об одном трагическом факте в Семиречьи. В 1919 году из центра в Семиречье прилетел на аэроплане через фронт летчик-коммунист, тов. Шавров. Через четыре дня после его прибытия он был судим в церкви пятитысячным "красноармейским"митингом семиреченских кулаков и тут же растерзан. Его обвинили в том, что он — "белогвардеец", так как он сразу же заявил, что в качестве командующего фронтом, назначенного из центра, он не допустит больше выборов командного состава. Эти пар-

тизанско-кулацкие взгляды были распространены не в одном Семиречьи. Ташкентские железнодорожные мастерские определенно не хотели расставаться со своим суверенным положением в республике. Такие же "автономистские" устремления господствовали на Кизил-Кийских копях, в Байрам-Али и т.д. Еще по пути в Ташкент Туркомиссии пришлось захватить с собой Гержотта, так как он все еще свирепствовал в Перовске.

Поддержку своей последовательно-международной политике в Туркестане российский пролетариат мог получить только из среды угнетенных. Киргизам, узбекам и туркменам нечего было терять от ликвидации колонизаторской партизанщины, приобретали же они с соединением с центром реальную опору для свободы национального развития.

Но эта среда была далеко не организована. До сих пор в революции она была страдающей стороной и, конечно, вследствие этого не могла выделить надежных революционных кадров. "Красногвардейская атака" всей тяжестью своей ложилась на бедноту, она вызывала неизбежную и законную националистическую реакцию, которая еще дольше привязывала киргизскую, узбекскую и туркменскую бедноту к своим мананам, баям и улема. Баи, волостные "минбаши", сельские старосты – "думы", ростовщики-торговцы и бывшие переводчики при приставах и уездных начальниках, с помощью подкупа, взятки и прислужничества, могли еще обезопасить себя от колонизаторской власти, заняв какой-нибуд, административный "советский" пост и назвавшись председателем волостного или членом уездного или даже областного Совета. У бедноты этого выхода не было. По этой причине, еще при колонизаторской власти – в Советы, которые тогда в глазах туземной бедноты были обыкновенными полицейско-фискальными органами русской власти, проникли эксплоататорские, хищнические элементы. Те, кто заставлял население выполнять полицейские повинности при царизме, оказались на своих местах и

при Советской власти! Колонизаторам, при случае проявлявшим лицемерную заботу о "меньшем брате", не нужны были подлинные руководители туземной бедноты, равноправные с ними товарищи. Им нужны были *переводчики и полицейские исполнители.* Для этой службы баи были самым подходящим элементом. Таким образом, колонизаторская политика создавала определенный классовый подбор в органах власти на местах, – в старых городах, кишлаках и аулах, – не давая организовываться бедноте под градом беспорядочных реквизиций, конфискаций и насилий и позволяя баям свободно брать с бедноты в увеличенных размерах то, что они должны были отдавать Советской власти.

Новые элементы, ставшие группироваться вокруг Краевого Мусульманского Бюро, отнюдь не были представителями мусульманской буржуазии как таковой. Это были представители – отчасти киргизской, отчасти узбекской – *национальной интеллигенции,* как Рыскулов, учитель, Турсун-Ходжаев – один из виднейших "джадидов" в Туркестане, Незаммедин Ходжаев, бывший рабочий печатник – "джадид" и т. д. Их ряды были усилены представителями татарской и турецкой* интеллигенции. Это была та национальная интеллигенция, которая, убедившись на опыте в невозможности осуществления национальной автономии киргиз и узбеков *помимо* Советской власти, пришла к сознанию необходимости сделать "пришлую" Советскую власть орудием национального самоопределения. – "Если в трагедиях, происходивших в Туркестане, – говорил Рыскулов на 3-й краевой мусульманской конференции Р.К.П. – виновны, с одной стороны, мятежники, которые пачкали знамя пролетариата кровью угнетенных народов, то, с дру-

* Бывшие военнопленные турецкие офицеры, наиболее видным из которых был член турецкой коммунистической партии, комиссар Турк. республики, Эффендиев.

гой стороны, *историческая ответственность возлагается на прежних руководителей народа – на интеллигентных баев и фанатиков-мулл-улемистов.* Теперь тюркские коммунисты должны исправить ошибку истории, в частности, туркестанского народа. Представители трудящихся тюрков, истинные революционеры, объединенные под красным коммунистическим знаменем, образуют единую коммунистическую организацию. Тюркские коммунисты защитят не только интерес фабрично-железнодорожного пролетариата, но считают своей обязанностью обеспечить культурно-экономические нужды тех народов, которые живут на протяжении тысячеверстных песчаных степей и в кишлаках, войдя в их среду. "Товарищи! Когда возвратитесь по местам, объясняйте массам взгляд социальной революции на их права и обязанности. Объясните народам, что права трудящимся одними словами-теориями нельзя завоевать. Организуются тюркские войска, пусть записываются в ряды социалистической красной армии".*"Трудящиеся тюрки", – объяснял Эффендиев на той же конференции, – "записывайтесь в партию, борясь всеми силами против грабежей и бедствий".** Нужно было в рядах господствующей партии противопоставить колонизаторам организованную силу, которая бы представляла интересы мусульманских масс. Поэтому, несомненно, резко расходилось с истиной заявление колонизаторского Турцика в телеграмме Ц.К.Р.К.П. и В.Ц.И.К. во время 8 съезда Советов, что "мусульманская секция партии включает в себе (!) бывших торговцев, переводчиков, руководящих остальными при полном отсутствии интеллигентных партийных сил. За лозунгом партии, *при отсутствии других партий,* идут младо-сарты, не имеющие по существу представления о нашей партии".*** Тор-

* "Известия", 5 февраля 1920 г.

** Там же.

*** "Известия", 14 октября 1919 г. "Пропавшая грамота".

говцы и переводчики были вольными и невольными протеже колонизаторов, которые, "не признавая наций", особенно свирепо обрушивались на национальную интеллигенцию угнетенных народов. Именно они создали то положение, когда "при отсутствии других партий", вследствие невозможности иным образом выявить волю угнетенных масс к национальному самоопределению и даже просто отстоять свои интересы, все должны были стремиться в ряды коммунистической партии, которая при колонизаторском режиме превратилась... в своего рода Ноев Ковчег, где было гораздо больше "нечистых пар", чем "чистых"! Партия была ареной непрерывной борьбы лично-групповых интересов, за которыми скрывались и интересы "столыпинского помещика", и интересы бая, и интересы бывшего чиновника, и интересы отсталого русского рабочего, желающего все получать за счет коренных народов.

"Вместе с дальнейшим развитием товарного производства у народа возникает потребность в классе интеллигенции, говорящей на ее родном языке, в национальной интеллигенции, и эта потребность в языковой культуре выливается в потребность в национальной по форме культуре, хотя бы содержание ее было самым что ни на есть интернациональным. И если у нации возникает потребность в национальном классе интеллигенции, то у этого класса, в свою очередь, вырастает *потребность в великой образованной нации".**

Революция застала в Туркестане процесс национального самоопределения угнетенных народов только в *самом его зачатке.* Колонизаторская политика самобытной туркестанской "Советской власти" не ускорила его, а наоборот, задержала, затормозила. Отсюда совершенно естественно вытекало стремление немногочисленной киргизской и узбекской интеллигенции создать из угнетенных народов Во-

* К. Каутский. "Национальные проблемы", рус. пер. 1918 г., стр.49

стока единую силу, *единую нацию – тюрков,* опираясь фактически на средневековую духовно-религиозную общность мусульманства. Эта националистическая утопия была прямо навеяна бывшими турецкими офицерами во главе с Эффендиевым, которые, попав в Туркестан в качестве военнопленных российского империализма, постепенно захватили в свои руки все дело просвещения мусульманских масс. По существу, эта националистическая утопия представляла собой ничем неприкрытый *пантюркизм.* В резолюции 3-й краевой мусульманской конференции "об автономии и конституции Туркестана" это было выражено следующим образом:

"В интересах интернационального объединения трудящихся и угнетенных народов, *провести путем коммунистической агитации идею уничтожения стремления тюркских народностей делиться по существу и по названию на татар, киргиз, башкиров, узбеков и т. д. и составлять отдельные мелкие республики, а объединить в целях сплоченности и привлечения других тюркских народностей, не входящих в состав Р.С.Ф.С.Р., вокруг Тюркской Советской республики,* а где невозможно этого добиться – объединения отдельных тюркских народностей между собой по своим территориальным расположениям".*

Этот план, как две капли воды, был похож на план создания "революционной федерации" славянских народов, предложенный в свое время анархо-славянофилом М.А. Бакуниным. – "Панславизм, – писал Бакунин, – это вера и уверенность в будущности славян; мы, славяне, составляем свой собственный мир, мир, который тысячу лет был угнетаем разными врагами, и все-таки не был уничтожен; мир, который был разрываем на части посторонними народностями, но все-таки соединился под одной формой по

* "Известия", 5 февраля 1920 г. Пункт 6-й резолюции.

инстинктивному чувству братства".* Так же, как и панславист Бакунин подменял *международное* объединение трудящихся объединением славян, пантюркисты подменяли это интернациональное объединение пролетариев всех стран и угнетенных народов всего мира объединением тюрков, связанных на деле только общим происхождением и средневековой духовно-религиозной общностью — Исламом. Младотурки пытались восстановить панисламизм на светской основе в форме пантюркизма. Здесь предлагалось обновленное, "коммунистическое" издание пантюркизма, столько же далекого от жизненных интересов киргизской, узбекской и туркменской бедноты, — не говоря уже о татарах и башкирах, — сколь далек был от них Константинополь. Коммунизм должен был стать орудием националистической утопии, родившейся *на почве интеллигентского бессилия.*** В то же время эта националистическая утопия шла вразрез с требованием национально-культурного самоопределения киргиз, туркмен и узбеков. Историческое деление тюрков на татар, киргиз, башкир, узбеков, туркмен и т. д. объявлялось "искусственным делением" и все стремления к подлинно-*национальному* самоопределению татарских, киргизских, башкирских, узбекских и туркменских масс признавались "неправильными" с точки зрения якобы национального единства всех тюркских народов. Практически это сводилось к замене узбекского, киргизского и других языков "интернациональной" смесью турецких и татарских слов, к отказу от развития национальной культуры, к искусственной тюркизации школы. В период пребывания Эффендиева комиссаром народного про-

* Цитировано по книжке В. Полонского. "Михаил Александрович Бакунин", Москва, 1920 г., стр. 30.

** Впервые это разоблачение пантюркизма резолюции 3-й конференции было сделано политическим отделом инструкторского поезда В.Ц.И.К. "Красный Восток" в начале марта 1920 г.

свещения это выразилось в введении военной турецкой муштровки и турецких песен и маршей во всех школах, в насаждении всюду турецких учителей из бывших военнопленных, в официальном запрещении вводить новую орфографию и в прямом поощрении религиозной пропаганды. 3-я краевая мусульманская коммунистическая конференция и 5-я краевая конференция Р.К.П. постановили признать Туркестанскую республику – республикой тюркских народов и туркестанскую коммунистическую партию – тюркской коммунистической партией. Инициаторы этих предложений стремились сделать отсталый Туркестан очагом национальной концентрации всез тюркских народов, живущих в пределах Р.С.Ф.С.Р., и в этом сказывалось не только желание избавиться от туркестанских доморощенных колонизаторов, но и совершенно определенное недоверие к центру Р.С.Ф.С.Р., к российскому пролетариату в целом. Именно поэтому Эффендиев предлагал "оставить *внешнюю политику* на усмотрение туркестанского правительства".* Единая республика всех тюркских народов, входящих в Р.С.Ф.С.Р., должна была, по мысли ее защитников, служить сильным противовесом "Москве". Об этом не говорилось, но это подразумевалось и это было вскрыто дальнейшим ходом событий.

Положительное значение 3-й краевой мусульманской коммунистической конференции и 5-й краевой конференции Р.К.П. заключалось в идейном "разоружении" колонизаторства. В свое оправдание колонизаторы могли заявлять только одно, – что "причиной их ошибок было отвлечение всего внимания туркестанских коммунистов к фронтам и *некогда было заниматься туземцами*".** Увы! Большего они уже сказать не могли. Им оставалось лишь оправдание и самозащита!

---

* "Известия", 5 февраля 1920 г.

** Заявление Килячкова. "Известия", 25 января 1920 г.

Конференции высказались за слияние мусульманских и русских организаций в единую партию с национальными секциями для пропаганды и агитации среди меньшинств. В резолюции о работе в деревне было подчеркнуто различие условий работы среди кочевников, оседлого населения и русских переселенцев.

Новый краевой комитет, секретарем которого был выдвинут Турсун Ходжаев, занялся сразу же выработкой тезисов по всем основным вопросам туркестанской советской политики. Были приняты "тезисы о Фергане", "тезисы о Семиречьи", о земельной политике, об экономической политике и т. д. Было признано, что "нельзя ставить успех революционизирования и расслаивания мусульманских масс в зависимость от чистоты принципов и формы Советской власти и социалистической революции, а наоборот, необходимо настолько видоизменить эти формы, чтобы они наиболее соответствовали характеру и стремлениям национально-демократического и классового движения этих масс".* Было решено, что хлебная монополия должна проводиться со всей неуклонностью только в русских районах, среди же мусульманского населения, она должна заменяться прогрессивным процентным отчислением с получаемого урожая, так как по шариату допускается отчисление в пользу бедных до десяти процентов.** Захваченные у трудового дехканства земли было постановлено возвратить прежним владельцам.

Также было указано на необходимость спешной организации кустарных артелей и кооперативов для объединения кустарей-полупролетариев и трудовых дехкан.

Однако нужно было не только решать. Нужно было действовать. Через кого же приходилось действовать? Об

---

* "Резолюция и инструкции Турк. крайкома Р.К.П. 5-й сессии". Тшк. 1920 г., стр. 25.

** Там же, стр. 29.

этом говорят цифры и факты. На совещании председателей партийных комитетов в мае 1920 года Ферганский областной комитет представил следующие данные о социальном составе организаций: по всей области – рабочих 6 %, крестьян – 12 %, "прочих" (!!) – 82 %. – В Андижане – рабочих 18 %, крестьян 3 %, "прочих" – 72 %. В Коканде – крестьян 26 %, рабочих 8 %, "прочих" элементов 66 %.* Представленные на 7-й уездно-городской конференции Ферганской (Скобелевской) организации Р.К.П. – 792 члена (осенью 1920 г.) распределялись таким образом:

	мусульман	европейцев
рабочих	153	269
дехкан-крестьян	20	19
"лиц интеллигентного труда"	73	258
	246	546

В Сыр-Дарьинской области осенью 1920 г. насчитывалось 22522 члена партии. Можно себе представить, каков был их состав!

Еще более ужасающую картину "сотрудничества" самых разнообразных элементов давали органы власти. Здесь можно было найти и попа на должности продовольственного комиссара (Пишпек), и охранника на посту блюстителя советской законности (Катта-Курган), и уголовного громилу, и профессионального разбойника на посту начальника рабоче-крестьянской милиции (Кадыров в Самарканде, расстрелянный по постановлению особого отдела туркфронта). Работа агитационно-инструкторского поезда В.Ц.И.К. "Красный Восток" ("Кзыл-Шарк"), занимавшегося около полугода чисткой этой местной "власти" и организацией мусульманской бедноты, дала богатейший мате-

* "Известия Турк. Краевого К-та Р.К.П.", 23 июня 1920 г. № 1.

риал в этой области и показала, насколько было призрачным завоевание власти мусульманской интеллигенцией *на верхах.* Изменение политического курса на местах отразилось лишь в смысле некоторой "передвижки власти" от колонизаторских элементов к мусульманским эксплоататорским верхам. Колонизаторская уголовщина причудливым образом сплелась с байскими интересами. Под советскую крышу были перенесены все методы феодально-ростовщической эксплоатации и классового угнетения. Несколько изменился личный состав носителей власти, остались старые формы полицейско-фискальной организации.

В этом отношении крайне поучительна история с возвратом земель, захваченных русскими колонизаторами у трудового дехканства. На предмет возвращения этих земель был издан декрет № 241. Кто же им воспользовался? — Воспользовались им наиболее экономически сильные элементы — баи и даже русские кулаки. На основании этого декрета, они, опираясь на полную беспомощность Туркестанского комиссариата земледелия, стали поспешно восстанавливать себя в правах, — отнимать свои сады у школ, сгонять со своей земли случайно захвативших ее дехкан-бедняков и т. д.* Такой неожиданный оборот дел позволил колонизаторским элементам выступить против нового Турцика и Крайкома под маской "защитников мусульманской бедноты", что уже совершенно не соответствовало действительности.

Руководящая группа мусульманских работников во главе с т. Рыскуловым, чем дальше, тем больше теряла чувство действительности и тонула в националистическом оппортунизме. Отказ от классовой политики прямо и непосредственно вел к *союзу с торгово-ростовщической буржуазией старых городов, — с байством и через него с улемис-*

* Случайно, так как никто сознательно не стремился передать им эту землю!

тами. Одно время в старом Ташкенте на глазах у всех разыгрывалась самая настоящая вакханалия мракобесия. – Имамы разделили старый город на участки и следили за всеми, кто не посещает мечетей. "Ослушников" приводили в повиновение обливанием водой и помоями при путешествии по улицам.

Взгляды рыскуловской группы были формулированы довольно точно в докладной записке "полномочной делегации Туркестанской республики", ездившей в Москву в июле 1920 года. В этой записке определенно подчеркивалось, что "вся работа по поднятию Востока должна итти *исключительно* через посредство организованных революционных сил мусульманских стран как входящих в состав Р.С.Ф.С.Р., так и невходящих в последнюю. *Только опираясь на их политические и вооруженные силы и посредством их* можно двигаться на Восток". Международная задача классовой борьбы здесь ставилась как исключительно национальная задача тюркских народов, подлежащая их исключительной компетенции. Роль советской России определялась так: "она должна заключаться в организации политических и вооруженных сил трудящихся мусульман, концентрации их на окраинах и снабжения их материальными средствами и оружием". – Этим самым российскому пролетариату в целом отводилась роль скромного союзника национально-буржуазной демократии Востока. Он *изолировался* от всякого влияния на ход внутренней классовой борьбы среди народов Востока.

Само собой разумеется, что это недоверие было плодом долголетнего существования колониального режима в Туркестане. Однако оно неизбежно влекло за собой подмену классовой борьбы националистической дипломатией.

Турккомиссия, все время наталкивающаяся на сопротивление колонизаторских элементов новому курсу, не могла непосредственно опереться на группу сторонников т. Рыскулова. Она должна была вести свою политику, от-

дельную от последней. Следствием этого были постоянные разногласия, складывавшиеся из недомолвок и недоразумений и всегда превращавшиеся в нудный спор о правах и компетенции. Большая организационно-политическая работа тормозилась, задерживалась и просто срывалась. Для ликвидации колониального наследства и осуществления советской автономии нужна была самодеятельность и организация масс, а ее не могло быть там, где не было определенной политической линии, проводимой силами местных работников. Националистическая интеллигенция рыскуловского толка выступала в качестве "средостения" между Туркомиссией и туземными массами. Организацию этих масс она ставила в зависимость от своего *монопольного* положения в мусульманской среде.

Поэтому борьба за национальное самоопределение на деле превращалась *в мелочную борьбу за своих "национальных чиновников" на австрийский манер.** Задачи организации бедноты старых городов и кишлаков отстранялись на задний план. Только усилиями политического отдела поезда В.Ц.И.К. "Красный Восток" удалось провести привлечение кустарей-полупролетариев в профессиональные союзы. До этого времени профессиональные союзы, обслуживавшие, главным образом, потребительские интересы русского населения,** были профессиональными союзами одной лишь русской рабочей аристократии. Кустари и ремесленники-полупролетарии старых городов считались как бы гражданами второго разряда. Никто не думал о том, что в стране карликового мелкого производства именно они должны стать основой новой производительной организации, именно на них должен быть построен план привлечения масс коренного населения к общественному производству.

* Тезисы политода "Красного Востока".

** Все продукты выдавались исключительно по карточкам профсоюзов!

Большую работу по намечению руководящей политической линии произвел съезд политработников туркфронта, собравшийся в начале июня 1920 г. В основу принятой съездом резолюции о партийном и советском строительстве были положени тезисы политода "Красного Востока". Вводная часть их гласила: "В Туркестане, бывшем в течение десятилетий колонией царской бюрократии и великодержавного капитала, до сих пор еще сохранились остатки феодального уклада. Капиталистическое развитие здесь проникло, главным образом, только в область торговли, оставив почти незатронутой область производства. Основная масса населения – трудовые дехканы и кустари – до сих пор еще находятся во власти баев и крупных торговцев, будучи бессильны разрушить оковы двойного – полукрепостнического, полубуржуазного гнета. С другой стороны, царское правительство в Туркестане систематически создавало основу для колониальной эксплоатации в лице русского населения – кулачества и колониальной бюрократии – и, таким образом, постоянно укрепляло почву для национального гнета и неравноправия. Советская власть не смогла сразу ликвидировать этого наследия прошлого. Тонкий слой русских пролетариев, вследствие его отсталости, оказался не в состоянии построить здесь действительно массовый, подлинно интернациональный, централизованный аппарат пролетарского государства. Его основные кадры были тотчас же отвлечены борьбой на фронтах, к власти же примазались, с одной стороны, "истинно-русские" старо-чиновничьи элементы, а с другой стороны, к ней стала примазываться часть имущих верхов местного населения, бывшие переводчики, торговцы и т. д.; другая часть имущих верхов местного населения, под национальными и религиозными лозунгами вступила на путь вооруженной борьбы с Советской властью в лице басмаческих банд.

Благодаря отсутствию массовой классовой борьбы,

отсутствию классовой организации трудящихся масс, Советская власть во многих местах Туркестана и по сие время продолжает быть *достоянием небольших групп,* не способствующих самодеятельности масс. К аппарату Советской власти в таких местах и посейчас почти не привлечены *на деле* ни русские рабочие, ни тем более мусульманская беднота. Даже идейная мусульманская интеллигенция, работающая преимущественно на поприще культуры и просвещения (проявляющая очевидный уклон в сторону националистических предрассудков), так же, как и немногочисленные группы русских и мусульман трудящихся, которые прибавляются к власти – не являются руководящей силой.

Если Туркестану не суждено стать ареной борьбы враждующих между собой феодальных беков и ханов под покровительством английских империалистов, то массовая Советская власть должна здесь осуществиться и укрепиться только на основе национального самоопределения коренных народов Туркестана. Наряду с поставленным в порядок дня широчайшим привлечением массы подлинных пролетариев русских и мусульман (как бы ни малочисленны были кадры последних), нужно поднять к власти широчайшие низы мусульман – полупролетариев, кустарей, не пользующихся наемным трудом, трудовых дехкан и т. д. Необходимо влить струю подлинного самоопределения масс в мертвые пока формы автономии Туркестанской республики". Съезд политработников не ограничился общей характеристикой, но отметил также и особенности всех областей.

В Семиречьи "момент октябрьского переворота застал организованными лишь кулаков-крестьян и казаков, которые, будучи эксплоататорами по существу, не могли составить опоры Советской власти. Кулачество, еще раньше ведшее скрытую борьбу с казачеством за право первенства и монополию на удобные земли и настроенное отчасти против высшей царской администрации, которая больше сим-

патизировала казакам, постаралось использовать октябрьский переворот в своих целях и повело *сословную войну* с казаками под флагом и от имени Советской власти. Эта война дала кулакам-крестьянам перевес почти по всему Семиречью, и таким образом еще более укрепила их господство. Сделавшись господствующим классом, кулаки-крестьяне *окончательно* подчинили себе кочевое население и под видом реквизиций и конфискаций отобрали все лучшие земли. Находясь под впечатлением расправ 1916 года, кочевое население было не в состоянии реагировать на действия кулацких советов и, стараясь выйти из сферы влияния крестьян, забивались в степь.

Таким образом, Советская власть в Семиречьи в большинстве районов еще до сих пор продолжает оставаться в руках кулачества или находится под влиянием кулачества. Бедное и среднее крестьянство и трудовое казачество не имеют своих классовых организаций и идейно находятся во власти кулачья. Мусульманская беднота в советских организациях почти что не представлена. В Советах сидят лишь бывшие волостные переводчики, князьки-манапы.

Коммунистическая партия в Семиречьи на деле является *сборищем кулаков, городской обывательщины* и различных случайных элементов, при очень незначительном проценте действительно коммунистических, подлинно интернационалистских элементов, – фактически здесь под флагом коммунистической партии осуществляются интересы русской деревенской буржуазии. Единственным общественным слоем, который мог бы осуществить Советскую власть в Семиречьи, является мусульманская беднота, в данный момент совершенно неорганизованная и находящаяся частично под влиянием своих князьков-манапов".

В резолюции съезда политработников было определенно указано, что вывод красноармейских частей, укомплектованных из кулаков Семиречья, является обязательным условием проведения коренной ломки старых отношений.

Насколько это указание соответствовало действительному положению дел, показало партизанско-кулацкое восстание в Верном летом 1920 г. Приказ туркфронта о выводе местных частей из Семиречья послужил толчком к открытому контр-революционному восстанию. Верненский гарнизон, подстрекаемый провокаторами, выступил с требованиями снятия продовольственной разверстки, уничтожения Реввоентрибунала, применявшего беспощадную репрессию к кулацко-белогвардейским элементам, установления выборности власти сверху донизу взамен назначенных ревкомов. Общим объединяющим лозунгом был клич – *"против центра!"* Был образован самочинный "боевой совет" крепости, оказавшийся в руках мятежников. К движению присоединилась... местная организация "коммунистов". Восстание было быстро ликвидировано, но оно показало в особенно ярком свете кулацкую подоплеку семиреченской партизанщины.

"Сыр-Дарьинская область (говорилось далее в резолюции съезда политработников) в главных своих чертах сходна с Семиреченской. Большой процент населения Сыр-Дарьинской области выпадает на кочующих киргиз, экономическое положение которых катастрофично. Подвергаясь усиленной хищнической эксплоатации со стороны пришлого крестьянского кулачества, городского чиновничества, а во многих случаях и оседлого узбекского населения, они вполне естественно не смогли создать для себя и при Советской власти мало-мальски сносных условий существования. Положение некоторых уездов в области земледельческого хозяйства самое ужасающее из-за отсутствия сельскохозяйственных орудий, живого и мертвого инвентаря и, главным образом, скудости водных оросительных сооружений, пришедших в ветхость, а во многих местах даже окончательно разрушенных. Скотоводческое хозяйство кочующих киргиз совершенно разрушено, благодаря усмирительной деятельности царского самодержавия (1916 г.),

продолжавшейся под вывеской Советской власти кулаками и примазавшимися. Продовольственный вопрос в области достиг наивысшего напряжения в особенности для кочующего населения. Кулачество продолжает нагло спекулировать на голоде и нищете кочующих киргиз, отказывая в доставке хлеба даже в богатейших производительных уездах – Аулие-Атинском и Чимкентском".

Самаркандская область. – "Подавляющее большинство населения Самаркандской области составляет узбекское и таджикское земледельческое население, занимающееся также во многих местах домашним промыслом. Оно почти не испытывало на себе влияния Советской власти и по-прежнему находится в полной зависимости от баев и улема. Влияние последних в Самаркандской области усугубляется соседством, торговыми сношениями и идейно-религиозным общением с Бухарой, представляющей оплот духовной реакции в этой части Востока".

Описание Ферганы в резолюции съезда вполне совпадало с описанием, данным еще ранее Крайкомом, – главным моментом было выделено басмачество.

Что касается Закаспия, то о нем говорилось так: "Закаспий по своему географическому положению является ареной возможной борьбы между английским империализмом и Советской властью и одним из опорных пунктов для развития революционного движения в сопредельных странах (Персия!). 70 % населения Закаспия составляют туркмены, живущие до сих пор патриархальным родовым бытом. Только половина их оседла и занимается теперь земледелием, другая половина их до сих про кочует, занимаясь скотоводством и лишь медленно оседая. Совсем недавно в жизнь туркмен проник денежный капитал, и торговля составляет занятие очень незначительного круга туркмен. Открытого вида эксплоатации туркмена туркменом, напр., в форме батрачества – нет, но замечается постепенное закабаление путем установления экономической зависимос-

ти мелкого землевладельца от более крупного. Все это обусловливает крайне слабое расслоение туркменского общества.

10 % населения Закаспия составляют русские. Из них 4 % (?) падает на железнодорожников и промышленный пролетариат (Байрам-Али, Мерв, Полторацк, Красноводск), зараженный в некоторой (?) своей части колонизаторскими предрассудками. Отдельными поселками по Закаспию (в районе Кушки и по персидской границе) разбросаны поселения переселенцев – русских кулаков, которые до сих пор еще эксплоатируют в качестве батраков персов, афганцев и т. д.

Остальное русское население составляют бывшие чиновники и мещанство, с еще более ярко выраженными колонизаторскими тенденциями, обладающие наибольшим навыком приспосабливаться к любой власти и пролезающие ныне в качестве технических служащих в советские учреждения или занимающиеся спекуляцией и бело-английским шпионажем. Остальную часть населения (до 20 %) составляют прочие народности: персы, армяне, азербайджанцы и т.д. и киргизы в Мангышлакском и Красноводском уездах. Персы и армяне живут по преимуществу в городах, это – торговцы, спекулянты и кустари. Необходимо отметить, что носителями торгового капитала в Закаспии являются персы и армяне, в то время как нарождающийся торговый капитал среди туркмен еще не вышел из рамок деревни и не проник в города". На съезде политработников, принявшем эту продробную резолюцию о партийном и советском строительстве с характеристикой его современного состояния по областям, произошло резкое размежевание между большинством и представителями политотдела 1-й армии.

Представители политотдела 1-й армии, стоящей в Закаспии, усвоили весьма своеобразную точку зрения на советское строительство на Востоке. Эта точка зрения была,

впрочем, очень некритическим "отражением" их положения – положения представителей армии, пришедшей со стороны, – в край с "патриархальным" населением, – охранять границу. Она была выражена первым съездом политработников 1-й армии: "туземное общество, переходящее от кочевого образа жизни к первобытным формам оседлого хозяйства, сохранившее в значительной степени свой родовой уклад, фанатично-религиозное, не может нами рассматриваться как общество с развитыми классовыми отношениями и поэтому (?!) *должно быть использовано для укрепления Советской власти, как единое национальное целое.* Вместе с тем отдельные элементы *не могут быть* широко вовлечены в коммунистическую партию, так как широкое вовлечение таковых способно ослабить нашу партию созданием внутри ее социально-разнородных групп".* На съезде этот взгляд был заклеймлен как "точка зрения *оккупационной* армии". В самом деле, с одной стороны, его сторонники проявляли величайший оппортунизм, отказываясь от политики классового расслоения и потакая тем самым байским элементам. С другой стороны, за этим оппортунизмом сквозило настоящее колонизаторство: коммунистическую партию предлагалось оставить замкнутой организацией господствующего национального меньшинства.

Съезд политработников выявил неизбежность борьбы *на два фронта – против русского колонизаторства и против феодально-буржуазного национализма.* К этому времени отношения между Туркомиссией и рыскуловской группой, опиравшейся на Крайком и Турцик, достигли критической фазы. – От Турцика в Москву отправилась делегация с требованием ликвидации Туркомиссии. Кризис назрел. Дальнейшие колебания в политике Туркомиссии

---

* *"Первый армейский съезд политработников 1-й рев. армии туркфронта". Изд. туркарм. 1, стр. 8.*

были уже недопустимы. Надежда на проведение политики классового расслоения через националистическую интеллигенцию и самоизживание буржуазного национализма рухнула. Буржуазный национализм не хотел видеть настоящего источника своей слабости – в буржуазном утопизме, а сваливал всю вину за свое внутреннее бессилие на российский пролетариат в целом, на федеративную связь с советской Россией. В декларации делегации это было неуклюже формулировано в виде прозрачного намека на то, что "соединение Туркестана с центром никак не может быть рассматриваемо, как завоевание (!?) Туркестана центральными войсками".

Результатом хлопот "делегации" было далеко не "лестное" для нее постановление Ц.К.Р.К.П. от 29 июня. Это постановление гласило:

"Основными задачами Р.К.П. в Туркестане Ц..Р.К.П. считает:

а) ликвидацию отношений, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате 50 слишком лет империалистической политики самодержавия. Отношения эти за два с половиной года Советской власти, находившейся в руках тонкой прослойки русских рабочих, зараженных колонизаторской психологией, не только не изменилось к лучшему, но еще более обострилось, благодаря своеобразным "коммунистическим" действиям, рассматриваемым порабощенным коренным населением, как продолжение действий агентов старой царской власти и по существу являющихся таковыми;

б) ликвидацию патриархально-феодального наследия, сохранившегося в общественных отношениях туземного населения, в целях введения советов трудящихся, каковые советы должны обеспечить население от всякой эксплоатации и осуществить союз с республиками, в которых пролетариат в состоянии проводить переход к коммунизму.

В целях ликвидации указанных отношений необходи-

мо срочно принять следующие меры:

а) Отобрать у переселенцев киргизских районов все земли, запроектированные переселенческим управлением, или самовольно отобранные переселенцами у киргиз, оставляя переселенцам участки в размере трудового надела. Изъятые земли обратить в фонд наделения киргизских обществ, артелей и отдельных лиц и устроения на них киргиз и дунган – беженцев после разгрома 1916 г.

В основу наделения земледельческих туземных хозяйств положить принцип уравнения с русскими крестьянами. Кочевое хозяйство должно быть обеспечено не только кочевьем, но и пашней, обеспечивающей переход к оседлому хозяйству. Переход к земледельческому хозяйству должен быть обеспечен государственными субсидиями, агрономической помощью и т. д.

б) Обеспечить землей безземельных дехкан.

в) Разбить все кулацкие организации, обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их какой-либо возможности не только руководить, но и влиять на организацию местной власти и на местное строительство путем широко применяемой системы реэмиграции.

г) Выслать из Туркестана в российские концентрационные лагери всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, тех из царских чиновников, использование которых в Туркестане политически неприемлемо, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех примазавшихся к партии, советским органам, Красной армии и т.п.

д) В порядке перераспределения партийных сил откомандировать в распоряжение Ц.К. всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским национализмом, и одновременно произвести в центре мобилизацию нескольких сотен коммунистов для работы в Туркестане.

е) Уравнять в продовольственном отношении туземное

городское население с русским и принять меры к улучшению продовольственного положения туземных крестьян.

ж) Принять действительные меры к поддержке и развитию туземной промышленности.

з) . . . . . .

и) Постановление это проводить в жизнь с неуклонной твердостью, подавляя сопротивление органам, проводящим его, широко применяя систему высылки по отношению к лицам, в каком-либо отношении препятствующим осуществлению на деле настоящего положения.

Далекая от мысли проводить какую-либо классовую политику в туземной среде, рыскуловская группа в лице Крайкома и президиума Турцика недвусмысленно заявила о своем нежелании заниматься "ликвидацией патриархально-феодального наследия". На совместных заседаниях Турцика, Крайкома и Турккомиссии, после приезда делегации из Москвы, она была вынуждена сознаться, что ее буржуазно-националистическая политика привела к определенной группировке туземных эксплоататорских элементов в центре и на местах. Результатом взаимных объяснений явилась отставка всех видных работников рыскуловского течения. Пленум Турцика избрал новый президиум Турцика во главе с тов. Рахимбаевым — коммунистом-интернационалистом. Комиссия Ц.К.Р.К.П. взамен "самораспустившегося" Крайкома назначила временный Центральный Комитет коммунистической партии Туркестана в составе товарищей Тюрякулова, Атабаева, Султан-Ходжа-Касым-Ходжаева, Бабаджанова, Рахимбаева, Ходжанова, Асфендиарова и др. На место буржуазно-националистической интеллигентской верхушки должны были притти подлинные представители узбекских, киргизских и туркменских низов. И они пришли.

Этого требовало не только внутреннее положение, но и военно-политическое положение. В Фергане целый ряд басмаческих вождей весной 1920 года пошел на мир с Совет-

ской властью. Однако этот мир "на основе шариата"* был непрочен. Басмаческие части, которые должны были переформироваться в регулярные части Красной армии, на деле продолжали оставаться прежними разбойничьими бандами.

По ту сторону фронта Мадамин-Бека заменили Курширмат и Халходжа, которые в один прекрасный день, заманив его к себе, постепенно перевели в ряды активного басмачества большую часть ранее перешедших в Красную армию отрядов. "Бухара-и-Шериф", "священная Бухара", во исполнение английского плана о создании средне-азиатской колонии против Советской власти, стала откровенно провоцировать войну против Советской федерации.

Руководящее ядро мусульманских работников-интернационалистов совместно с Туркомиссией принялось за лихорадочную подготовку 5-го Краевого съезда коммунистической партии Туркестана и 9-го съезда Советов. Всюду комиссии по созыву съездов провели огромную работу. Наряду с агитацией, они занимались и чисткой местных советских учреждений и партийных организаций от колонизаторов и мусульманских эксплоататорских элементов. Беднота старых городов, а кое-где и кишлаков почувствовала *иную* власть. "Переворот", произведенный в центре, был радостно всречен местами. Буржуазно-националистическому политиканству пришел конец. Наступала пора черной, будничной работы по-революционному. Партийные и советские съезды по областям и уездам доставили богатейший материал из жизни чудовищно-забитых трудящихся масс коренного Туркестана. Прямо со съездов многие заведующие отделами и председатели партийных организаций из бывших царских чиновников отправлялись в тюрьму.

На Ферганский областной съезд явились кара-киргизы, сорок лет не видавшие городов, – чтобы поведать о своей каторжной первобытной жизни без всякого просвета впе-

* Договор с Мадамин-Беком.

реди. На Аулие-Атинский уездный съезд прибыла группа киргиз с просьбой, чтобы... их исключили из коммунистической партии, так как они туда насильно записаны баями и манапами для несения всякого рода повинностей.

Объявленная Реввоенсоветом туркфронта мобилизация тридцати тысяч киргиз, узбеков и туркмен прошла во многих местах с большим подъемом.

Непосредственно перед революцией в Бухаре в Туркестан приехала новая Турккомиссия (и вместе с тем туркестанское бюро Ц.К.Р.К.П.) в составе тов. Сокольникова, Сафарова, Кагановича (Воронежского) и Петерса.

Революция в Бухаре, руководимая "джадидами" – бухарскими революционерами, разрушила старый оплот средневекового насилия и мракобесия в этой части Средне Азии.

5-й съезд К.П.Т. и 9-й съезд Советов Туркестанской республики в сентябре 1920 г. были первыми съездами, на которых действительно прозвучал голос туземной бедноты. В приложении мы помещаем тезисы – "о задачах коммунистической партии в Туркестане", принятые 5-м съездом К.П.Т. и легшие в основу соответственной резолюции 9 съезда Советов. 5-й съезд К.П.Т. высказался за организацию "союзов трудового дехканства", которые бы, объединив малоземельных чайрикеров и мардикеров, повели борьбу с байством и кулачеством на почве защиты экономических интересов трудящихся. В новые Турцик, Ц.К.К.П.Т. и Совнарком на все руководящие посты были выдвинуты киргизы, узбеки и туркмены-коммунисты.

Национальное и классовое самоопределение киргизской, узбекской и туркменской бедноты в форме Советской автономии было, наконец, поставлено на правильные рельсы.

Мы слишком близко подошли к "текущему моменту", чтобы продолжать дальше историческое описание колониальной революции.

Одно – несомненно: Туркестан, десятки лет бывший царской колонией, под организованным давлением российского пролетариата *стал* Автономной Советской республикой коренных народов.

VII

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Для буржуазной демократии вопрос о национальном равноправии есть вопрос формальный. Она утверждает формальное равенство угнетателей и угнетенных, тогда как на самом деле поддерживает национальный гнет. Не то – Советская власт,. Советская власть есть массовая, государственно-классовая организация трудящихся. Она не может держаться силой штыков и слепой экономической необходимостью. По самому своему существу она не может быть колониальной властью, властью колонизаторской кучки, господствующей над массами туземного населения. Она должна быть властью этих масс. Если первоначально лишь незначительные группы национальной интеллигенции и трудящихся делают ее орудием своего национального и классового освобождения, то чем дальше, тем больше она становится почвенной, национальной и классовой властью угнетенной бедноты. Она проникает в туркменский аул, где вся вода захвачена баями, – узбекский кишлак, где ростовщик-спекулянт, как крепостник старого времени, эксплоатирует бедноту, – в киргизскую степь, где беднота пасет стада могущественных манапов. Она проникает в гущу народной темноты, где власть тьмы поддерживается религией. Для народов, отброшенных с широкой дороги исторического развития властью чужеземного капитала, она –

единственное средство подняться на ноги, разрушить царство крепостнической кабалы и культурного невежества. Здесь только *власть* бедноты способна организовать трудящихся, угнетенных и эксплоатируемых. Здесь только она может дать им просвещение, – букварь, школу, книжку и газету.

В особые условия попадает и коммунистическая партия на Востоке. Она не может рассчитывать на успех, будучи партией национального меньшинства; в особенности, поскольку это национальное меньшинство принадлежит к ранее господствовавшей нации. Пример "колониальной Советской власти" в Туркестане – тому доказательство. Именно в среде угнетенных и отсталых наций коммунистическая партия становится орудием национально-культурного самоопределения трудящихся масс. Национальное неравенство во всех областях покоится на материальной основе: на отсутствии фабрично-заводской промышленности и развитой сети железных дорог, на первобытном уровне производстве и первобытной организации труда, на отсутствии квалифицированных рабочих и технической интеллигенции, на недохватке национальной интеллигенции и наборщиков, на отсутствии мусульманских шрифтов и ничтожном проценте грамотных людей. Преодолеть все это возможно лишь путем организации, перевоспитания и обучения масс на основе их самодеятельности.

Против империализма и средневековой идеологии имущих верхов – панисламизма, пантюркизма и проч. коммунизм поднимает знамя национально-культурного самоопределения угнетенных и эксплоатируемых.

Против власти капитала и средневековой кабалы он поднимает знамя Советской власти, советского самоопределения.

Таков путь угнетенного Востока из царства необходимости в царство свободы.

Приложение 1.

Тезисы по национальному и колониальному вопросам (II конгресса Коммунистического Интернационала).

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплоататора и эксплоатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношения товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплоатируе-

мых, из общего понятия народных интересов сообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплоататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистическая война 1914 – 1918 г.г. с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз. Веденная с обех сторон под прикрытием фраз об освобождении народов и о праве наций на самоопределение, эта война показала миром в Брест-Литовске и Бухаресте, с одной стороны, миром в Версале и Сен-Жермене, с другой, как бесцеремонно победоносная буржуазия определяет национальные границы, сообразно своим хозяйственным выгодам. Для буржуазии и национальные границы оказались предметом торга. Так называемый союз народов "Лига наций" – не что иное, как страховой договор, которым победители в этой войне взаимно закрепляют за собой добычу; стремления к "восстановлению национального единства", к воссоединению уступленных частей территорий суть, по соображениям буржуазии, лишь попытка побежденных собраться с силами для новых войн. Воссоединение искусственно разорванных наций отчасти соответствует выгодам пролетариата; но своей истинной национальной свободы и единства пролетариат может добиться лишь путем революционной борьбы и победы над буржуазией. Лига наций и вся послевоенная политика империалистической Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс ко-

лониальных и зависимых стран, ускоряя крах мещанскинациональных иллюзий на счет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышеизложенных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросам должно быть положено сближение пролетариата и трудящихся масс всех наций для совместной революционной борьбы за свержение землевладельцев и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Российской советской республики, которая должна группировать вокруг себя неминуемо, с одной стороны, – советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, – все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в союзе с революционным пролетариатом и в победе Советской власти над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трздящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения в отдельных странах или среди отсталых национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на

практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях Р.С.Ф.С.Р. к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской – в прошлом, азербайджанской, украинской – в настоящем), так и внутри Р.С.Ф.С.Р. по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр.,башкирская и татарская автономные республики в Р.С.Ф.С.Р., созданные в 1919 и 1920 годах).

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих новых, на основе советского строя и советского движения возникающих федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо развитие разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, но по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства, как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутригосударственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем голым, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему необязывающим признанием равноправия наций, которым ограничиваются буржуазные демократы – все равно, признающие ли себя откровенно таковыми, или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалисты II Интернационала.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий — и с парламентской трибуны и вне ее — должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантии прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их "демократическим" конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное разъяснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного условия, борьба против угнетения зависимых наций и колоний, а равно и признание их права на государственное отделение остается лживой вывеской, как это мы видим у партий II Интернационала.

10. Признание интернационализма исключительно на словах и подмена его на деле во всей пропаганде, агитации и практической работе мещанским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными национальными предрассудками (которые проявляются во всевозможных формах, как например, расовая ненависть, национальная травля, антисемитизм), тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять мировую политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способ-

ную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия нации и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, итти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом, в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мещанско-пацифистскими извращениями понятия и политики интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду следующие пункты:

а) Все коммунистические партии должны оказывать революционным освободительным движениям в этих странах помощь делом, причем форма поддержки должна обсуждаться с коммунистической партией данной страны там, где такая партия имеется. В первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношении.

б) Необходимо вести борьбу с реакционным и средневековым влиянием духовенства, миссии и др. подобных элементов.

в) Необходима борьба с пан-исламизмом, с пан-азиатским движением и подобными течениями, пытающимися

соединить освободительную борьбу против европейского и американского империализма с усилением турецкого и японского империализма, дворянства, крупных землевладельцев, духовенства и т. д.

г) Особенно необходимо поддерживать специально-крестьянское движение в отсталых странах против всяких проявлений или остатков феодализма, надо стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, где возможно объединяя крестьян и всех эксплоатируемых в советы и тем самым осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на Востоке, в колониях, в отсталых странах вообще.

д) Необходима решительная борьба с перекрашиванием не истинно-коммунистических революционных освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма. Коммунистический Интернационал обязан поддерживать революционные движения в колониях и отсталых странах лишь с той целью, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации. Коммунистический Интернационал должен вступать во временные соглашения, даже в союзы, с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней, а безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения, даже в самой зачаточной его форме.

е) Необходимость неуклонного разъяснения и разоблачения среди самых широких масс всех, особенно же отсталых стран и народов того обмана, который систематически проводят империалистические державы с помощью привилегированных классов угнетенных стран, под видом создания политически независимых государств, вызывая к жизни вполне зависимые от них же в экономическом, финансо-

вом, военном отношениях государства. Ярким примером обмана рабочего класса угнетенных наций, произведенного соединенными усилиями империализма Антанты и буржуазии соответствующей нации, может служить палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм, который под видом создания еврейского государства в Палестине отдает в жертву английской эксплоатации фактически арабское население Палестины, где трудоспособные евреи составляют лишь незначительное меньшинство. В современной международной обстановке, кроме союза советских республик, нет спасения зависимым и слабым нациям.

12. Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистическими державами оставило в трудящихся массх угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предательство социализма большинством официальных вождей этого пролетариата в 1914 – 1919 годах, когда "защитой отечества" социал-шовинистами прикрывалась защита "права" буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, могло лишь усилить вполне законное недоверие. Так как и национальные предрассудки могут исчезнуть лишь после искоренения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особенным вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность итти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего

мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

Дополнительные тезисы.

1. Одним из важнейших вопросов, стоящих перед II Конгрессом III Интернационала, является точное определение взаимоотношений между Коммунистическим Интернационалом и революционным движением в политически угнетенных странах с господствующим капиталистическим строем, как-то в Китае и Индии. История мировой революции переживает такой период, при котором правильное понимание этих взаимоотношений является необходимостью. Великая европейская война и ее последствия ясно показали, что народные массы неевропейских угнетенных стран неразрывно связаны с пролетарским движением в Европе вследствие централизации мирового капитализма, что проявляется, например, в отправке колониальных войск и многочисленных рабочих армий на фронт во время войны и т. д.

2. Европейский капитализм черпает свою силу главным образом не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений. Для его существования необходим контроль над обширными колониальными рынками и широкое поле эксплоатации. Англия – оплот империализма – страдает от перепроизводства уже в течение века. Без обширных колониальных владений, столь необходимых для сбыта товаров и в то же время снабжающих ее сырьем, капиталистический строй Англии рухнул бы давным-давно под своей тяжестью. Держа в рабстве сотни миллионов жителей Азии и Африки, английский империализм держит в то же время британский пролетариат в подчинении буржуазии.

3. Сверхприбыль, получаемая с колоний, является главным источником средств современного капитализма.

Европейскому рабочему классу удастся только тогда свергнуть капиталистический строй, когда этот источник окончательно иссякнет.

Капиталистические страны пытаются, надо сказать, не безрезультатно, восстановить свое пошатнувшееся положение путем обширной и интенсивной эксплоатации человеческого труда и естественных богатств в колониях. Путем эксплоатации населения колоний европейский империализм в состоянии предоставить целый ряд подачек, компенсаций рабочей аристократии в Европе. В то время как, с одной стороны, европейский империализм пытается понизить прожиточный минимум пролетариата путем импорта на континент товаров, произведенных более дешевым трудом рабочих колониальных стран, он, с другой стороны, готов пожертвовать сверхприбыль, получаемую дома, лишь бы сохранить сверхприбыль от эксплоатации колоний.

4. Отделение колоний и пролетарская революция у себя дома свергнет капиталистический строй в Европе. Следовательно, Коммунистический Интернационал должен расширить сферу своей деятельности. Коммунистический Интернационал должен находиться в тесном контакте с теми революционными силами, которые в настоящий момент принимают участие в деле свержения империализма в политически и экономически угнетенных странах. Для полного успеха мировой революции необходимо совместное действие этих двух сил.

5. Коммунистический Интернационал есть концентрированная воля мирового революционного пролетариата. Его миссией является организация рабочего класса всего мира для свержения капиталистического строя, для насаждения коммунизма. III Интернационал – это воинственная единица, которая должна объединить революционные силы всех стран мира.

Пропитанный насквозь буржуазной культурой, возглавляемый кучкой политиканов, II Интернационал не оце-

нил всей важности колониального вопроса. Для него мир вне Европы не существовал. Необходимость координации революционного движения в Европе и в странах других материков для него не была очевидна. Вместо того, чтобы оказывать материальную и моральную помощь революционному движению в колониях, члены II Интернационала сами сделались империалистами.

6. Иностранный империализм, насильно привитый восточным народам, безусловно затормозил их общественное и хозяйственное развитие и отнял у них возможность достигнуть того уровня, какого достигла Европа и Америка, благодаря империалистической политике, стремящейся задержать промышленное развитие в колониях: туземный пролетариат, в прямом смысле этого слова, стал существовать лишь недавно.

Местная, разбросанная кустарная промышленность уступила место централизованной промышленности империалистических стран, вследствие чего громадное большинство населения было вынуждено заняться земледелием и экспортировать сырье за границу.

С другой стороны, наблюдается быстро растущая концентрация земель в руках крупных землевладельцев-капиталистов и казны, что сильно способствует увеличению числа безземельных крестьян. Огромное большинство населения этих колоний находится в состоянии угнетения. В результате такой политики, дух протеста, находящийся в потенциальном состоянии в народных массах, выявляется лишь через посредство немногочисленного интеллигентного среднего класса. Иностранное засилие все время тормозит свободное развитие социальной жизни; поэтому первым шагом революции должно быть его свержение. Таким образом, помогать борьбе за свержение иностранного владычества не значит подписываться под националистическими стремлениями туземной буржуазии, а значит лишь открывать дорогу пролетариату колоний к его освобождению.

7. Можно отметить существование двух движений, удаляющихся друг от друга с каждым днем. Одним из них является буржуазно-демократическое националистическое движение, которое преследует программу политической независимости при капиталистическом строе, другое – борьба бедных и темных крестьян и рабочих за свое освобождение от какой бы то ни было эксплоатации. Первое движение пытается контролировать второе, причем часто с успехом; но Коммунистический Интернационал должен бороться против подобного контроля и способствовать развитию классового сознания в рабочих массах колоний. Таким образом, первым шагом революции в колониях должно быть свержение иностранного капитализма. Но самой главной и необходимой задачей является создание коммунистической организации крестьян и рабочих, которая могла бы вести их за собой к революции и основанию Советской республики. Таким образом, в отсталых странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания под руководством сознательного пролетариата передовых стран.

8. Реальная сила, фундамент освободительного движения, в колониях не замыкается в узкий круг буржуазно-демократических националистов. В большой части колоний существует уже организованные революционные партии, которые работают в тесном контакте с рабочими массами. Коммунистическая партия должна входить в контакт с революционным движением в колониях через посредство этих партий и групп, ибо они служат авангардом рабочего класса. В настоящее время они не многочисленны, но они являются выражением воли масс, ведя их за собой к революции.

Коммунистические партии различных империалистических стран должны работать в тесном контакте с колониальными пролетарскими партиями и через них оказывать

материальную и моральную поддержку революционному движению вообще.

9. На первых порах революция в колониях не будет коммунистической, но если с самого начала во главе ее станет коммунистический авангард, то революционные массы будут выведены на верную дорогу к достижению поставленной цели путем приобретения революционного опыта. Было бы совершенно ошибочно стремиться к решению аграрного вопроса на чисто коммунистических принципах. В первой стадии своего развития, революция в колониях должна проводиться по программе с чисто мелкобуржуазными реформистскими пунктами, как-то: раздел земли и т. д. Но из этого не следует, чтобы руководство революцией в колониях находилось в руках буржуазных демократов. Напротив, пролетарские партии должны вести усиленную пропаганду коммунистических идей и учреждать при первой возможности рабочие и крестьянские советы. Эти советы будут работать наравне с советскими республиками прогрессивных капиталистических стран для окончательного свержения капиталистического строя всего мира.

Приложение II

Циркулярное письмо Центрального Комитета
Российской коммунистической партии (большевиков)

Всем организациям Коммунистической партии Туркестана.

В течении многих десятков лет Туркестан жестоко эксплоатировался царской бюрократией и великодержавным капиталом. Сюда направлялись все отбросы царско-чиновничьего самодержавия. Здесь систематически создавалась основа для колониального угнетения в лице русского эксплоататорского населения. Русским кулакам была предоставлена полная свобода захвата земель туземного населе-

ния. Царская бюрократия своим произволом, насилием, грабежом и взятками сделала здесь ненавистным самое имя русского. Не остался вне развращающего влияния колонизаторства и тонкий слой русских рабочих. Все русское население многими годами и десятками лет воспитывалось в духе превосходства и национального неравенства.

Отрезанный белогвардейскими бандами почти с первых же дней революции от Советской России, Туркестан оказался предоставленным своим собственным силам. Не имея за собой крепких революционных традиций и опыта упорной классовой борьбы, тонкий слой русских рабочих, естественно, в значительной своей части подпал под влияние колонизаторско-националистических примазавшихся элементов и бессознательно повел политику, враждебную интернациональным интересам пролетарской революции.

Побуждаемые своими классовыми и групповыми интересами, под его знаменем сорганизовались элементы, не имеющие ничего общего с делом освобождения трудящихся. Бывшие прислужники царского режима, авантюристы и кулаки, под видом классовой борьбы, обрушились самыми дикими преследованиями на местное население. Такое частичное продолжение старой политики, под формами советской власти, могло только оттолкнуть туземную бедноту от революции и бросить ее в объятия баев. Так и случилось: Советская власть во многих местностях Туркестана превратилась в орудие национальной борьбы.

Соединение Туркестана с Советской Россией несколько разрядило туземную атмосферу национальной ненависти и склоки, однако не могло сразу ликвидировать всех остатков прошлого. Колонизаторская политика вела прямо и непосредственно к закабалению туземной бедноты. Понятно, что с прекращением ее туземная беднота не могла сразу подняться к власти и встать на защиту своих интересов. У власти оказались наряду с колонизаторскими элементами туземные эксплоататорские верхи, которые вмес-

то помощи трудящимся массам в деле их национально-культурного и классового самоопределения, занялись усиленной эксплоатацией их, перенеся все традиционно-феодальные методы угнетения в виде взяток, грабежа и личного террора под "советскую крышу".

До сих пор еще советское строительство в Туркестане не поставлено на правильные рельсы. Пользуясь децентрализованным и дезорганизованным состоянием власти, на местах все еще продолжают безнаказанно орудовать подозрительные шайки примазавшихся. Партийные организации засорены в чрезвычайной мере. Трудящиеся массы киргиз, сартов, узбеков, туркмен все еще не знают, что такое настоящая советская власть и коммунистическая партия — защитница всех угнетенных и эксплоатируемых.

С этим пора покончить. Тут не может быть никаких колебаний. Не на словах, а на деле несет советская власть и коммунистическая партия освобождение трудящимся массам Востока.

Прежде всего долг русских коммунистов — завоевать доверие трудящихся угнетенных наций. Железной метлой нужно очистить советский аппарат от примазавшихся отбросов старого режима и кулачья, которое пытается найти в советской организации средство для угнетения туземной бедноты. Нужно с корнем вырвать все остатки национального неравноправия в области распределения продовольствия, обслуживания культурных и хозяйственных нужд. Нужно обеспечить землей безземельных дехкан, вернуть киргизской бедноте захваченные у ней земли и уравнять ее с русскими крестьянами — переселенцами, предоставив всем равный трудовой надел. Нужно немедленно принять меры к распространению школьной сети среди туземного населения, к развитию школы на родном языке, к поднятию его культурного уровня всеми силами и средствами.

Коренными народами Туркестана являются — узбеки,

сарты, киргизы и туркмены. На трудящиеся массы этих народов и должна опереться советская власть. На этой основе и должно итти строительство советов трудящихся, которые призваны освободить туземную бедноту от колонизаторского разбоя, засилья баев, и осуществить братский союз трудящихся масс Востока с коммунистическим пролетариатом передовых стран. Совершенно ясно и очевидно, что только завоевав доверие трудящихся масс угнетенных наций Востока, русские пролетарии смогут помочь им в деле освобождения от классового ига баев, манапов, беков и ханов и идейного влияния буржуазного национализма. Величайшая осторожность нужна при учете национально-бытовых особенностей местного населения, ясное понимание исторических причин его отсталости, трезвое сознание того, что отжившие предрассудки изживаются трудящимися массами в ходе практического советского строительства.

Только на основе национального самоопределения широких масс трудящихся коренных народов в Туркестане может создаться крепкая советская власть.

Коммунистическая партия Туркестана была до сих ареной борьбы личных группировок, прикрывавших революционной фразеологией свои местнические интересы. Отныне это не должно больше иметь места в рядах Р.К.П. Партия должна собрать под свое знамя все лучшие пролетарские, полупролетарские и трудовые элементы коренного населения, вооружить его революционным знанием и повести в бой за интересы трудящихся.

На деле нужно проверять всех и каждого, насколько кто пригоден нести на себе великие обязанности передового борца: выполнение партийной дисциплины, участие в субботниках, исполнение нарядов по мобилизации на фронты и т. д.

Партия должна поставить своей прямой задачей культурно-просветительскую работу среди туземной бедноты. Нужно, чтобы туземная беднота знала законы советской

власти, понимала их и научилась сама защищать свои интересы. С другой стороны, нельзя освободить бедноту от духовного рабства у баев и улема, не показав массам на примере новометодной, трудовой школы — настоящий путь к культурному освобождению.

Английские белогвардейцы, ханы, беки, баи и улема сопредельных с Туркестаном стран, всегда готовые напасть из-за угла на трудовой народ с оружием в руках, подкапываются под советскую власть. Нужно создать на месте стойкие кадры Красной армии из туземной бедноты. Нужно научить ее владеть оружием для защиты своих трудовых прав.

Советский Туркестан — передовой пост коммунистической революции на Востоке.

За работу же товарищи!

Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

Приложение III.

О задачах коммунистической партии в Туркестане.

Тезисы т. Сафарова, принятые V съездом К.П.Т.

I. В Туркестане, бывшем в течение десятилетий колонией царской бюрократии и великодержавного капитала, до сих пор еще сохранились остатки феодального строя, а отчасти и патриархально-родового быта (Закасний, Семиречье, часть Сыр-Дарьинской области). Тогда как узбеки-сарты довольно уже прочно осели на землю, значительная часть киргизского и туркменского населения все еще не порвала с кочевым образом жизни и занимается скотоводческим хозяйством. Капиталистическое развитие, принесенное сюда русским капиталом, проникло, главным образом, только в область торговли, выдвинув над массой населения

широкий слой торговых посредников и баев, но оставило почти незатронутой область производства. Основная масса населения – кочевники, трудовые дехканы, чайрикеры и кустари – до сих пор еще находятся во власти крупных торговцев, и полукрепостников землевладельцев и рядовой аристократии – баев, манапов и беков, будучи бессильной разрушить оковы двойного, кабального – крепостнического и буржуазного гнета. Вызвав своей промышленной и земельной политикой массовое обнищание, российское самодержавие и российский капитал увеличили силу классового гнета и внутри угнетенных наций.

II. С другой стороны, царское правительство в Туркестане систематически создавало основу для колониальной эксплоатации в лице русского населения – переселенческого кулачества (Семиречье, Сыр-Дарьинская, Джалал-Абадский район и т. д.) и колониальной бюрократии. Оно производило систематический захват земель туземного населения, в особенности киргиз, и всячески покровительствовало эксплоататорским аппетитам русского кулачества, помогая его обогащению за счет туземной бедноты. Такая же свобода колониального разбоя была предоставлена и русской бюрократии.

В то же время российское самодержавие проводило свою политику национального закрепощения и через имущие верхи туземного населения, отдавая в их руки административно-полицейские аппараты на низших ступенях. Эта колониальная политика не могла пройти бесследно и для тонкого слоя русских рабочих, воспитав в них чувство национального превосходства перед всеми другими и открыв буржуазно-шовинистическим влияниям широкий доступ в их среду.

III. Незнакомство с опытом классовой борьбы в международных рамках и отсутствие революционных традиций в прошлом, обстановка застарелого колониального гнета и национального неравноправия обусловила своеобразный,

националистический ход революции в Туркестане. Заняв руководящее положение в революции в первое время, в качестве наиболее активной части населения, тонкий слой русских рабочих благодаря оторванности от пролетарского центра, лишенный его идейного руководства, волею событий предоставленный самому себе и вынужденный одновременно вести борьбу на фронтах гражданской войны, – оказался не в состоянии построить здесь действительно массовый, подлинно-интернациональный, централизованный аппарат советского государства. Благодаря отсутствию классовой организации и колониальным пережиткам прошлого, к власти прежде всего примазались истинно русские старочиновничьи элементы и русские кулаки, которые сразу же попытались сделать советскую форму орудием национального угнетения. "Коммунистические" лозунги превратились в простую вывеску для дикого и беспорядочного преследования, грабежа и угнетения коренного населения. Таким образом, с формальной победой советской власти в Туркестане сложилось колонизаторство, как течение, претендующее на политическое руководство. Колонизаторские безобразия вызвали националистическую реакцию в среде угнетенных национальностей и в сугубой мере белогвардейскую работу английских шпионов, баев и улема среди туземных масс.

Соединение с Советской Россией дало первый толчок национальному самоопределению коренного населения. Однако беднота не могла сразу подняться к власти и наряду с примазавшимися колонизаторами под советской крышей оказались буржуазные националисты – баи, манапы и улема. В их руках борьба за национальное самоопределение приняла форму чисто националистической склоки за своих "национальных чиновников". Только на третий год революции невероятный рост разрухи и засилие баев толкнули и туземную бедноту к прямому союзу с коммунистическим пролетариатом Советской России.

Общая задача, которая непосредственно вытекает из колониального характера общественных отношений в Туркестане, заключается в том, чтобы организовать туземную бедноту через Советы депутатов трудящихся, которые бы обеспечили ее и от колонизаторского разбоя и от эксплоатации баев, и осуществили ее прямой союз с коммунистическим пролетариатом передовых стран.. Организовать киргизскую, туркменскую и узбекскую бедноту без участия и русского колонизатора, и мусульманского бая – вот ближайшая цель коммунистической партии в Туркестане.

Для полной ликвидации колониальных отношений необходимо срочно принять следующие меры:

1) Разбить все кулацкие организации, обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их какой-либо возможности руководить и влиять на организацию местной власти и на местное строительство, путем широкого применения системы реэмиграции; выслать из Туркестана в российские концентрационные лагери всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, членов союзов русского народа и Михаила Архангела, спекулянтов и вообще всех царских чиновников бывш. управляющих крупными русскими предприятиями, чиновников переводчиков, использование которых в Туркестане политически неприемлемо.

2) Отобрать от переселенцев киргизских районов все земли, экспроприированные и розданные переселенческим управлением или самовольно отобранные у киргиз, оставляя переселенцам участки в размере трудовой нормы.

Примечание. Точно также подлежат возвращению в земельный фонд для наделения безземельных крестьян (туземцев) все земли, экспроприированные царским правительством, как-то б. государевые имения и другие. Причем разработку в п. 2 и примечания меропри-

ятий поручить комзему одновременно с разработкой земельной нормы.

3) Уничтожить все остатки национального неравноправия в области снабжения продовольствием, социального обеспечения, народного образования, медицинской помощи, охраны труда и пр.

4) Провести планомерную борьбу с бюрократизмом и должностными преступлениями путем систематического привлечения туземных трудящихся масс к делу советского строительства, в особенности через органы рабоче-дехканской инспекции, профессиональные союзы, кооперативы, продовольственные организации и органы земельной политики.

5) Неуклонно проводить план формирования красноармейских частей из туземной бедноты, поставить на должную высоту политическую работу среди них, мобилизовать на эту работу лучшие партийные силы мусульман, а также и усилить подготовку красных командиров из коренного населения.

Особые мероприятия должны быть проведены для классового расслоения оседлого и кочевого населения.

Для кочевого населения они сводятся к следующему:

1) Поскольку временно приходится исходить из деления кочевых родов на угнетаемые и эксплоатирующие, административное устройство кочевников надо приспособить к тому, чтобы, с одной стороны, облегчить им оседание на землю, а с другой, подавить политическое влияние и подорвать экономическую мощь существующих эксплоататорских родов, их группировок и отдельных баев и манапов. К государственному строительству должны быть привлечены только угнетаемые слои кочевников, все же привилегированные группы должны быть лишены избирательного права.

2) Конкретно в отношении влиятельных манапов и

баев необходима и конфискация излишков скота и передача их в распоряжение Советской власти для распределения между не имеющими по определенной норме, учитывая при этом интересы государства в целом и дальнейшего развития скотоводства в крае. Ввиду наблюдающихся фиктивных разделов скота манапами между бедными сородичами, из страха перед Советской властью, необходимо фактически закрепить за беднотой данный ей скот.

3) Параллельно с указанным административным переустройством должна вестись партийная работа в духе развития классового самосознания среди кочевников и применением лозунгов партии к их психологии и быту.

4) Трудовое кочевое населения должно быть наделено землей, отобранной у переселенцев и по возможности обеспечено необходимым земледельческим инвентарем за счет государства.

5) В связи с пролетаризацией кочевников и появлением их в качестве рабочей силы на целом ряде предприятий, необходимо направить все усилия к полному уравнению их с европейскими рабочими, к их организации в союзы и распространению среди них профессионального образования.

6) Необходимо принять меры к поддержанию среди кочевников кустарных производств, как-то: выработки армячины (чикменей), платков, ниток и пр., а также организации добычи соли, выработки растительных красок и пр. путем всемерной поддержки кустарей, организацией артелей открытием мастерских и пр.

7) Все эти задачи необходимо предложить подробно разработать комзему, Ц.С.Н.Х., краевому Совету проф. союзов и заинтересовнным ведомствам.

Для чего создать особый орган по обследованию народного хозяйства кочевников и проведению всех перечисленных мер.

8) Суды казиев и баев должны быть уничтожены и дол-

жен быть введен единый народный суд с применением к правосознанию кочевого населения, причем как непременное правило ввести, что члены единого народного суда должны быть туземцы, из числа пользующихся избирательным правом по конституции Р.С.Ф.С.Р.

9) Необходимо распространение школьной сети и внешкольного образования (школ-кибиток), юрт-читален среди кочевников, открытие краткосрочных курсов для незаконченных образование, начатое в русских школах, распространение технических знаний, общего агрономического просвещения и т. д.

Вообще во всех европейских школах, в интересах сближения с местным населением, изучение местных языков должно быть обязательным.

В туземных школах коренному населению должна быть обеспечена возможность изучения русского языка.

В отношении оседлого населения:

1) Необходимо приступить немедленно к наделению землей чайрикеров и мардекеров по трудовой норме, устанавливаемой особо для каждого района республики и снабжая их сельскохозяйственным инвентарем.

2) В области кустарных производств необходимо приступить к реорганизации союзов кустарей, отстраняя от руководства в них крупных предпринимателей из кустарей и тем самым раскрепощая мелких кустарей и подмастерьев.

3) Для указанной цели необходимо широко развить профессиональное образование среди коренного населения как в городах, так и в деревне, приступить к открытию мастерских для кустарей государства с самой широкой помощью им и предложить Ц.С.Н.Х., Краевому Совету проф. союзов и компросу приступить теперь же к разработке подробного плана работы.

4) Принять героические меры для ликвидации безграмотности путем мусульманизации школьной сети, широкой организации курсов грамоты, громкочитален, клубов

чайхане, издания в первую голову туземных учебников и т. д.

5) Обязать Комитет срочно провести советскую судебную реформу, ограничив избирательное право в судебные учреждения лишь кругом лиц, пользующихся избирательным правом в советах трудящихся.

6) В целях обезвреживания улемистов, баев, манапов, крупных предпринимателей из кустарей, организовать широкое привлечение их к принудительной трудовой повинности. Применить ту же меру к волостным и аульным старшинам, писарям и пр. административно-полицейским деятелям старого режима из туземцев.

Непременным условием проведения подобной меры должна быть предварительная и параллельная политическая агитация, разъясняющая классовый смысл принудительных работ.

7) Так как в среде улема имеется прогрессивная часть, главным образом, фукаре, признать возможным техническое использование ее в советских учреждениях.

Все эти меры не останутся на бумаге лишь постольку, поскольку сама коммунистическая партия освободится от примазавшихся элементов и перестанет быть ареной борьбы личных и национальных группировок.

1) В порядке перераспределения партийных сил нужно откомандировать с этой целью в распоряжение Ц.К.Р.К.П. всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством, одновременно войти в сношение с центром на предмет систематической посылки сюда европейских коммунистов, по возможности уже обладающих знанием мусульманского языка, а также мусульманских коммунистов.

2) С помощью партийной регистрации, а также посредством беспощадного проведения партийной дисциплины (мобилизации, субботники, выполнение партийных обязанностей) необходимо очистить коммунистические организа-

ции от всех примазавшихся, компрометирующих партию своим безобразным поведением. Члены партийных комитетов должны быть особенно безупречны по части националистических предрассудков и в смысле личного поведения.

Центр тяжести партийной работы нужно перенести на работу в низовых ячейках, на политическое воспитание членов партии и поголовное привлечение их к выполнению разного рода партийных и советских заданий.

3) Борьба с религиозными предрассудками среди членов партии должна быть поставлена на интернациональную, классовую почву. Тогда как среди угнетенных национальностей крепость религиозных предрассудков объясняется национальным гнетом, приверженность к религии со стороны представителей ранее господствовавшей нации в колонии служит, в значительной мере, проявлением угнетательского шовинизма. Поэтому в среде европейцев свобода от религиозных предрассудков является обязательным условием для занятия ответственных постов. Не меньшая требовательность должна предъявляться и к вполне сознательным и ответственным работникам-мусульманам. Что касается рядовых и менее ответственных мусульман, членов партии, то борьба с религиозными предрассудками в их рядах должна вестись исключительно с помощью развития классового самосознания.

4) Ввиду особого политического значения Красной армии в Туркестане, необходимо обратить самое сугубое внимание на ее политическое воспитание и изгнание из ее рядов всех мародерских партизанско-кулацких элементов, стремясь развить среди красноармейцев подлинно-интернациональную психологию, чуждую колонизаторского налета. Коммунисты, работающие в стационарных частях Красной армии, обязаны работать, помимо своих организаций, в местных партийных организациях, не создавая из армии классовой организации в смысле политическом.

5) Считая необходимым, чтобы проведение всех ука-

занных выше мероприятий носило планомерный характер и не на словах, а на деле оказалось могучим орудием к развитию классового расслоения и усиления классового самосознания трудящихся туземцев и полного уничтожения остатков колонизаторства, необходимо отказаться от системы самочинных действий, что, благодаря маленьким недостаткам механизма, может свести на нет все эти мероприятия, и поручить Ц.К. и Турцику разработать все эти меры в *законодательном порядке*, строго согласуясь с особенностями каждой области; и только затем, в порядке распоряжений рабоче-крестьянского правительства, меры эти подлежат на местах неуклонному проведению в жизнь. Съезд обращает внимание Ц.К. и Турцика на неотложность и срочность проведения всех этих мер, составляющих основу их будущей деятельности.

6) Ставя задачей оздоровление туркестанской коммунистической партии путем рациональной чистки и привлечения пролетарского трудового элемента, съезд признает необходимым усилить работу среди туркестанского туземного и русского пролетариата. Особенное внимание должно быть обращено на железнодорожный пролетариат, могущий стать значительным источником новых коммунистических сил и призванный ныне решать одну из труднейших проблем советского хозяйства – задачу восстановления транспорта.

Приложение IV.

Резолюция X съезда Р.К.П. об очередных задачах партии в национальном вопросе.

1. Капиталистический строй и национальный гнет.

1. Современные нации представляют собой продукт определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма.

Процесс ликвидации федализма является вместе с тем процессом складывания людей в нации. Англичане, французы, германцы, итальянцы сложились в нации при победоносном развитии торжествующего над феодальной раздрйбленностью капитализма.

2. Там, где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации естественно облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства. Так происходило дело в Англии, (без Ирландии), Франции, Италии. На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монгол и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих из одной сильной, господствующей нации, и нескольких слабых, подчиненных. Таковы Австрия, Венгрия, Россия.

3. Национальные государства, вроде Франции и Италии, опиравшиеся в первое время, главным образом, на свои собственные национальные силы, не знали, вообще говоря, национального гнета. В противоположность этому, многонациональные государства, строящиеся на господстве одной нации, точнее, ее господствующего класса, над остальными нациями, являют собою первоначальную родину и основную арену национального гнета и национальных движений. Противоречия интересов господствующей нации с интересами подчиненных наций являются теми противоречиями, без разрешения которых невозможно устойчивое существование многонационального государства. Трагедия многонационального буржуазного государства состоит в том, что оно не в силах разрешить эти противоречия, что каждая его попытка "уравнять" нации и "оградить" национальные меньшинства, при сохранении частной собствен-

ности и классового неравенства, кончается обычно новой неудачей, новым обострением национальных столкновений.

4. Дальнейший рост капитализма в Европе, потребность в новых рынках сбыта, искание сырья и топлива, наконец, развитие империализма, вывоз капитала и необходимость обеспечения великих морских и железнодорожных путей привели, с одной стороны, к захвату новых территорий старыми национальными государствами и превращению последних в многонациональные (колониальные) государства с присущим им национальным гнетом и национальными столкновениями (Англия, Франция, Германия, Италия), с другой стороны, усилили среди господствующих наций старых многонациональных государств стремление не только к удержанию старых государственных границ, но и к расширению этих последних, к подчинению себе новых (слабых) национальностей на счет соседних государств. Тем самым национальный вопрос был расширен и, в конце концов, слит самим ходом вещей с общим вопросом о колониях, а национальный гнет из вопроса внутригосударственного был превращен в вопрос межгосударственный, в вопрос о борьбе (и войне) "великих" империалистических держав за подчинение слабых, неполноправных национальностей.

5. Империалистическая война, вскрывшая до корней непримиримые национальные противоречия и внутреннюю несостоятельность буржуазных многонациональных государств, привела к крайнему обострению национальных конфликтов внутри победивших колониальных государств (Англия, Франция, Италия), к полному распаду побежденных старых многонациональных государств (Австрия, Венгрия, Россия 1917 г.) и, наконец, как наиболее "радикальное" решение национального вопроса буржуазией, – к образованию новых буржуазных национальных государств (Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия, Финляндия, Грузия, Армения и др.). Но образование новых самостоятельных

национальных государств не установило и не могло установить мирного сожительства национальностей, не устранило и не могло устранить ни национального неравенства, ни национального гнета, ибо новые национальные государства, покоящиеся на частной собственности и на классовом неравенстве, не могут существовать: а) без угнетения своих национальных меньшинств (Польша, угнетающая белоруссов, евреев, литовцев, украинцев, Грузия, угнетающая осетин, абхазцев, армян; Юго-Славия, угнетающая хорват, босняков и т. д.); б) без расширения своей территории за счет соседей, что вызывает конфликты и войны (Польша против Литвы, Украины, России; Юго-Славия против Болгарии; Грузия против Армении, Турции и т. д.); в) без подчинения "великим" империалистическим державам в финансовом, экономическом, военном отношениях.

6. Таким образом, послевоенный период открывает неутешительную картину национальной вражды, неравенства, угнетения, конфликтов, войн, империалистических звеств со стороны наций цивилизованных стран как в отношении друг к другу, так и к неполноправным народам: с одной стороны, несколько "великих" держав, угнетающих и эксплоатирующих всю массу зависимых и независимых (фактически совершенно зависимых, национальных государств), и борьба этих держав между собою за монополию на эксплоатацию национальных государств, с другой стороны, борьба национальных государств, зависимых и независимых, против невыносимого гнета "великих" держав: борьба национальных государств между собой за расширение своей национальной территории; борьба национальных государств, каждого в отдельности, против своих угнетенных национальных меньшинств; наконец, усиление освободительного движения колоний против "великих" держав и обострение национальных конфликтов как внутри этих держав, так и внутри национальных государств, имеющих в своем составе, как правило, ряд национальных меньшинств.

Такова картина мира, оставленная в наследство империалистической войной.

Буржуазное общество оказалось полным банкротом в деле разрешения национального вопроса.

II. Советский строй и национальная свобода.

1. Если частная собственность и капитал неизбежно разъединяют людей, разжигают национальную рознь и усиливают национальный гнет, то коллективная собственность и труд столь же неизбежно сближают людей, подрывают национальную рознь и уничтожают национальный гнет. Существование капитализма без национального гнета так же немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия, в первую голову державных наций), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т.е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа Советов и установление диктатуры пролетариата является основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств.

2. Опыт советской революции целиком подтверждает это положение. Установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение перевернули отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвали старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнет и завоевали русским рабочим доверие их и национальных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело. Образова-

ние советских республик в Азербайджане, в Армении привело к тем же результатам, уничтожив национальные столкновения и разрешив "вековую" вражду между турецкими и армянскими, между армянскими и азербайджанскими трудящимися массами. То же самое нужно сказать по поводу победы Советов в Венгрии, в Баварии, в Финляндии, в Латвии. С другой стороны, можно с уверенностью сказать, что русские рабочие не смогли бы победить Колчака и Деникина, а Азербайджанская и Армянская республики не смогли бы стать на ноги без ликвидации национальной вражды и национального угнетения у себя дома, без доверия и энтузиазма к ним со стороны трудящихся масс национальностей Запада и Востока. Укрепление советских республик и уничтожение национального гнета представляют две стороны одного и того же процесса освобождения трудящихся от империалистической кабалы.

3. Но существование советских республик, хотя бы и самых незначительных по размерам, представляет смертельную угрозу империализму. Угроза эта заключается не только в том, что советские республики, порвав с империализмом, превратились из колоний и полуколоний в действительно самостоятельные государства и тем самым лишили империалистов лишнего куска территории и лишних доходов, но прежде всего в том, что самое существование советских республик, каждый шаг этих республик по пути к подавлению буржуазии и укреплению диктатуры пролетариата является величайшей агитацией против капитализма и имперфализма, агитацией за освобождение зависимых стран от империалистической кабалы, непреодолимым фактором разложения и дезорганизации капитализма во всех его видах. Отсюда неизбежность борьбы "великих" империалистических держав с советскими республиками, стремление "великих" держав уничтожить эти республики. История борьбы "великих" держав с Советской Россией, поднимающих против нее одно окраинное буржуазное го-

сударство за другим, одну группу контр-революционных генералов за другой, тщательно блокирующих ее и, вообще, старающихся изолировать ее экономически, – красноречиво говорит о том, что при данных международных отношениях, в обстановке капиталистического окружения, ни одна советская республика, взятая в отдельности, не может считать себя обеспеченной от экономического истощения и военного разгрома со стороны мирового империализма.

4. Поэтому изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, восстановление разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлебным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны, – повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от "своей" и "чужой" буржуазии, национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма, лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят.

5. Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность: а) обеспечить целость и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации: в) наладить мирное строительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации

с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, Горцы, Дагестан), к федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан) и с допущением промежуточных степеней между ними (Туркестан, Белоруссия), — целиком подтвердили всю целесообразность и гибкость федерации, как общей формы государственного союза советских республик.

6. Но федерация может быть прочной, а результаты федерации действительными лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие входящих в нее стран. Если Р.С.Ф.С.Р. является единственной в мире страной, где удался опыт мирного сожительства и братского сотрудничества целого ряда наций и народностей, то там нет ни господствующих, ни подчиненных, ни метрополии, ни колоний, ни империализма, ни национального гнета, — там федерация зиждется на взаимном доверии и добровольном стремлении трудящихся масс различных наций к союзу. Этот добровольный характер федерации обязательно должен быть сохранен и впредь, ибо только такая федерация может стать перехйдной формой к тому высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, необходимость которого становится все более и более обязательной.

III. Очередные задачи Р.К.П.

1. Поскольку пролетарская революция на место империалистического многонационального государства ставит свободную федерацию национальных советских республик, советский строй обеспечивает трудящимся, ранее угнетенным национальностям постепенное и безболезненное развитие к коммунизму и дает им возможность в своей борьбе против пережитков национального гнета и неравенства и собственных эксплоататорских верхов опереться на рево-

люционный опыт и организованную силу пролетариата передовых стран.

Р.С.Ф.С.Р. и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 миллионов населения, из них не великороссов около 65 миллионов (украинцы, белоруссы, киргизы, узбеки, туркмены, азербайджанцы, поволжские татары, крымские татары, бухарцы, хивинцы, башкиры, армяне, чеченцы, кабардинцы, осетины, черкесы, ингуши, карачаевцы, балкарцы*, калмыки, карелы, аварцы, даргинцы, казикумухцы, кюринцы, кумыки,** мари, чуваши, вотяки, немцы Поволжья, буряты, якуты и друг.). Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов.

Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке: суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и раз-

---

* Последние семь народностей объединяются в группу "горцы".

** Последние пять народностей объединяются в группу "дагестанцы".

вить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера, на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев), для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и, прежде всего, в области просвещения.

2. Если из 65-ти миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, часть Азербайджана, Армению, прошедшие в той или иной степени период примышленного капитализма, то остается около 30 миллионов, по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистического развития, не имеющих, или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ), или не вполне еще ушедших дальше полупатриархально-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития.

Уничтожение фактического национального неравенства здесь есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства. Национальное неравенство здесь до сих пор покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве. Это неравенство выражалось прежде всего в том, что эти окраины России (особенно в Туркестане), находившиеся на положении колоний или полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов. Со всем

этим неизбежно должна была столкнуться пролетарская революция на восточных окраинах, и ее первейшей задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни, и прежде всего планомерное насаждение промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Киргизстан, Кавказ – текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.)

Завоевывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплачивает и объединяет их для окончательной ликвидации патриархально-феодальных отношений в среде самих ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству. Первым шагом политики классового расслоения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплоататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных масс в советы трудящихся. При этом, в первую голову, должны организоваться и самым заботливым образом привлекаться в ряды коммунистической партии и к советской работе сравнительно немногочисленные туземные пролетарские элементы, работающие на разных промыслах, в копях, на железных дорогах, солеварении, кулацких хозяйствах.

Следующим шагом должна быть экономическая организация туземной бедноты, смешанного профессионально-кооперативного типа, обусловленного переходом туземных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким – от кочевого образа жизни к земледелию, от цехового ремесла, работающего на вольный рынок, к артельной работе на советское государство (привлечение кустарей полупролетариев в профсоюзы), от кустарно-артель-

ного производства к фабрично-заводскому, от мелкого земледелия к плановой общественной обработке земли. Советское правительство должно прежде всего через сеть органов единой потребительской кооперации притти на помощь к туземным полупролетарским массам, поставленным разрухой под угрозой вымирания. Сообразно с этими особыми условиями строительства советского хозяйства должна быть реорганизована работа хозяйственных органов в смысле перенесения центра тяжести на туземную среду, включения кустарных и пр. промыслов в плановую хозяйственную организацию, установления прочной связи с основной производительной массой населения и разработки конкретного плана насаждения промышленности на окраинах применительно к местным условиям. Также решительно нужно предостеречь против слепого подражания образцам центральной Советской России, особенно при проведении хлебной монополии на окраинах, и связать проведение продовольственной политики не на словах, а на деле с политикой расслоения отсталой туземной среды. Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий центральной России, годных лишь для более высокой ступени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто. Только организуя широкие массы туземной бедноты на почве их жизненных экономических интересов, советы трудящихся смогут поднять народы Востока на совместную борьбу плечо о плечо с пролетариатом передовых стран.

3. Если исключить из 30 миллионов по преимуществу тюркского населения Азербайджан, большую часть Туркестана, татар (поволжских и крымских), Бухару, Хиву, Дагестан, часть горцев (кабардинцев, черкесов, балкарцев) и некоторые другие народности, ставшие уже оседлыми и прочно закрепившими за собою определенную территорию, то остается около 10 миллионов киргиз, башкир, чеченцев, южная часть Туркестана, осетин, ингушей, земли кото-

рых служили до последнего времени объектом колонизации со стороны русских переселенцев, успевших уже перехватить у них лучшие пахотные участки и систематически вытесняющих их в бесплодные пустыни. Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы населить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики – постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры). Задача партии по отношению к трудовым массам этих народностей (помимо названных в пункте 1 и 2 задач) состоит в том, чтобы объединить их усилия с усилиями трудовых масс местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества вообще, хищнического великорусского кулачества в особенности, помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования.

4. Кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию в пределах Р.С.Ф.С.Р., существуют еще отдельные текучие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инонациональные компактные большинства и, в большинстве случаев, не имеющие определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др.). Политика царизма состояла в том, чтобы свести на нет эти меньшинства всеми средствами, вплоть до погромов (еврейские погромы).

Теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равенство национальностей проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача партии по отношению к трудовым массам этих национальных групп состоит в том, чтобы помочь им полностью

использовать это обеспеченное за ними право свободного развития.

5. Развитие коммунистических организаций на окраинах протекает в несколько своеобразных условиях, тормозящих нормальный рост партии в этих районах. С одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования "державной" нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма. С другой стороны, коммунисты-туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трздящихся данной нации с так называемыми "общенациональными" интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к уклону от коммунизма, в сторону буржуазно-демократического национализма, принимающего иногда форму панисламизма, пантюркизма (на Востоке).

Оба эти вредных уклона от принципов коммунистического интернационализма черпают силу в неизбежной, на первых порах, засоренности коммунистических организаций на окраинах. С одной стороны, к партии примазываются кулацко-колонизаторские элементы, с другой стороны, в партию проникают представители туземных эксплоата-

Съезд, решительно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать особую опасность и особый вред первого уклона, уклона в сторону великодержавности, колонизаторства. Съезд напоминает, что без преодоления колонизаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами действительно коммунистические организации, сплачивающие в своих рядах пролетарские и полупролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колонизаторских шатаний в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах.

Признавая к решительной борьбе со всякими лже-коммунистическими элементами, примазавшимися к партии пролетариата, съезд предостерегает от "расширения" за счет мещански-националистических и кулацких элементов. Вместе с тем съезд подчеркивает необходимость умелого и организованного использования в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность Советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Grigorii Safarov. 5
I. Восток и революция 9
II. Туркестан до завоевания русскими 29
III. Туркестан – колония 47
IV. Революция в Туркестане 83
V. Советская власть в Туркестане 117
VI. Ликвидация колониального наследия и советская автономия 161
VII. Вместо заключения 182

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. Тезисы по национальному и колониальному вопросам II конгресса Коминтерна 194
II. Циркулярное письмо ЦКРКП 206
III. О задачах коммунистической партии в Туркестане (тезисы V съезда КПТ) 210
IV. Резолюция X съезда РКП по национальному вопросу 219